

Во время этой бойни из них погибло 6 000 человек. Многие сдались неприятелю, который их сначала пощадил, а затем все же перебил. Помимо готов, погибло и большинство старых римских солдат, которые до этого отделились от римского войска и, как мы уже указывали выше, перебежали к Тотиле и к готам. Те из готского войска, которые не погибли и не попали в руки неприятелю, пытались ускользнуть тайком, пешком или верхом, в зависимости от счастья, обстоятельств или условий местности».

Ход событий, вытекающий из этого рассказа, можно было бы выразить тактически следующим образом: когда натиск готов ослабел, Нарсес приказал всему своему войску перейти в наступление, погнав неприятельских всадников обратно на их пехоту и, наконец, обратил все неприятельское войско в беспорядочное бегство.

Ход сражения также показывает, что пехота готов должна была быть весьма незначительной ценности. Она оказалась совершенно бесполезной. Она не двинулась вперед, чтобы поддержать всадников, и не прикрывала их после их поражения. Готская пехота не пыталась даже выполнить ту особую задачу, которая представлялась ей благодаря расположению неприятельского войска, а именно — поднявшись на край холма, направить удар против одного из выступавших флангов неприятельских стрелков из лука и, одержав здесь успех, оказать этим влияние на общий ход сражения. Весьма вероятно, что эта пехота вообще не была вполне боеспособной, но что она состояла лишь из стариков, полуинвалидов и слуг, так что в этом сражении все готское войско, собственно говоря, состояло исключительно из всадников. Однако, не является совершенно невозможным и такое объяснение, что готы обладали довольно значительной пехотой, но что она не вступила в сражение, так как участь конной атаки была слишком быстро решена. Готские всадники, отхлынувшие назад и энергично преследуемые, опрокинули свою пехоту и увлекли ее за собой, прежде чем она смогла достигнуть действительной боевой линии.

Если это так и было на самом деле, то главная ошибка Прокопия заключается в его утверждении относительно продолжительности сражения, которая им во всяком случае преувеличена. Нам кажется совершенно невероятным, чтобы пехота готов не подоспела даже в том случае, если бы в действительности сражение длилось хотя бы только полчаса. Ведь в таком случае Тотила должен был бы быть совершенно неспособным полководцем.

Прокопий сам говорит, что он точно не осведомлен относительно того, какой конец постиг лично Тотилу. Согласно одному свидетельству, он был убит во время бегства; согласно другому — он был поражен стрелой и смертельно ранен во время самого сражения, причем его падение вызвало такой ужас среди готов, что они, будучи и без того слабее римлян, обратились в бегство. Вопрос о том, получил ли Тотила свою смертельную рану во время сражения или во время бегства, должен остаться нерешенным. Но даже и в первом случае этот факт не мог оказать прямого влияния на исход сражения, так как, если рукопашный бой уже начался, масса не могла заметить падения своего предводителя.

Мы должны оставить нерешенным также и вопрос о том, правильно ли указание, что во время этого сражения погибло 6 000 готов.

По большей части такого рода утверждения бывают сильно преувеличены.

Совершенно ясно, что римляне обладали очень большим численным превосходством. Мы можем предположить, что общая численность их войск достигала приблизительно 15 000 человек.



Глава III

Сражение при Везувии (453 г.)

Несмотря на свое поражение при Тагинэ, готы продолжали войну под начальством новоизбранного короля по имени Тейя. В течение двух месяцев оба войска стояли друг против друга, отделенные друг от друга лишь глубоко протекавшей речкой Дракон (Сарн), неподалеку от Везувия. Так как Нарсес уже до этого стянул для сражения все свои войска, то мы отсюда можем сделать вывод, что сражения избегали готы, которые теперь намеревались вести войну, придерживаясь выжидательной политики. Они могли надеяться на какие-либо происшествия, которые могли случиться в ненадежном наемном войске римлян, а также на вмешательство франков. Нарсес не сделал никаких попыток выманить их из позиций какими-либо маневрами, но завладел посредством предательства тем флотом, который им подвозил продовольствие. Если посмотреть на карту, то можно предположить, что римский полководец вместе с тем запер готов и отрезал им путь к отступлению. Однако, Прокопий этого прямо не говорит, но заставляет готов, после того как они сперва отступили на Молочную Гору (Mons Lactarius), предпочесть смерть в бою голодной смерти. Как ни прославлено и как часто ни повторялось описание этого сражения, все же я считаю, что его с военной точки зрения использовать нельзя. Это описание гласит (IV, 35):

«В Кампанье возвышается Везувий. У его подножья находятся источники питьевой воды, из которых берет свое начало река по названию Дракон, протекающая мимо Нукерии. Оба войска разбили свои лагеря в то время на берегах этой реки. Хотя Дракон и маленькая речка, однако, она непроходима ни для пехоты, ни для всадников, так как протекает по узкому и глубокому руслу, а ее берега чрезвычайно круты. Я не могу сказать, произошло ли это вследствие природы почвы или силы течения воды. Готы заняли мост, ведущий через реку, и расположили свой лагерь в непосредственной близости от моста. Он был укреплен при помощи деревянных башен и машин всякого рода, между которыми находились также и так называемые баллисты, чтобы с их высоты наносить выстрелами вред неприятелю. Нельзя было и думать о ближнем бое, так как река, как это уже было указано, разделяла противников. Они лишь подошли как можно ближе к берегу и обстреливали друг друга. Иногда происходили и единоборства, когда какой-либо гот переходил через мост и вызывал врага на бой. В таком положении оба войска стояли одно против другого в течение двух месяцев. И готы могли держаться до тех пор, пока они господствовали на море и пока они могли доставлять себе на кораблях продовольствие, так как лагерь их находился неподалеку от моря. Но вскоре римляне завладели неприятельскими кораблями, благодаря преда-

тельству одного гота, в руках которого находилось главное командование над всем флотом, а, кроме того, к римлянам еще подошло несчетное количество кораблей из Сицилии и из других частей империи. Кроме того, Нарсес приказал построить на берегу реки деревянные башни, которые должны были отнять у готов последнее мужество. Чрезвычайно удрученные этим и уже испытывавшие недостаток в продовольствии, готы отступили на гору, которая находилась в непосредственной близости отсюда и которую римляне по-латински называли Mons Lactarius (Молочная гора). Вследствие неблагоприятной местности римляне не могли последовать за ними на эту гору. Но варварам пришлось вскоре раскаяться в том, что они сюда отступили, так как здесь им пришлось терпеть еще большие лишения и у них не было никакой возможности хотя бы чем-нибудь прокормить себя и своих коней. Поэтому им показалось лучше найти смерть в открытом бою, чем умереть от голода».

Мы спрашиваем: но разве готам было невозможно отступить?

«Неожиданно выступили они» вперед и произвели внезапную атаку на противника. Римляне оборонялись в соответствии с создавшейся обстановкой, т. е. не построившись в ряды, по эскадронам или полкам, находясь под начальством своих командиров, но пестро перемешавшись и даже не имея возможности слышать отдаваемые приказания. Однако, несмотря на это, они защищались со всей энергией настолько хорошо, насколько это было им возможно. Готы отпустили своих лошадей, и все спешили, направив свой фронт против неприятеля и построившись в глубокую фалангу. Когда римляне это увидели, то также спешили и построились таким же образом».

Почему готы отпустили своих лошадей? Прокопий это ничем не объясняет. Но почему же и римляне сошли с коней? То обстоятельство, что готы наступали пешком, могло послужить для римлян двойным основанием для того, чтобы напасть на них с фланга своей кавалерией, хотя бы частично.

Все объяснится, если мы примем, что римляне заперли готов цепью полевых укреплений. Готы попытались прервать линию этих укреплений и, следовательно, наступали в пешем строю, а римляне обороняли эти укрепления тоже в пешем строю.

«Теперь я подошел к описанию чрезвычайно памятного сражения и геройского мужества человека, который не находится ни в каком отношении к какому-либо из так называемых героев. Я имею в виду Тейя. Готов принуждало быть храбрыми их отчаянное положение. Римляне же хотя и заметили отчаяние противников, оказывали им всеми своими силами сопротивление, так как стыдились уступить более слабому неприятелю. Обе стороны с неукротимой энергией бросились одна на другую; одни — потому, что искали смерть, другие — потому, что сражались за палму победы. Рано утром началось сражение. Видимый издали, Тейя стоял с немногими спутниками перед фалангой, защищенный своим щитом и размахивая своим копьем. Лишь только римляне его увидели, они решили, что с его падением тотчас же кончится сражение. Поэтому против него двинулись, сомкнувшись в очень большом числе, самые храбрые воины, бросая в него своими копьями. Но он встречал все копья своим щитом, который его прикрывал, и убил многих молниеносными ударами. Каждый раз, когда его щит заполнялся пойманными копьями, он его отдавал своему оруженосцу и брал другой. Так неумоимо сражался он в течение трети дня».

Готы, говорится в этом описании, построили глубокую фалангу, и Тейя, сражаясь перед этой фалангой совсем один, с немногими спут-

никами, продержался здесь в течение многих часов. Это — поэма, но не сражение. Что же делала в течение всего этого времени вся глубокая фаланга готов? Разве она не доверяла своим силам? И неужели римляне не смогли одолеть немногочисленного противника? Это было возможно в тех боях, которые давались под стенами Трои, но уже стало невозможным в те времена, когда научились строить фаланги. Даже самый сильный и самый храбрый король готов со своими спутниками был бы опрокинут одной древнеримской манипулой даже в том случае, если бы последняя состояла из одних только рекрут. Поэтому мы должны отвергнуть либо тот факт, что друг против друга стояли две фаланги в техническом смысле этого слова, либо же единоборство короля Тейи. Объяснение этих противоречий, очевидно, лежит в том, что на самом деле при попытке готов прорваться через римскую линию отличился своей личной храбростью наряду с другими воинами также и король, который при этом погиб и смерть которого была украшена легендами.

«Но вот оказалось, что в его щите торчит двенадцать копий, так что он уже не мог им двигать по своему усмотрению и отталкивать при помощи его нападавших на него воинов. Тогда он громко позвал одного из своих оруженосцев, не покидая своего места и не отступая даже на ширину одного пальца. Ни на одно мгновение не дал он врагам возможности продвинуться вперед. Он не поворачивался таким образом, чтобы щит ему прикрывал спину, и не отклонялся в сторону, но стоял, как бы приросши к земле за своим щитом, сея правой рукой смерть и гибель, а левой — отталкивая врагов, и громким голосом звал по имени своего оруженосца. Когда оруженосец подошел к нему со щитом, он тотчас же взял щит вместо своего старого щита, отягощенного копьями. И в этот момент его грудь обнажилась лишь на одно краткое мгновение. Именно тогда в него попало копье, и он тотчас же упал на землю. Вскоре римляне воткнули его голову на шест и показали ее обеим армиям: римлянам — для того, чтобы еще больше разжечь их пыл, готам же — для того, чтобы они в отчаянии прекратили бой. Но готы этого не сделали, они сражались до наступления ночи, хотя и знали, что их король погиб. Когда стемнело, противники отошли друг от друга и провели ночь с оружием в руках. На другой день они рано поднялись, заняли те же самые позиции и сражались опять до самой ночи. Ни одна сторона не отступила перед другой даже на ширину одного пальца, хотя многие воины с обеих сторон нашли здесь свою смерть, но все с ожесточением продолжали свою кровавую работу: готы — в полном сознании того, что им придется сражаться в последний раз, римляне же — потому что не хотели, чтобы их одолели готы. Наконец, готы послали некоторых своих знатных людей к Нарсесу и поручили им сказать ему, что они теперь почувствовали, что бог против них и что им противостоит непреодолимая сила. А так как события им ясно показали, каково истинное положение вещей, то они хотят изменить свое мнение и прекратить бой, — не для того, чтобы стать подданными императора, но чтобы вести свободную жизнь среди каких-нибудь иных варваров. Они просили римлян, чтобы те разрешили им мирно удалиться и, отдав дань справедливости, оставили бы им на путевые расходы те деньги, которые каждый из них себе ранее скопил в крепостях Италии. Нарсес созвал совет для решения этого вопроса. Иоанн, племянник Виталиана, убедил его в том, что необходимо исполнить эту просьбу и не следует сражаться с людьми, которым уже больше не страшна смерть, так как не следует испытывать мужество отчаяния, которое может оказаться роковым не только для них, но и для их врагов. «Муж, обладающий мудрой умеренностью, — говорил он — довольствуется победой, так как чрезмерное напряжение может легко повести к гибели». Нарсес согласился с этим мнением, и было решено, что варвары, оставшиеся

в живых, должны тотчас же со всем своим имуществом удалиться из Италии и никогда, ни при каких обстоятельствах не сражаться более против римлян. Между тем 1 000 готов вышли из лагеря и направились к городу Тикину и в область, лежащую по ту сторону По. Ими предводительствовал наряду с другими также и Индульф, о котором я уже ранее упоминал. Все же другие поклялись выполнить договор.

«Таким же образом римляне взяли Кумы и все другие местности, и так окончился восемнадцатый год этой войны с готами, описанной Прокопием».

Так пишет Прокопий. Его описание выразительно, впечатляюще, но исторически мало удовлетворительно. Почему и каким образом 1 000 готов отделились от прочего войска? Каким образом они от Везувия достигли Павии? Мы должны будем допустить, что более или менее крупной части готов удалось в одном месте прорвать кольцо римской осады и что окончательно капитулировало не все войско готов, но лишь большая его часть.

Непосредственно примыкая своим историческим трудом к работе Прокопия, Агаций рассказывает:

«Когда Тейя, получивший вслед за Тотилой власть над готами, со всеми своими силами возобновил войну против римлян и выступил против Нарсеса, то был разбит наголову и сам пал во время сражения. Готы, оставшиеся в живых, непрерывно преследуемые римлянами, жестоко теснимые ими во время их непрерывных атак и, наконец, запертые со всех сторон в безводной местности, заключили с Нарсесом договор, по которому им разрешалось жить в их поместьях, причем они соглашались на будущее время быть подданными римского императора».

Ни один историк еще не мог сказать, каким образом согласовать эти два свидетельства.



Глава IV

Сражение при Казилине (в 554 г.)

Едва ли еще не меньшее военное значение, чем оставленное Прокопием описание сражения при Везувии, имеет рассказ Агация о поражении франков при Казилине. Здесь запутана даже стратегическая цепь событий.

Франки уже неоднократно вмешивались в готско-римскую войну с затаенной мыслью завладеть чем-нибудь в свою пользу. И когда теперь готское войско потерпело поражение, появилось франкское войско под начальством двух алеманнских герцогов, братьев Букелина и Лейтара. Нарсес в то время был еще занят осадой и занятием городов и укрепленных пунктов, находившихся в руках готов. Совершенно ясно, что, получив известие о вторжении франков, он не мог сделать ничего лучшего, как тотчас же выступить против них, разбить их и прогнать обратно за Альпы. Баснословное указание относительно численности франков (75 000 человек) не должно нас вво-

дить в заблуждение. Мы с самого начала не можем сомневаться в том, что такое вспомогательное войско, посланное через высокие горы и собранное даже не во всем государстве франков, а лишь в одной его части, было значительно слабее, чем находившееся в их собственной стране все войско остготов, которое было только что побеждено Нарсесом. Находясь в приподнятом настроении благодаря своим триумфам и гибели обоих храбрых готских королей, римские войска должны были быть в состоянии одолеть также и франков, вторгшихся в Италию, если бы они направились против них сосредоточенными силами.

Если бы Нарсес это сделал и победил франков, то ни один пункт в Италии не смог бы ему более сопротивляться. Но вместо этого он отправил навстречу своему новому противнику лишь часть своего войска под начальством герула Фулкариса, приказав ему задержать неприятеля и напасть на него лишь в том случае, если он сможет рассчитывать на успех. Эта ошибка имела тяжелые последствия. Фулкарис был разбит и сам искал смерти в бою, так как он не решился явиться побежденным к Нарсесу. Агаций обвиняет герула, считая, что причиной поражения была его неосторожность и безумная смелость. Но если правильно то, что он говорит дальше, будто бы Нарсес с самого начала знал о превосходстве сил противника, то, очевидно, вина за поражение должна, собственно говоря, пасть на полководца. Это, пожалуй, можно объяснить таким образом, что Нарсес — как раз наоборот — недооценил силы франков и что версия о том, будто бы он советовал Фулкарису быть осторожным, была придумана лишь впоследствии для того, чтобы оправдать верховного главнокомандующего и снять с него вину в отправке против франков недостаточных сил.

Несмотря на поражение Фулкариса, Нарсес продолжал начатую им осаду Лукки, но когда он, наконец, взял город, то не сумел сделать ничего лучшего, как расположить свои войска в разных местах на зимние квартиры. Если мы себе представим, что в таком положении находился Цезарь, то мы не сможем сомневаться, что он, собрав отовсюду свои войска, чтобы оказаться возможно сильнее франков, двинулся бы против них. Нарсес же, согласно Агацию, — считая, что так как стоит зима и так как франки особенно воинственны в это холодное время года, к которому они привыкли у себя на родине, — разделил свои войска, расположив их в разных городах на зимние квартиры, и допустил, чтобы франки в то время, когда римские войска укрывались за стенами городов, прошли через всю Италию вплоть до Мессинского пролива и самым ужасным образом разграбили всю страну. А франки даже не считали для себя необходимым держаться вместе, но разделились на два войска. Готы же, ободрившись, примкнули к ним в большом количестве.

Едва ли мы можем допустить, что Нарсес без побудительных причин предоставил вверенную ему страну этим бедствиям. Если франки были особенно приспособлены для ведения войны зимою, то ведь и римские войска также состояли из германцев.

Может быть, некоторым указанием на истинную причину является то обстоятельство, что некоторые войсковые части, получив предписание двинуться вперед, заявили, что они еще не получили своего жалованья. Но это лишь предположение, к которому нас приводит это указание. И лишь весной, когда франки возвращались из южной

части полуострова, войско, собранное, между тем, Нарсесом, преправило им путь около р. Казилина (Волтурно), неподалеку от Капуи. Согласно Агацию, у Нарсеса было 18 000 человек, франки же, хотя здесь находилась лишь половина их войска, насчитывали якобы 30 000 человек; конечно, этой цифре ни в каком случае нельзя доверять.

Непосредственно перед самым развертыванием для боя произошел конфликт дисциплинарного характера между полководцем и контингентом герулов, находившимся под начальством Синдуала, вследствие чего герулы отказались встать под оружие. Но когда Нарсес громко перед войском воскликнул, что каждый, кто хочет иметь свою часть в победе, должен следовать за ним и идти вперед, то герулы сочли для себя позорным остаться позади, так как это могло бы показаться с их стороны трусостью, и потому сообщили, что они также пойдут. Нарсес велел им ответить, что он не может их ждать, но что при построении боевого порядка он оставит для них свободное место.

О самом сражении Агаций рассказывает в следующих словах:

«Лишь только Нарсес прибыл к тому месту, где он задумал дать сражение, он тотчас же построил свое войско фалангой. На двух флангах находились всадники, вооруженные дротиками и круглыми щитами, а также луками и стрелами, а некоторые из них, кроме того, и длинными копьями. Сам полководец стоял на правом фланге, и при нем находился Цандала, его домоправитель, с той частью челяди, которая была способна носить оружие. На двух флангах стояли Валериан и Артабан, получившие приказ скрываться на опушке лесной чащи, чтобы неожиданно напасть на противника, когда он перейдет в наступление, и окружить его с двух сторон. А все пространство в середине расположения занимала пехота. Вдоль фронта стояли передовые бойцы, с головы до ног закованные в железо и образовавшие стену из щитов, а сзади к ним тесно примыкали другие ряды вплоть до хвоста колонны. Легковооруженные и метатели дротиков стояли позади и ожидали возможности использовать свое дальнобойное оружие. В средней части фаланги было оставлено место для герулов, которое еще оставалось пустым, так как они еще не подошли. Два герула, незадолго до этого перебежавшие на сторону неприятеля, не зная еще о последовавшем затем решении Синдуала, побуждали варваров как можно скорее напасть на римлян. «Ведь вы застигнете их в полном беспорядке и в смятении,—говорили они,—так как полк герулов в своем упорстве отказывается принять участие в бою, а другие повержены в полное отчаяние вследствие их отпадения». Желая, чтобы эти слова соответствовали правде, Бутилии дал себя легко уговорить и повел вперед свое войско. Все шли прямо на римлян, охваченные стремлением сражаться, не спокойным шагом и соблюдая полный порядок, но быстро и бурно, как будто они не могли удержать своего стремления идти вперед как можно быстрее и как будто они хотели опрокинуть римское войско при первом своем натиске. Их боевое расположение имело форму клина, следовательно, было похоже на греческую букву «Д» (Δ). Там, где клин кончался своим острым концом, щиты воинов были тесно сдвинуты друг к другу наподобие крыши, что напоминало как бы голову кабана. Стороны были построены уступами, состоявшими из отделений и взводов, и стояли очень косо, так что постепенно расходились на большее расстояние друг от друга, образуя в середине пустое пространство, причем можно было видеть рядами открытые спины солдат. Таким образом был построен фронт, направленный в разные стороны, чтобы иметь возможность стоять лицом к противнику и сражаться против него, прикрывшись своими щитами,

причем именно благодаря такому построению само собой получалось обеспечение тыла.

Все происходило так, как того хотелось Нарсесу, которому благоприятствовало счастье и который наряду с этим прекрасно умел принимать соответствующие меры. Когда варвары с ужасным боевым криком при своем первом натиске столкнулись с римлянами, они прорвали в центре линию передовых бойцов и достигли того пустого пространства, которого еще не заняли герулы. Острие их клина прорезало ряды римлян, не причинив им больших потерь, вплоть до самого хвоста колонны, а некоторые даже пошли дальше, как будто они хотели штурмовать римский лагерь. Тогда Нарсес постепенно загнул и вытянул оба фланга, так что они стали спереди окружать противника, и приказал конным лучникам обстреливать его с тыла. И они это стали тотчас же делать без всякого труда; так как неприятель сражался в пешем строю, то всадникам было легко издали обстреливать их вытянутую линию, которая не могла защищаться с тыла. И мне кажется, что всадникам, находившимся на флангах, было очень просто через головы тех, которые стояли совсем близко от них, стрелять в спину солдатам тех рядов, которые находились на противоположной стороне. Таким образом, спины франков были обстреляны со всех сторон, так как римляне обстреливали с правого фланга одну внутреннюю сторону клина, а с левого фланга другую внутреннюю сторону. В результате, стрелы летели вдоль и поперек и попадали во все, что находилось в этом пространстве, причем варвары даже не замечали, откуда шли выстрелы, и не могли от них защититься. Они совершенно не знали, откуда их настигала гибель, так как стояли, повернувшись фронтом к римлянам, и смотрели лишь в эту сторону; затем, сражаясь с тяжеловооруженными, они едва могли видеть конных лучников, находившихся сзади, и, наконец, выстрелы попадали им не в грудь, а в спину. Впрочем, большинство даже не имело времени раздумывать об этом, так как почти каждый выстрел был смертельным. Вследствие того, что каждый раз падали крайние воины, становились видными открытые спины следующих, а так как это случалось очень часто, то число варваров быстро таяло. Между тем, подошел Синдуал с герулами, выступившими против тех, которые, прорвав центр, проникли дальше. Герулы тотчас же перешли в наступление; это повергло варваров в немалое отчаяние, так как они решили, что попали в засаду. Поэтому они обратились в бегство, обвинив в предательстве обоих перебежчиков. Но Синдуал и его люди не отставали от них и теснили их до тех пор, пока одна часть не была перебита, а другая сброшена в водоворот реки. Когда, таким образом, герулы заняли свое место, заполнив пустое пространство, и когда фаланга была замкнута, франки, как бы опутанные сетью, были перебиты. Боевой порядок франков был окончательно расстроен, и франки собирались в отдельные кучки, которые уже не знали, что им делать. Римляне поражали их не только своими стрелами, теперь на них напали также тяжеловооруженная пехота и легковооруженные со своими копьями, шестами и мечами. Всадники окончательно и целиком охватили их с флангов, напали на них с тыла и отрезали им всякий путь к отступлению. Спасавшиеся от меча и подвергавшиеся преследованию были принуждены прыгать в реку, где они и тонули. Со всех сторон раздавался жалобный вой варваров, которые избивались самым ужасным образом. Предводитель варваров Бутили и все его войско были стерты с лица земли, причем погибли также и перебежчики из императорского войска; ни один из германцев не увидел больше своего родного очага, за исключением пяти человек, которые каким-то образом избежали общей гибели. Как же по этому поводу не сказать, что варвары потерпели наказание за свои злодеяния и что их настигла высшая сила? Все громадное количество франков и алеманнов, а равно и все те, которые вместе с ними пошли на войну, были уничтожены, а со стороны римлян пало лишь 80 человек, которые должны были первыми выдержать натиск неприятеля. В этом бою отлично сражались почти все римские полки, а из союзных варваров больше всего отличились гот Алигерн, так как и он сражался вместе

с римлянами, и начальник герулов Синдуал, который никому ни в чем не уступал. Но все удивлялись Нарсесу и восхваляли его. Благодаря своему искусству полководца Нарсес заслужил себе великую славу».

Так пишет Агаций. Я не могу подавить в себе подозрения в том, что весь этот рассказ является свободным полетом фантазии, порожденным одним лишь словом «голова кабана».

Очевидно, Нарсес располагал значительным численным превосходством сил, особенно в отношении конницы. Его боевая линия превосходила на обоих флангах протяжение боевой линии франков. При этом представляет мало значения то обстоятельство, были или же не были крайние оконечности флангов первоначально прикрытыми лесными участками. Франки намечали сражение таким образом, чтобы расположением своего войска в форме кабаньей головы, своей сильной и глубокой пехотной колонной опрокинуть центр боевой линии неприятеля, прорвать его и тем решить участь сражения.

Если бы эта колонна была заостренной, то ее острие было бы тотчас же охвачено противником, а если бы она была пустой изнутри, то не могла бы испытывать с тыла силы давления (ср. то, что сказано о германском клине выше, в гл. II части 1-й). Хотя эта колонна и не обладала, конечно, указанными двумя свойствами, хотя в ее построении и не было тех двух ошибок — заостренности и пустоты, которые придумал Агаций, — она все же не проникла внутрь неприятельского расположения. Весьма возможно, что подошедший в последний момент отряд герулов усилил уже дрогнувший центр римлян и остановил натиск франков.

В этот именно момент кавалерия римлян, вооруженная дротиками и луками, напала на оба фланга штурмовой колонны и подвергла их обстрелу с флангов, а вскоре затем и с тыла. При этом невольно вспоминается сражение при Каннах.

Представление о том, что всадники все время направляли свою перекидную стрельбу через ближе всего к ним находившуюся сторону неприятельского расположения в спину тех солдат, которые стояли на другой стороне, следует свести к тому, что является вполне естественным, а именно — что при наступлении со всех сторон многие франки были поражены в спину. При наличии пустого клина, как его строит Агаций, римские стрелки тем более находились бы на расстоянии нескольких сотен шагов от противоположной стороны клина, что не могли же они совсем близко подойти к своим непосредственным противникам, а потому и не имели возможности пользоваться стрелами и дротиками.

Если же кого-нибудь возмутит мое скептическое отношение к свидетельству источника, то я попрошу того указать мне, почему он с большим доверием отнесется к описанию Агация, чем к рассказу Аппиана о Каннах и Заме (Нараггара).



Глава V

Стратегия

Когда Юстиниан вступил на престол и стал править государством (в 527 г.), то все западные провинции были отделены от империи, причем одна часть их была отчуждена более чем за сто лет перед тем, а другая — за полстолетия. Юстиниан вернул обратно под свою власть Африку и Италию и был близок к тому, чтобы снова покорить Испанию. С тех пор большие области в Италии в течение долгого времени оставались во власти Византии. Внезапный рост сил на Востоке покажется нам еще более удивительным и еще более значительным, если мы вспомним, какие культурные достижения, — как, например, *corpus juris* (свод законов) или храм св. Софии, — украшают именно это царствование.

Войны, которые велись Юстинианом на трех различных театрах военных действий — в Месопотамии, в Африке и в Италии — различны по своему внешнему характеру и виду. Война против персов состояла из ряда передвижений, не приведших к какому-либо крупному и решающему окончательному результату. Вандалы были разбиты с одного удара простым авангардом. Война же с остготами велась в течение 18 лет с чрезвычайно резким переменным успехом, причем византийцам все же удалось, наконец, в большом сражении одержать окончательную победу.

Раньше победы Велизария и Нарсеса были совершенно непонятны, так как было известно, что они располагали небольшими войсками и так как еще верили в мощные массы вандалов и готов. Вслед за византийским историком писали, что Витигес осадил Велизария в Риме с армией в 150 000 человек. Но что же стало с этими готами и где они оставались, когда Витигес, два года спустя, сдался Велизарию, у которого, конечно, не было даже 25 000 человек в тот момент, когда он окружил Витигеса в Равенне.

После того как мы внесли ясность в вопрос о численности войск вандалов и готов, нас уже меньше удивляет то, что вандалы не решились вступить в бой с войском, состоявшим из 15 000 человек, чем то, что готы могли так долго защищаться против 25 000.

Здесь, как и всегда, политика определяла характер ведения войны и указывала пути стратегии.

Когда Велизарий, отправившись морским путем на завоевание Италии, высадился сперва в Сицилии, то он имел в своем распоряжении лишь очень незначительные военные силы (в конце 535 г.). Затем он занял Неаполь, Рим и Сполето, причем дело все еще не доходило до сражения. Лишь после этого готы, появившись с большим войском, заперли его в Риме и осаждали его там в течение целого года. Эти факты не могут быть объяснены с чисто военной точки зрения. Ведь если готы были настолько сильны, что могли осадить неприятельское войско, то, с другой стороны, должна была существовать определенная причина, которая мешала им выступить раньше против неприятеля и предотвратить потерю больших городов.

Хотя в это же самое время готам в Далмации угрожали другие войска Юстиниана, а, с другой стороны, казалось, что им еще при-

дется выдержать натиск франков, однако, все это не является удовлетворительным объяснением полной бездеятельности готов в течение целого года.

Юстиниан решился послать Велизария в Италию со столь незначительными военными силами потому, что остготское государство пережило тяжелые внутренние потрясения. Теодахат, бывший сперва лишь соправителем, овладел самодержавной властью, приказав убить Амаласунту, дочь Теодориха. Византийцы явились в качестве мстителей за законную наследницу престола, а Теодахат не был достаточно воинственным по своему характеру для того, чтобы мужественно и энергично вступить с ними в борьбу. Чтобы не погибнуть вместе с ним, готы избавились от него и возвели на престол Витигеса, которого по древнему обычаю провозгласили и избрали королем войска и который укрепил свое положение, обручившись с дочерью Амаласунты. Лишь после этого готы появились на поле сражения, и тотчас же византийцы были наказаны за то, что они недостаточно подготовились к войне; Велизарий со своим войском был осажден в Риме.

Но и готы, как мы знаем, не были многочисленны и не были в состоянии подвергнуть правильной осаде такой город, как Рим. Велизарий удержался на своих позициях, а когда в Константинополе поняли, что готы обладают большей силой национального сопротивления, чем вандалы, то туда были отправлены подкрепления. Они появились в тылу у осаждавших Рим готов и, благодаря добровольному согласию жителей, заняли там ряд укрепленных городов. Это не только заставило Витигеса снять осаду с Рима, но и побудило его, наконец, отступить к Равенне, так как он чувствовал себя недостаточно сильным для того, чтобы противостоять в открытом бою объединенным боевым силам римлян.

Соотношение между противниками сразу изменилось: Витигес был окружен и осажден Велизарием в Равенне, причем дело опять-таки не дошло до сражения.

Витигес сдался, наконец, в Равенне после удивительной интермедии, во время которой корона была предложена самому Велизарии. Велизарий привел его в Константинополь, подобно тому как несколько лет тому назад он привел короля вандалов Гелимера; при этом казалось, что готы после четырехлетней войны окончательно покорились византийцам, хотя между ними не было ни одного настоящего сражения.

Но вскоре произошла внезапная перемена: готы вновь поднялись, вновь избрали себе короля и под предводительством Тотилы в скором времени захватили всю Италию и Сицилию и даже выставили морской флот. Тотила правил в течение нескольких лет в полном блеске своих успехов. Лишь на восемнадцатом году войны, когда греческий флот разбил готский, а Юстиниан тогда же отправил туда Нарсеса со значительным войском, дело дошло до решительного сражения, имевшего место при Тагинэ (в 552 г.), а в следующем году произошли еще два сражения — при Везувии, где был разбит преемник Тотилы Тейя, и при Казилине, где та же участь постигла франков под начальством Бутилина.

Рим за это время пять раз переходил из рук в руки. В 536 г. его занимал Велизарий, в 546 г. — Тотила, в 547 г. — опять Велизарий, в 549 г. его взял Тотила, а в 552 г. — Нарсес.

Таким образом, мы видим, что в течение всей войны повторяется явление, бывшее характерным для ее первой стадии, а именно — большие успехи и внезапные перемены, причем дело, однако, не доходит до тактически решительных моментов боя. Лишь в самом конце происходит то, что вполне естественно можно было ожидать в начале войны, а именно — попытка при максимально возможном сосредоточении собственных сил напасть на неприятеля, с целью его разбить и уничтожить, т. е. сражение.

Причина этого заключается в том, что внутренней слабости готского государства соответствовала слабость византийского. Действительно, Юстиниан, заключив с персами мир, смог бросить сперва в Африку, а затем в Италию значительные боевые силы, но только на самое короткое время. Боевые силы, мобилизованные обеими сторонами, оставались все же незначительными по сравнению с величиной стран и городов, из-за которых шла борьба.

Поразительное восстановление готского могущества при Тотиле произошло вследствие того, что большая часть римских наемников, недовольных управлением византийцев, в особенности же выплатой жалованья, перешла к готам. Совершенно так же и итальянские города, сперва пошедшие навстречу византийцам, вскоре пресытились новым управлением с его налоговыми требованиями и нашли, что под властью готского короля живется не хуже, а может быть, даже и лучше.

Таким образом, стратегия во время готской войны обуславливалась тем, что обе стороны располагали лишь очень незначительными силами по сравнению с теми обширными областями, из-за которых шла борьба. Готы не смогли занять многочисленные укрепленные города Италии или же занимали их гарнизонами весьма недостаточной численности. Между тем, местные жители держали себя не очень нейтрально и под влиянием менявшихся стимулов легко переходили с одной стороны на другую или по крайней мере не противились передачам.

Когда Витигес стал наступать на Велизария, то этот последний почувствовал себя настолько более слабым, что не решился довести дело до открытого боя, а предпочел подвергнуться осаде в Риме. Приблизительно 10 000 человек было достаточно для того, чтобы изменить соотношение сил. Таким образом, война велась и решалась посредством одних лишь осад и передач городов.

Как только Тотила захватил власть, он тотчас же приказал сломать стены занятых им городов. Другие правители действовали наоборот и старались укрепить свою власть в своей стране, строя крепости.

Один современный ученый¹ высказал мнение, что «о стены Рима разбилось все крупное превосходство сил готского народного войска, чем и объясняется их ненависть против городских укреплений, которые они всюду разрушают». Но ведь Тотила ни в каком случае не действовал под влиянием одной лишь ненависти, но был стратегом, который отдавал себе отчет в том, что он делает. Уже вандал Гейзерих, захватив Африку, разрушил стены городов. Эти германские короли не имели такого количества войск, которое позволило бы им в достаточной мере занять гарнизонами все города своих обширных областей, а между тем, жителям нельзя было доверять: открывая свои

¹ Dahn, «Procop von Caesarea», S. 412.

ворота перед неприятельскими отрядами, города становились опорными пунктами неприятеля.

В недавние времена также обнаружилась однажды приблизительно подобная же обстановка. Когда союзники осенью 1813 г. достигли Рейна, то Гнейзенау посоветовал немедленно продолжать наступление и не пугаться знаменитого тройного пояса крепостей Франции. Именно эти многочисленные крепости должны были привести Наполеона к гибели, так как он не имел достаточного количества войск. Если бы он занял их, то у него не осталось бы войск для действий в открытом поле; если же он вывел бы из крепостей гарнизоны, то крепости попросту перешли бы в руки союзников. Если бы Наполеон смог быстро разрушить большую часть своих крепостей и соответственно усилить свою действующую армию их гарнизонами, то это было бы для него в тот момент стратегическим преимуществом. Так как мы видим, что Тотила сделал нечто подобное, то должны признать в нем полководца, одаренного стратегической мыслью.

Так протекала готская война до тех пор, пока в ней преобладали политические моменты. Термин «политические моменты» я употребляю здесь в широком смысле этого слова. Это не только переход жителей Италии на ту или другую сторону, но также неспособность византийского правительства держать в повиновении своих собственных наемников. Решительный момент наступил лишь тогда, когда Юстиниан вторично послал туда действительно значительные боевые силы и когда также на готской стороне, благодаря разрушению крепостей, положение было настолько подготовлено, что, как это им казалось, у них освободились и объединились силы, достаточные для сражения. Решающий исход сражения оказался не в пользу готов, и это окончательно утвердило их гибель.

Крупные военные успехи Юстиниана основывались не столько на необычайном развертывании новых сил, сколько на счастливой и удачной комбинации сил, имевшихся у него налицо. По сравнению с большими размерами империи и с ее материальными ресурсами эти силы были довольно незначительны и достигли больших результатов лишь благодаря тому, что противная сторона была еще слабее. Как раз в то самое время, когда одерживались эти крупные победы, орда гуннов, а в другой раз также орда славян, переправились через Дунай и прошли через Балканский полуостров вплоть до Греции, грабя и убивая на своем пути. И для того чтобы одолеть их, войск не оказалось.

Успехи на Западе были в особенности обусловлены тем, что в это время в восточной части государства все было спокойно. Мир с персами был заключен еще до того, как Велизарий отправился в Африку. Германцы тоже ясно сознавали все значение этого факта, и потому король Витигес, находясь в тяжелом положении, пытался побудить персидского царя Хозроя к новому наступлению. Принеся крупнейшие жертвы, которые заключались в денежных выдачах, Юстиниан должен был сперва этим удовлетворить персов и лишь затем смог отправить Нарсеса с достаточным количеством войск для нанесения готам последнего решительного удара. Но все то войско, которое удалось собрать лишь благодаря тому, что пришлось так сильно сжаться в другом районе, насчитывало, повторяю, не более 25 000 человек.

Юстиниан рассчитывал победить вандалов и готов, представлявших собой в своей стране лишь узкий тонкий слой иноземных воинов.

Само собой разумеется, что в войне против персов нельзя было ставить перед собой такую цель. Персы, совершенно так же, как и римляне, имели наемные войска, а именно гуннов; к тому же и римские наемники часто переходили на их сторону. Но все же в своей основе это был народ, живший на собственной территории, и в этом была его сила. Следовательно, здесь надо было применить совершенно иную стратегию.

В военной истории мы уже неоднократно встречали такие положения, которые приводили к стремлению, не опрокидывая противника силой, взять его измором, даже избегая большого решительного сражения. Сперва такую стратегию проводил в крупном масштабе Перикл во время Пелопоннесской войны, а затем Фабий Кунктатор. Этот вид стратегии, широко развернутой и доведенной до такой односторонности, которая уже противоречит самому существу войны, находим мы в одной из речей, которую Прокопий влагает в уста Велизария (*bell. Pers.*, I, 18).

Римский полководец говорит своим солдатам, когда они требуют от него, чтобы он напал на уже отступающего противника и вступил с ним в бой:

«Куда вы стремитесь, римляне, и какие страсти вас настолько возбудили, что вы сами хотите подвергнуться ненужной опасности? Люди считают настоящей лишь такую — и единственно такую — победу, при которой от врага не терпишь никакого ущерба. Этим преимуществом вы теперь обладаете, благодаря счастью и тому страху, который поверг в отчаяние неприятельское войско. Не лучше ли воспользоваться этими преимуществами, которые здесь перед вами налицо, чем стремиться к достижению более далеких? Персы, охваченные большими надеждами и стремившиеся к победе, предприняли поход против римлян. Теперь же, обманутые в своих ожиданиях, они стремглав обратились в бегство.

Если теперь против желания мы принудим их оставить мысль об отступлении и заставим их вступить с нами в бой, то, если бы даже мы одержали победу, она не дала бы нам абсолютно никаких дальнейших преимуществ. Чего стоит победа над бегущим? Но если мы потерпим поражение, то из наших рук будут вырваны плоды реальной победы. И потеряны они будут не столько по вине противника, сколько по вине нас самих, по нашему легкомыслию; в результате мы должны будем отдать неприятелю на полное разграбление императорскую область, лишенную защиты. Заслуживает вашего внимания также и то, что небо обычно помогает людям в несчастьях, но не в тех опасностях, на которые человек идет добровольно. Кроме того, очень большую храбрость часто выказывают бессознательно люди, не имеющие никакого выхода. Мы же со своей стороны сознаем, что окружены многими обстоятельствами, неблагоприятными для сражения. Ведь большинство из нас пришло сюда пешком, и мы все еще ничего не ели. И едва ли к этому я должен прибавлять, что многие еще к нам не подошли».

В полном соответствии с этой речью находится указание Прокопия (*bell. Pers.*, I, 14) на то, что Велизарий после своей победы при Даре задержал преследование разбитых персов, так как ему было достаточно этой победы и так как персы, доведенные до крайности, могли бы вернуться и разбить беззаботных преследователей. Совершенно так

же анонимный теоретик этой эпохи¹ запрещает со всех сторон целиком окружать противника, даже будучи вдвое сильнее его, чтобы он, не видя ни одного пути к спасению, не превзошел бы себя в храбрости. Приблизительно через 50 лет император Маврикий, который вступил на престол уже будучи крупным и победоносным полководцем, в своем «Военном искусстве» советовал по мере возможности даже при хороших шансах избегать открытого боя, а лучше наносить ущерб неприятелю при помощи партизанской войны². Ту же самую точку зрения, как говорит Прокопий (I, 17), разделяли также и персы, противники Велизария. Аламундар, сарацинский князь, говорит персидскому царю, что во время войны не следует полагаться на счастье и даже в случае значительного превосходства в силах лучше подстергать врага хитрыми и ловкими маневрами. Тот, кто прямо идет навстречу опасности, никогда не может быть уверен в своем успехе.

С этими взглядами мы еще встретимся. С XVI по XVIII и даже до XIX вв. они играли большую и подчас роковую роль, а потому нам придется неоднократно к ним возвращаться. Бесспорно то, что ни Александр, ни Ганнибал, ни Цезарь, ведя войну, не следовали этим принципам. Ни один из этих полководцев не считал, что победа, достигнутая над противником, который без боя обратился в бегство, не есть победа; ни один из них не думал, что он должен прежде всего заботиться о том, как бы самому не понести урона. Александр сдерживал свои войска, когда они преследовали персов, но все время гнал их непрерывно вперед до тех пор, пока не падали лошади. Ганнибал организовал свои сражения на принципе полного окружения римлян. Цезарь одержал свои победы, отрезав путь к отступлению Верцингеториксу при Алесии, а Афранию и Петрею при Илерде; когда же он победил при Фарсале, то не остановил своих войск до тех пор, пока не принудил к сдаче все неприятельское войско. Их важнейшим и основным принципом являлось опрокидывание и уничтожение противника, хотя у Ганнибала это положение ограничивалось тактическим решением боя и не расширялось до пределов стратегической операции с конечной целью решения войны.

Но все же остается вопросом, всегда ли Велизарий действовал в полном противоречии с деятельностью этих великих победителей? На этот вопрос не так легко ответить. Основы стратегии, стремящейся опрокинуть и разбить противника, настолько просты, что их можно ясно и легко сформулировать. Но основные положения стратегии измора содержат в себе такое диаметрально противоположное противоречие, которое не может быть разрешено одной простой формулой. Фридрих Великий, положивший на это много труда, также не смог дать абсолютно прозрачного и исчерпывающего изложения этой теории. Поэтому мы не должны безусловно и определенно применять к Велизарии все то, что заставляет его говорить Прокопий или что утверждают другие теоретики его эпохи. Ведь мы не имеем достаточно надежных сведений относительно мотивов и внутренней связи его действий, чтобы сделать из них совершенно достоверные выводы. Слава Велизария основывается на тех успехах, которые он одержал в борьбе с вандалами и остготами. Он победил и покорил эти два знаменитые своей воинственностью народа и доставил их королей,

¹ Köchly und Rüstow, «Gr. Kriegsschriftsteller», II, 2, 167; гл. XXXIV, 4.

² Jähns, «Geschichte der Kriegswissenschaft», I, 155, Ср. т. IV.

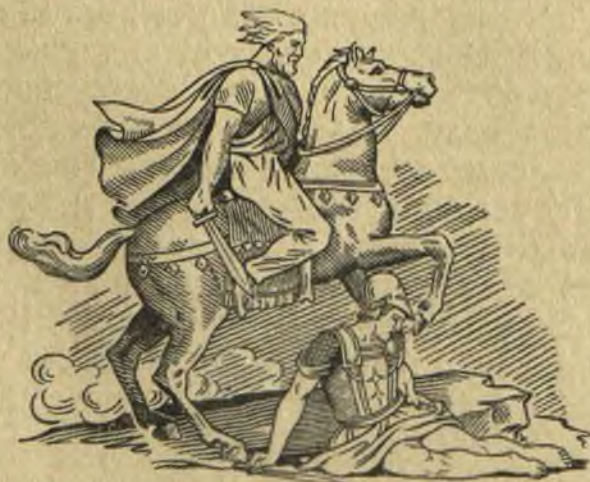
Витигеса и Гелимера, пленными в Константинополь. Обе эти войны не привели ни к одному большому сражению, но отсюда еще не следует делать какой-либо вывод относительно стратегии Велизария. Ведь вандалы и готы не давали возможности довести дело до такого исхода. Лишь Нарсес дал, наконец, остготам сражение, которое привело их к уничтожению, после того как они согласились под начальством Тотилы принять этот бой.

Согласно Прокопию, Велизарий дал персам два настоящих сражения. В первый раз, в 530 г., персы хотели помешать постройке крепости Дара севернее Нисоба, в Месопотамии, там, где гористая местность переходит в равнину. Велизарий встретил их на хорошо подготовленной оборонительной позиции и отбил их, причинив им большие потери, но не преследовал их (*bell. Pers.*, I, 14). Если его победа была действительно такой крупной, как это описывает Прокопий, то это упущение следует, безусловно, считать большой ошибкой. Преследование врага по месопотамской равнине должно было бы дать весьма большие результаты. Но, может быть, следует подвергнуть сомнению вопрос о том, было ли это сражение действительно столь значительным. Может быть, здесь все дело ограничивалось простыми стычками, растянувшимися на широком протяжении? Ведь, согласно Прокопию, персы были вдвое сильнее римлян, имея 50 000 воинов против 25 000. Как на это дальше указывает Прокопий (I, 16, 1), персы не раз оставляли свои позиции в окрестностях Дары и беспрепятственно совершали нападение на римские области на севере (в Армении) и на юге (в Сирии).

Вторжение в Сирию привело ко второму сражению — при Калликоне (Никофорионе) на Евфрате. Велизарий следовал за отступавшим неприятельским войском, не имея намерения на него напасть. Но его войско, возбужденное преследованием, принудило его дать сражение, и он был разбит.

Из этих фактов мы должны сделать тот вывод, что персы на этом театре военных действий располагали очень крупным количественным или качественным перевесом сил, так что римляне ни в каком случае, само собой разумеется, не могли здесь иметь действительно продолжительных и больших успехов.

Такие военно-политические соотношения равновесия являются почвой, на которой вырастают идеи стратегии измора.





ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПЕРЕХОД К СРЕДНИМ ВЕКАМ



Глава I

Организация военного дела в романо-германских государствах



ПЕРМАНСКИЕ племена, расположившиеся в римских провинциях, были расквартированными войсками, но не крестьянами, искавшими землю. Держа власть в своих руках, они создали новые государственные порядки и новые государственные организмы, причем сами составляли их вооруженную силу. Их воинственность основывалась на природной воинской силе, на родовой спайке и на дикой личной храбрости отдельного воина.

Правильно поняв и оценив значение этих боевых качеств, местами делали попытки на время сохранить это драгоценное сокровище воинственности. С этой целью искусственно отделяли германскую культуру от римской, вместо того чтобы быстро слить их воедино, изолировали германскую культуру и пытались предохранить ее от яда римской цивилизации. Когда римляне впервые осознали опасность, грозившую им со стороны варваров; когда готы и франки прошли через империю по суше и по воде, причем легионы уже не имели достаточно сил для того, чтобы их отогнать и защитить внутренние области страны; когда увидели, что единственную помощь против варваров можно найти лишь среди самих варваров,— тогда во второй половине III столетия стали делать попытки привлечь к себе как можно ближе этих варваров, стремясь взять их к себе на службу. Император Галлиен сам женился на германке по имени Пипара. Импе-

ратор Аврелиан побуждал своих командиров вступать в брак с германками. Константин Великий начал облекать германцев высокими республиканскими званиями, даже титулом консула, в чем его впоследствии упрекал его племянник и преемник Юлиан. Но при преемнике Юлиана Валентиниане мы обнаруживаем противоположную тенденцию — браки между римлянами и германцами прямо-таки запрещаются (в 365 г.)¹.

Когда вестгот Атаульф основал государство, то он сам женился на дочери римского императора Плацидии, но его преемник запретил своему народу вступать в брак с римлянами, и это запрещение имело силу в течение почти полутора столетий². Практическое проведение этой меры, которая заключалась в отделении внутри одного и того же государства германцев от римлян, всюду облегчалось тем, что римляне и германцы, — даже после того как они были крещены, — образовывали различные церковные общины. Все германские племена, за исключением франков, стали арианами. Особенно остгот Теодорих, — по видимому, вполне сознательно, — стремился к тому, чтобы сохранить свой народ в качестве военного сословия в среде римской культуры. Готы продолжали жить на чужой почве, подчиняясь собственным законам. Ни один гот не имел права занимать гражданской должности, как ни один римлянин не мог быть солдатом³. Когда дочь Теодориха Амаласунта захотела кое-чему обучить своего сына Атанариха, то готы вследствие этого сделали ей такого рода замечание: она неправильно воспитывает юного короля, так как читать и писать вовсе не есть храбрость, а нечто совсем иное; кто научился бояться палки учителя, тот никогда не станет воином. Теодорих никогда не позволял готским мальчикам ходить в школу и сам завоевал большое государство, совершенно не умея ни читать, ни писать⁴.

С максимальной строгостью сохранялось положение, гласившее, что германец является солдатом и профессиональным воином. В государстве Теодориха лишь гот был военнообязанный, и к тому же безусловно военнообязанным. В одном сохранившемся документе мы читаем, как заслуженный ветеран, который уже не был в состоянии носить оружие, должен был подать особое прошение об освобождении от воинской повинности, и лишь после долгого и подробного исследования этого вопроса королевским приказом было выражено согласие на его просьбу. Неспособные носить оружие лишались того

¹ Хотя закон Валентиниана I сохранился в Кодексе Феодосия (IV, 14), однако Рихтер сделал попытку подвергнуть чрезмерно строгой критике его содержание (H. Richter, «Das weströmische Reich», S. 681, Anm. 150). Однако, с юридической точки зрения не выдерживает критики его попытка истолковать термины «жена варварка» (*barbara coniux*) и «иностранцы», как относящиеся к тем варварам, которые живут за пределами Римской империи. Если сам Валентиниан выдал римлянку замуж за Меробауда и если Феодосий дал свою собственную племянницу в жены готу Фравитте и вандалу Стилахону, то это были исключения, которые себе иногда позволяли делать высшие классы.

² Согласно Цеймеру, Леовигильд (569—586) разрешил законом браки (*connubium*) между готами и римлянами. На практике же и раньше это запрещение часто нарушалось, — на него уже не обращали внимания (Zeumer, «Geschichte der westgotischen Gesetzgebung», «N. Archiv. f. ä. d. Geschichtsk.» Bd. 24, S. 574).

³ «В государстве Теодориха, как одни лишь готы могли быть солдатами, так и одни лишь готы могли быть офицерами. Исключению готов из рядов гражданской магистратуры соответствовало исключение римлян из среды военных должностных лиц». Mommsen, «Ostgotische Studien», 497.

⁴ Прокопий, «Bell. Goth.» I, 2.

ежегодного подарка, который король регулярно делал своим воинам из сумм налоговых поступлений¹.

Вестготы², как мы уже видели выше, усовершенствовали свою военную организацию по римскому образцу; очевидно, это произошло в ту эпоху, когда они после своей победы при Адрианополе расположились и расквартировались во Фракии (следовательно, в период между 378 и 395 гг.). Несколько сотен соединялись в тысячу, которая находилась под начальством тысячника (милленария) или тиуфада (народного вождя), а сотни делились на десятки, во главе которых стояли деканы. Когда же они расселились к югу и к северу от Пиренеев, то все или некоторые тысячи были разделены и были образованы пятисотенные части. Но это арифметическое и военное расчленение было нарушено и постепенно вытеснено политико-географическим делением на провинции, во главе которых стояли дуки (duces — вожди, герцоги), и графства, во главе которых стояли комиты (comites — спутники, графы).

Теперь уже не так легко было организовывать для несения военной службы народ, который не жил больше сконцентрированно в одном месте, но был широко рассеян по всей стране. Опаздывавшим на призыв грозили строгие наказания. Для продовольствия призывников организовывались зерновые склады. Кто не получал того, что ему причиталось, мог подать жалобу, и тогда виновные чиновники должны были в четыре раза возместить ему недоимку.

В это же время наряду со всеобщей воинской повинностью появилась и другая организация военного дела, о которой мы узнаем из законодательства короля Эвриха (466—484 гг.), сына того короля Теодориха, который погиб в сражении на Каталунских полях.

Мы уже видели, как наемничество в Римской империи привело к системе кондотьерства, которая заключалась в том, что старшие командиры (генералы) являлись предводителями отрядов, находившихся на службе лично у них. Эти воины, которых также называли частными солдатами, носили название «буккелариев». Слово «буккеларий», очевидно, происходит от слова «buccella» (сухарь, кусок) и, очевидно, первоначально было насмешливым прозвищем, которое, как часто бывает, потеряв этот привкус, получило характер общепринятого выражения. Это слово и это понятие мы и встречаем в законе Эвриха. Буккелариев сопоставляли с германскими дружинниками и считали, что в них отразился процесс проникновения германской культуры в римскую. Греческие писатели иногда употребляют выражение «παῖδες» (дети, ребята), в чем острый взор наблюдателя увидел перевод германского слова «Degen». Дело в том, что это слово не имеет никакого отношения к слову, обозначающему оружие (Degen — меч), но либо связано с корнем слова «gedeihen» (процветать, расти, развиваться), либо, согласно более новому толкованию, с корнем греческого слова «τέχνη» (дитя) и, следовательно, во всяком случае означает «подростки ребята». Это явление, несомненно, находится в некотором родстве с древним установлением дружины. Однако, это родство является лишь вторичным моментом. Германский дружинник в древнем, собственном

¹ Dahn, «Könige», III; V, 36.

² Этот абзац теперь переработан на основании работы Eugen Oldenburg, «Die Kriegsverfassung der Westgoten», Berlin. Dissert. 1909.

смысле этого слова стоит лично к своему господину гораздо ближе: он ест с ним за одним столом и растет вместе с ним, а когда его господин возвышается до королевской власти, то дружинник становится знатным человеком. Военная дружина расширяется и распространяется книзу, и дружинник становится простым солдатом, поступающим на службу в качестве наемника, причем совершенно исчезает понятие собственно дружины в смысле личного, дружеского отношения к господину.

Все же мы, конечно, можем сказать, что там, где мы находим буккелариев на службе у знатных германских людей, там на них еще держится и сохраняется отблеск столь высоко стоявшей идеи личного долга, верности дружинника по отношению к своему господину. Закон Эвриха устанавливает, что буккеларий в качестве свободного человека имеет право выбрать себе другого господина, но в таком случае должен отдать все то, что он получил от своего прежнего господина. Тэйдес, долго правивший в качестве штатгальтера (наместника) государством вестготов, а позднее — в 531 г. — сам себя сделавший королем, имел в своей свите, как сообщает Прокопий¹, не менее 2 000 человек. Эти 2 000 человек были, разумеется, в большинстве своем готы. А общее число германцев в вестготском государстве, как мы это можем предположить, было, конечно, не более 20 000 воинов. Следовательно, если один из них имел у себя на службе 2 000 воинов, то становится понятным, какое значение приобрела эта форма военной службы.

В более позднем сборнике законов готов уже больше не употребляется слово «буккеларий», причем это понятие заменяется оборотом «поставленный под покровительство»². Отсутствие особого технического термина для такого точно описанного явления указывает на то, что вместе с тем подтверждается и фактами, а именно — на то, что этот процесс не получил среди вестготов существенного развития в указанном направлении.

Строгое отделение германцев от римлян привело у всех арианских племен к простой и уверенно действовавшей военной организации. У остготов и вестготов, у вандалов и бургундов, мы думаем, дело происходило приблизительно таким же образом. Но среди франков мы с самого начала находим иные отношения. Здесь никогда не производилось раздела земель и никогда не делалось попыток сохранить военную силу при помощи длительного отделения друг от друга этих двух народных элементов. Франки не стали арианами, но тотчас же вступили в католическую церковь. Вопрос, следовательно, заключается в том, не поставили ли франкские короли на более широкую основу организацию военного дела и воинской повинности, объединив с самого начала в единую группу своих германских и римских подданных.

В наших источниках мы находим такие места, которые указывают, что король франков имел право требовать несения военной службы от всех своих подданных. Это было истолковано таким образом, что в государстве франков, в отличие от других государств,

¹ Прокопий, «Bell. Goth.», I, 12.

² В. Cod. Euric., cap. 310 четыре раза встречается термин «буккеларий» (*buccelarius*). В «Antiqua», V, 3, 1 вместо этого термина встречаются выражения «поставленный под покровительство» и «тот, кто находится под его покровительством».

фактически существовала всеобщая военная служба всех свободных и полусвободных людей, — доказательство того, как чисто книжная ученость может ввести в заблуждение даже действительно крупных ученых. Отдельные горожане и крестьяне, которые должны были уходить далеко и на долгие месяцы на войну, снаряжаясь на собственный счет; армии, состоящие из многих сотен тысяч даже в том случае, когда призывался только один человек с 1 км², и то лишь в некоторых частях государства; эти массы, отвыкшие, наконец, в течение столетий от войны и ставшие во всех отношениях непригодными к ней, — все это нам напоминает о миллионном войске Дария Кодомана или Ксеркса, которое до сих пор еще не могут вырвать из своего сердца столь многие филологи. Можно в некоторой степени смягчить это представление о массовом призыве к несению всеобщей воинской повинности, предположив, что военнообязанными были одни лишь землевладельцы. Если к тому же исключить колоннов, то в романских областях останутся лишь немногие, а если их включить, — иначе это и быть не могло вследствие разделения повинностей между романскими и германскими областями, — то можно будет произвести следующий расчет. Предположим, что для перехода через Пиренеи призвано население областей, лежащих к югу от Сены, по одному воину с трех дворов. Все эти области охватывают приблизительно 7 000 кв. миль. Мы считаем, что на каждой квадратной миле, при наличии больших лесов и гор, было лишь от трех до шести деревень с общим количеством в 90 дворов. Каждая квадратная миля выставляла 30 воинов, следовательно, призывной контингент насчитывал 210 000 человек. Если же мы с каждого квадратного километра будем считать по одному человеку, то это уже даст 400 000. Столько народа при частичном призыве! Но так как «в совершенно особых случаях» для участия в одном походе призывалось полностью все население страны¹ и вместе с ними на войну должны были идти и литы, а также другие зависимые люди в качестве легковооруженных², то мы при наших расчетах уже не могли бы давать цифру ниже миллиона.

Отсюда видно, что мы должны искать совершенно иную основу. Военная служба в качестве всеобщей повинности всех подданных в государстве франков имеет такое же значение, какое она имела у римлян; ведь и здесь она еще полностью не исчезла. Еще император Валентиниан III однажды призвал своих подданных к борьбе с вандалами, издав эдикты, составленные в энергичных выражениях, а римские граждане помогали Велизарии при защите Рима. Как в этих случаях римляне, так иногда и германские короли призывали обычно не имеющих отношения к военному делу жителей какой-либо местности; так, например, мы узнаем, что бургундский король Гундобад во время одной войны с вестготами, примерно, в 507 г. приказал разрушить одну крепость в Лимузене римлянам, т. е., другими словами, призванному для этой цели ополчению из близлежащей бургундской пограничной области³.

И то же самое проделал однажды Тотила, призвав для выполнения одного задания вместо готов, которыми он в данном случае

¹ Waitz, II, 531; 3 Aufl. II, 1, 215.

² Waitz, II, 528; 3 Aufl. II, 1, 213.

³ Binding, «Geschichte d. burg. röm. Koenigr», I, 196, Anm. 671.

не считал нужным пользоваться, местных крестьян, присоединив к ним лишь небольшое число готов¹. Тем не менее, настоящее войско вербовалось из состава военного сословия, состоявшего из профессиональных воинов. Конечно, и у франков дело не могло быть иначе.

Франкское государство было составлено из частей германских и романских областей. Обратим наше внимание сперва на романские области. Здесь тотчас же напрашиваются выводы, которые мы можем сделать из того факта, что франки не произвели раздела земель с римлянами, как это сделали племена, жившие южнее.

Расселение бургундов, готов и вандалов и объяснено было в том смысле, что хотя свободным членам общины, объединенным в небольшие группы, были предоставлены крестьянские дворы, однако, в данном случае собственно решающим моментом было включение германских вождей и знатных людей в состав сословия крупных римских землевладельцев. Именно это новое свойство германской аристократии и дало возможность германским дворянам и графам оказать своим товарищам по племени и по войску необходимую для них хозяйственную помощь, причем это происходило либо в рамках древнего и все еще сохранявшегося родового союза, либо таким образом, что они просто брали своих товарищей к себе на службу. У франков этот процесс мог протекать совершенно таким же образом, несмотря на то, что здесь не происходило деления земель. Хлодвигу не нужно было приступать к разделу земли, так как основная масса его народа не передвигалась, а оставалась сидеть на месте. Он должен был лишь дать каждому графу некоторое количество воинов, которых тот мог без всякого труда разместить в прежних императорских или иных общественных или конфискованных поместьях, замках или дворах, так как дело шло лишь об очень небольшом числе их.

Следовательно, существенные отличия франкского расселения от иных типов расселения заключаются в том, что здесь прежде всего не было создано такого крепкого сословия крупных германских землевладельцев, что расселение шло значительно более тонким слоем и что древний родовой союз еще скорее терял свое значение. Воинство, которое в каждом графстве образовывало нечто вроде товарищества, жившего под начальством графа, состояло по большей части из франков, которые, будучи профессиональными воинами, постоянно культивировали в себе отличительные военные свойства как физического, так и морального характера. Но в то же время не исключалась возможность того, что в эти воинские товарищества вступали также и романцы². И воинственность в этих кельтских племенах еще полностью не угасла, так что все вновь и вновь проявлялись отдельные прирожденные натуры воинов и героев³. Вообще ни одна из романи-

¹ Прокопий, III, 22.

² Бруннер (D. R. I, 302) приходит к тому выводу, что уже в древнейшей существующей редакции Салического закона римляне называются подданными, но еще не составляют какой-либо части народной армии. Этот текст относится к эпохе Хлодвига. А при сыновьях Хлодвига в более поздних текстах и в добавлении к ним уже принимается во внимание то обстоятельство, что также и римляне могли находиться в войске.

³ Рот (Roth, «Ben. Wesen». S. 172) собрал ряд примеров, указывающих на боеспособность галльских романцев. Но если он отсюда делает тот вывод, что галло-римское население, в отличие от изнежившихся итальянцев, следует считать чрезвычайно воинственным, то все же он в этом отношении заходит слишком далеко.

зованных областей не была более в состоянии противостоять натиску германского племени, состоявшего из немногих тысяч человек, но при этом, конечно, вообще не было недостатка в храбрых людях. Германские короли ставили в качестве графов над областями своего государства не только своих соплеменников, но также и знатных романцев, которые к ним поступили на службу¹.

Германские воины свободно и охотно поступали под их начальство: ведь они уже давно привыкли сражаться в римских войсках. И равным образом не была исключена возможность и того, что граф, — будь то германец или романец, — принимал в число своих воинов романцев, если его товарищи убеждались в том, что они не уступают им в храбрости и в ловком умении объезжать коня и владеть оружием². И из этих расселенных германцев постепенно образовывалось германо-романское военное сословие, не замкнутое в лагерях или казармах и не находившееся под постоянным гнетом военной дисциплины, но стоявшее в самом центре гражданской жизни. В это сословие вступали во все возраставшем числе также и несвободные³. Несвободный человек, в личной храбрости и пригодности которого граф смог убедиться, был для него ценнее свободного человека, так как этот несвободный целиком зависел от его воли и никогда не мог от него уйти. Принятый в состав воинов, этот человек уже целиком приобщался к духу этого сословия, конечно, в том случае, если он был для этого подходящим человеком⁴.

В отношении франков мы не имеем прямого и совершенно бесспорного указания на то, что более или менее крупное число воинов находилось в состоянии личной зависимости, подобно буккелариям у вестготов. Однако, как мы это увидим ниже, можно доказать, что так было на самом деле. Но все же королевская власть была прежде всего еще настолько сильной, что эти частные отношения не могли приобрести значения ни в политическом, ни в государственно-правовом смысле.

Военная организация меровингского государства основывалась на том, что король призывал на военную службу, при помощи своих чиновников, мужчин, входивших в состав военного сословия, под страхом объявления вне закона.

Если наши источники употребляют слово «Leudes» (современное немецкое «Leute» — люди), то они имеют в виду это военное со-

Рот особенно хвалит аквитанцев. Но почему же особенно храбрыми были именно аквитанцы? Подчеркивание одной области указывает на ошибочность всей концепции. Случайно сохранившиеся единичные факты создали неправильную картину. В Италии могло быть то же самое, хотя это могло случайно и не отразиться в сохранившихся источниках. Утончение цивилизации и неразрывно связанная с этим изнеженность в течение 4½ столетий не менее сильно проникли в население Галлии, чем в население Италии.

¹ Доказано на многих примерах Ротом (S. 173).

² Roth, «Ben. Wesen.», S. 180.

³ Григорий, IV, 47, а также в других местах. Waitz, II, 533.

⁴ Также и бургунды уже имели несвободных в качестве воинов. В законе Гундобада (tit. X) написано: «Если кто-либо убьет раба, по национальности варвара, принадлежащего министерялу или находящегося в походе, то пусть уплатит 60 солидов. Если же какого-либо другого римского раба или варвара, земледельца или свинопаса, то пусть уплатит 30 солидов».

Следовательно, здесь перед нами варвар, который был рабом и воином. Простой раб мог быть римлянином, но раб-воин не мог быть римлянином; эта возможность исключена.

слово¹. Наряду с ним появляется слово «*fideles*» (верные), имеющее совершенно такое же значение.

В понятия, выражающиеся этими словами, включается и двор короля, а также его чиновники, иногда же в широком смысле и весь народ. В особенности в чисто германских областях франкского государства сословное отличие воинов от прочей народной массы проявляется, естественно, лишь в самой начальной стадии.

Мы установили, что во франкском государстве Меровингов, совершенно так же, как и в готском государстве Теодориха, существовало сословие профессиональных воинов, которое было обязано следовать призыву короля. Но все же здесь имеется и крупное различие. В Италии этими профессиональными воинами являлись готы, которые жили совершенно особняком, не вступая в браки с римлянами. Здесь не могло быть сомнений в том, кто является воином, а кто им не является. Во франкском государстве это не подходит ни к германской, ни к романской его части. В одной части имелись римляне, входившие в состав военного сословия, а в другой части призыв мог касаться лишь небольшой доли всего мужского населения. Поэтому военное сословие, которое в остготском государстве создавалось самой природой, в государстве франков мыслимо было лишь в связи с должностной властью графа, поставленного королем во главе данной местности. В романской части он принимал в среду воинов также и романцев, если они ему казались годными для этой цели. В германской же части он ограничивал призывной контингент лишь такой численностью, которая допускала снабжение продовольствием или которую он считал необходимой.

Современным исследователям было очень трудно установить характер меровингской военной организации, в которой видели то дружинников, то действительно проведенную всеобщую воинскую повинность, то считали военнообязанными всех мелких землевладельцев, то лишь одних владельцев коронных имений. Это объясняется тем, что франкское военное сословие было недостаточно точно ограничено в общественном, государственно-правовом и административном отношениях. Один из наших превосходнейших исследователей П. Рот однажды указал на то, что в нашем главном источнике, у Григория Турского, пространного рассказчика Меровингской эпохи, термин «*Leudes*» (люди) встречается всего лишь три раза. Если бы это слово было техническим термином, обозначающим военное сословие, то, заключает Рот, у такого рассказчика мы должны были бы найти совершенно иную картину. Это замечание в психологическом отношении столь же тонко, как и правильно. Но, как мы видим, слово «*Leudes*» не было техническим термином в строгом смысле этого слова. Суще-

¹ Фредегар (гл. 56) говорит: «Всем *leudes*, которыми правил в Австрии, приказал отправиться в поход». И дальше: «По приказу Сигиберта все *leudes* в Австрии были призваны для того, чтобы отправиться войском в поход». Статистический расчет, сделанный нами выше, достаточно ясно показывает, что это слово «*leudes*» не могло вообще обозначать в общем смысле этого слова людей. Определение, «все» принуждает нас ограничить его значение. Оно показывает нам, что здесь не могла иметься в виду вся масса всего населения, так как это привело бы к чудовищным результатам, а что здесь этими словами был обозначен лишь один какой-либо ограниченный круг людей. Ср. т. III, гл. I. Приказ Карла Смелого от 3 мая 1471 г. и приведенные у Мейнерта призывы императора Максимилиана, где также всегда призываются все, причем имеется в виду лишь узко ограниченный круг людей.

ствовало военное сословие, но в то же время не было точно ограниченного термина для его обозначения. Это не является противоречием, так как само это сословие не было точно ограничено. С одной стороны, это сословие переходит в чиновничество и в двор, а с другой — в вооруженную челядь и, наконец, в чисто германских областях — в совокупность всех свободных членов общины.

Историческое исследование, как это нам подчас кажется, вертится в заколдованном кругу. Было время, когда не верили в переселение целых народов, а те отряды, которые завладевали римскими провинциями, считали лишь большими дружинами отдельных князей, военных предводителей. Источники дали возможность доказать ошибочность этого взгляда. Действительно, это были целые народы, которые, сдвинувшись с места, покинули свою старую родину и стали себе искать новую. Но когда затем выяснилось, что эти народы были очень немногочисленными и что представление о переселяющихся миллионах носит легендарный характер, то эта картина, — правда, не в политическом и не в государственно-правовом отношении, но все же фактически стала снова ближе к прежнему представлению.

Также и выражение «Leudes» (люди) — военное сословие франкского государства — было истолковано в смысле дружинной челяди. И снова было доказано, что эта правовая форма не соответствует действительности. Призыв на войну был призывом короля, обращенным к подданным, а не к дружинникам, владельцам коронных имений или мелким землевладельцам. Но подданные, к которым этот призыв фактически обращался, были по своей численности лишь узко ограниченным военным сословием, которое было очень похоже на крупную дружину.

Следовательно, изучение этого вопроса вращалось не по кругу, а по спирали. Снова приблизившись к прежней точке, оно все же поднялось над нею на некоторую высоту, благодаря проделанной за это время работе.

БУККЕЛАРИИ

Перевод слова «*paubis*» (дети) у Агация (III, 16) и у Малалы словом «*Degen*» заимствовано у Зеэка «Германская дружина на римской почве» (Seeck, «*D. d. Gefolgschaftswesen a. römischen Boden*» in «*d. Zeitschrift der Savigny-Stiftung*», 1896, S. 109); см. также Пауля (Pauly, «*Real-Encykl. s. v. buccellarius*»). Но Зеэк идет слишком далеко в своем сопоставлении дружины с наемничеством, хотя он вполне справедливо указывает на то, что уже в древней дружине были различные разряды (ср. Бруннер, «История германского права» — Brunner, «*D. Rechtsgeschichte*», II, 262).

Первое упоминание мы находим в эпоху Гонория у Олимпиодора, стр. 7.

Император Лев издал запрещение. В Кодексе Юстиниана (Cod. Just., IX 12, 10) мы читаем¹: «Мы хотим, чтобы все в городах и селах были лишены права иметь буккелариев или вооруженных исаврийских рабов».

Титул (название статьи) в Кодексе Эвриха (Cod. Eurici), согласно Цеймеру, гласит¹:

«Если кто-нибудь дал оружие буккеларию или ему что-нибудь пожаловал, и если тот останется в дружине господина, то пожалованное ему пусть останется у него. Если кто-либо избирает себе другого господина, то он имеет право стать

¹ Перевод с латинского. — Р е д.

под покровительство того, кого пожелает, так как этого не может ему запретить свободнорожденный (*ingenius*) человек, хотя он и находится в его власти. Но он должен отдать все тому господину, которого он покидает. Такой же порядок касается и сыновей господина или буккелария, — так что если они или кто-либо из них хочет остаться в дружине, пусть владеют пожалованным. Если же они решат покинуть сыновей или внуков господина, то пусть отдадут все, что было дано господином их родителям. И если буккеларий что-либо приобрел, находясь под властью своего господина, то пусть половина всего этого останется во владении господина или его сыновей. Другую половину пусть получит тот буккеларий, который это приобрел. А если он оставил дочь, то мы приказываем, чтобы она осталась во власти господина, однако, при том условии, чтобы сам господин постарался бы найти ей равного, который смог бы ее взять в замужество. Если же она, может быть, изберет себе другого против воли господина, то пусть она вернет господину или наследникам его все, что было дано ее отцу господином или его родителями» («Древнейшие законы Визиготов», стр. 13 — «*Leges Visigothorum antiquiores*», p. 13).

У бургундов я не нашел прямого упоминания о буккелариях или чего-либо подобного, но все же здесь позволительно было бы привести следующее место. В «Страдании св. Сигизмунда» говорится о короле: «что он... своим оптиматам объявит... законом назначит себя наследником». Ян, «История Бург.» (Jahn, «*Geschichte d. Burg.*», I, стр. 101) видит выполнение этого предписания в словах: «Казалось, что он заботится о своей родине и о своей войске». Войско (*exercitus*), по его мнению, является дружинной челядью оптиматов. Если это объяснение Яна правильно, то я думаю, что здесь мы имеем установление, соответствующее институту буккелариев.

О том же самом говорит и то обстоятельство, что в городах, как мы это обнаруживаем в источниках, были арианские епископы и что там были найдены арианские могильные памятники. Эти факты я заимствую у Кауфмана, который в своих «Исследованиях по немецкой истории» (Kaufmann, «*Forschungen zur deutschen Geschichte*», Bd. 10, S. 383) объясняет их тем, что германцы жили в городах в качестве горожан-земледельцев. Конечно, они этого не делали. Ведь они не чувствовали никакой склонности к тому, чтобы стать крестьянами, а тем менее — горожанами. Они в большинстве случаев жили в городах в качестве дружинников и солдат графа.

ВСЕОБЩАЯ ВОИСКАЯ ПОВИННОСТЬ. LEUDES (ЛЮДИ)

Концепция Вайца (Waitz), сводящаяся к тому, что воинская повинность в государстве франков имела вещный, материальный характер и была связана с землевладением, опровергнута Ротом в его двух трудах: «История бенефициальных порядков» и «Феодальная система и союз подданных» (Roth, «*Geschichte des Benefizialwesens*», 1850. «*Feudalität und Untertanenverband*») Ср. Бруннер, «История германского права» (Brunner, «*Deutsche Rechtsgeschichte*», II, 203) и Рих. Шредер, «Учебник истории германского права» (Rich. Schröder, «*Lehrbuch d. D. Rechtsgeschichte*», S. 151). Но принятый также позднейшими исследователями взгляд Рота на то, что всеобщая повинность была не только принципиальным правом, но применялась и на практике, не выдерживает критики по вышеприведенным — как военным, так и статистическим — основаниям. Рот («*Verf. W.*», S. 200, 202, действительно, доходит до утверждения, что короли, воюя между собой, по крайней мере во время своих внутренних междоусобных войн, «не только юридически, но и фактически требовали всеобщего призыва». Если мы определим удел короля, о котором в данном случае идет речь, в 3 000 кв. миль и предположим, что на 1 кв.

миле жило лишь 100 боеспособных людей, то это уже образует войско в 300 000 человек, а при 150 боеспособных воинах, — что, пожалуй, будет ближе к истине, — это даст 450 000 человек. Но если мы даже очень сильно сократим количество фактического призывного контингента, что нам даст реально возможные цифры то все же с военной точки зрения следует считать совершенно исключенным факт призыва землевладельцев или иных состоятельных людей, не имеющих никакой военной подготовки. При отсутствии дисциплинированных частей постоянной армии с военной точки зрения просто необходимо допустить, главным образом в романских областях, существование сословия воинов, в котором могли бы развиваться и культивироваться военные качества. И это допущение не только согласуется со свидетельствами источников, но непосредственно из них вытекает, если мы только их правильно истолкуем.

Григорий Турский рассказывает (V, 27 и VII, 42), как прихожане его церкви были наказаны за то, что они не последовали приказу двинуться в поход¹:

«Хильперик приказал относительно бедных и младших прихожан церкви или базилики затребовать у них денежный штраф за то, что они не вступили в войско. Но ведь не было такого обычая, чтобы они несли какую-либо общественную повинность» (V, 27).

«Для судей был издан эдикт, по которому осуждались те, которые опоздают явиться для участия в походе. Битуригский комитет также послал своих слуг, чтобы забрать всякого рода людей в обители св. Мартина, которая находилась в этой местности. Но настоятель обители начал этому сильно противиться, говоря: «Это — люди св. Мартина. Не причиняйте им никакого вреда. Ведь у них нет такого обычая, чтобы уходить по такому делу». Они же сказали: «Нам нет никакого дела до твоего Мартина, которого ты всегда напрасно упоминаешь в делах: и ты, и они должны заплатить деньги за то, что вы с пренебрежением относитесь к власти короля». И, говоря это, они вошли в атриум обители» (VII, 42).

Из этих двух текстов Рот (стр. 186) сделал вывод о существовании всеобщей воинской повинности. Такой призыв не мог вытекать из особой служебной повинности церквей, так как этому противоречит буквальный смысл и так как подобного рода служебная повинность церквей не согласуется с источниками. Равным образом это не могло быть исключительным случаем всеобщего призыва для защиты от неприятельского вторжения, так как этот призыв производился для наступательной войны против Британии. «Следовательно, заключает Рот, здесь мы имеем дело с всеобщей воинской повинностью всех свободных, без различия национальности, так как кто же захочет видеть в «бедных прихожанах церкви» лишь франков или только Leudes (людей)?». До тех пор, пока под словом «Leudes» (люди) понимали либо дружинников, либо землевладельцев, это было, конечно, совершенно невозможно, но при нашем понимании слова «Leudes» такому толкованию уже больше ничто не мешает. И прежде всего мы можем предположить, что Турская церковь взяла к себе на службу для собственной защиты некоторое число франков, вооруженных боевыми топорами. Но эта служба, по мнению короля и его графа, не освобождала их от обязанности явиться на призыв, поэтому они и подлежали принудительной явке. В понятие «Leudes» (люди) ни в коем случае не входит факт наделения этих людей собственностью; очевидно, и церковь в Туре также не обещала и не давала своим частным воинам никаких поместий, но лишь хорошее жалование и снабжение. Поэтому автор хроники св. Мартина мог вполне свободно назвать их «бедными» и, возможно, был также вполне прав, говоря, что больше уже не было такого «обычая» призывать их для участия во внешних войнах.

¹ Перевод с латинского. — Ред.

Вайц (Waitz. D. V., II, 527) приводит другие места из Григория, из которых видно, что автор под словом «pauperes» (бедные) понимает лишь людей низкого сословия, но ни в коем случае не нищих. В одном рассказе (Григорий, X, 9) даже говорится о том, что они имеют лошадей.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ЛИТОВ

Согласно Poty (Roth, «Gesch. d. Benef.», S. 406), Вайцу («D. Verf.-Gesch.», IV, 454) и Бруннеру («D. Rechtsgeschichte», I, 239; II изд., 356), в Саксонии подлежали военной повинности также и литы. Но приведенные для этой цели свидетельства источников этого не доказывают. Бруннер вполне справедливо считает легендарным указание, которое мы находим в «Жизни Лебуина», на то, что также и литы были представлены на областном собрании. Корвейская привилегия, запрещающая графам призывать для участия в военном походе как свободных, так и литов монастыря, не доказывает того, что литы призывались в качестве воинов. Их могли призывать в качестве повозочных при выполнении гужевой повинности.

БЛАЖЕННЫЙ АВИТ

Одно из существенных отличий франкского государства от других германороманских государств заключается в том, что во франкском государстве с самого начала оба национальных элемента не были так резко разделены, как в других государствах. Хотя во франкском государстве, как и в других, существовало военное сословие, но оно не было так исключительно ограничено рамками правящего германского племени, а включало в свою среду также и романцев. Остготы и вандалы, — это для нас ясно и несомненно, — призывали в своих областях боеспособными и военнообязанными лишь самих себя, но не римлян. У вестготов следует различать разные эпохи. В эпоху основания государства и при первых поколениях у них, конечно, едва ли могло быть иначе, чем у родственных им племен. В VII же столетии уже исчезло резкое разделение на расы. Для решения вопроса, когда и каким образом произошел этот процесс изменения, следует принять во внимание свидетельство, которое мы находим в жизни одного святого по имени Авит, которое напечатано в «Деяниях святых» (AA. SS. Bolland. 17 июня, т. 4, стр. 292. «Beatus Avitus. Eremita in Sarlatensi apud Petrocovios diocesi»). Оно гласит¹:

«Блаженный Авит, происходящий из знатного рода, который должен был достигнуть высокого положения, дал в соответствующее время зрелые плоды надолго и сильно душистой сладости. Он, ввиду высокого положения своей знатной семьи, рожденный от благородных родителей и происходящий от княжеской крови, начал свою жизнь после счастливого рождения в одном селении Петрагорийской провинции по названию Линоказий. И лишь только он вышел из грудного возраста, родители его, неотступно заботясь о нем, отдали его в учение, для того чтобы он изучил науки. Когда же он достиг предела отрочества и покрылся пушком цветущей юности, он достиг раздвоения пифагорейской науки и, находясь на распутьи той и другой жизни, предпочел правый путь ученому собранию. Он лучше желал быть принужденным к изгнанию из этой жизни, чем, живя роскошно и предаваясь полноте наслаждений, быть осужденным на последнем суде.

В это время Аларих, открытый враг христианского имени, встал во главе государства готов. Обладая тираническим бешенством свирепой души и смертоносной жестокостью зверства, он вознесся в гордости, захватив могущественное государство и привыкши всюду побеждать своих соседей. Одушевленный большой

¹ Перевод с латинского. — Р е д.

надеждой и уверенностью в своем успехе, он решил двинуться на Францию,— очевидно, для того, чтобы ее завоевать. Чтобы крепче обосновать свое упорное желание, он старался, согласно обычаям своего государства, собрать в одно место большое количество полновесного серебра при помощи чиновников-исполнителей. Экстренным приказом через глашатаев он созвал всех боеспособных мужей военного сословия, получивших волей-неволей королевский дар.

Итак, блаженный Авит, могучий божий борец, уже благородно одержавший триумф на философском поприще, вследствие своего значительного состояния и всаднического звания родителей, хотя и против своей воли, все же был приписан к языческому войску, как бы другой Мартин получил военный дар, и был зачислен наряду с прочими для того, чтобы сражаться против вражеского войска франков. И внятно слышавший слова Евангелия, в которых повелевалось:

«Итак, отдайте кесарю то, что принадлежит кесарю, и богу то, что принадлежит богу», снаружи опоясанный портупеей и снабженный языческим оружием, внутри же себя, ведя борьбу Христову с земным царем, он был принужден стать воином».

Авит был взят в плен в сражении при Вугле в 507 г. Если безусловно верить нашему источнику, то, очевидно, у вестготов уже в это время было военное сословие, к которому принадлежали также и знатные романцы. Но текст этого жития относится к значительно более позднему времени, так что, хотя в его основе и лежат более древние рукописи, все же мы не можем доверять отдельным указаниям, которые мы там находим. Тем не менее, мы должны считать установленным тот факт, что молодой Авит, будучи образованным и знатным римлянином, отправился на войну и был взят в плен. Но все же является вопросом, можем ли мы из этого делать какие-либо выводы? Впрочем, не исключена возможность того, что уже в то время у вестготов, так же как и у франков, знатные римляне, поступая на службу к германскому королю, вместе с тем переходили в военное сословие, которое подлежало воинскому призыву. Но также весьма возможно и то, что набожный рассказчик сам придумал то принудительное приказание, которое заставило Авита опоясаться мечом, и что молодой человек был добровольно завербован и принят королем или каким-либо графом в свою дружину. В пользу этого особенно говорит то жалованье, которое он получал. Ведь нельзя же допустить, чтобы король Аларих II действительно платил жалованье своему войску. Либо рассказчик добавил это от себя, либо же здесь подразумевается тот дар, который господин делает своим дружинникам.

Следовательно, из этого рассказа мы с уверенностью можем сделать лишь тот вывод, что в начале VI столетия в вестготском государстве находились на службе по крайней мере отдельные римляне.

ИЗ ЗАКОНА ВЕСТГОТОВ (LEX VISIGOTHORUM)

Постановления Закона вестготов относительно организации военного дела, которые, согласно Ольденбургу, основывавшемуся на исследованиях Цеймера, восходят к королю Эвриху (466—484 гг.), гласят¹:

1

Если войсковые начальники, подкупленные взятками, разрешат кому-либо во время похода вернуться домой или не заставят людей выйти из своих домов.

Если тысячник (тиуфад) будет подкуплен взяткой, которую ему даст кто-либо из его тысячи (тиуфы) для того, чтобы он ему разрешил вернуться в свой дом,

¹ «M. Germ. LL», 1 tom 1 (quart °) IX Tit. 2. 1—4.

то пусть он полученное вернет в девятикратном размере комиту той области, на территории которой находится. А если он никакой платы от него не получил и лишь его здорового домой отпустил или не принудил его отправиться из своего дома в войско, то пусть он уплатит 20 солидов, пятисотенник пусть уплатит 15, а сотник (центенарий) 10. Если же это будет десятник (декан), то он должен уплатить 5 солидов. Эти солиды пусть будут разделены в той сотне, где это произошло.

II

Если сборщики, собирая войско против врага, осмелятся взять и унести что-либо из домов тех людей, которых они собирают.

Если рабы господина, т. е. сборщики войска, собирая готов против врага, что-либо у них возьмут или что-нибудь из их вещей осмелятся унести в их присутствии или в их отсутствии без их разрешения, и если это может быть доказано перед судьей, то пусть они без промедления вернут это в одиннадцатикратном размере тому, у кого взяли.

III

Если войсковые начальники, прекратив военные действия, вернуться домой или же разрешат другим вернуться.

Если какой-либо сотник (центенарий), распустив свою сотню перед неприятелем, убежит к себе домой, то он подлежит высшей мере наказания (смертной казни). Если же он найдет прибежище у святого алтаря или, может быть, у епископа, то пусть уплатит 300 солидов комиту той области, на территории которой он находится. А за жизнь свою пусть не боится. Сам комит области пусть об этом доведет до сведения короля, и тогда пусть, таким образом, по нашему приказу эти солиды будут разделены в той сотне, к которой он был приписан. Сам же сотник (центенарий) после этого пусть ни в коем случае не назначается начальником, но пусть будет одним из десятников (деканов). И если сотник (центенарий) без ведома и без согласия начальника войска (*prepositi hostis*) или тысячника (тиуфада) своего позволит кому-нибудь из своей сотни, склоненный к тому просьбой и какой-либо взяткой, вернуться к себе домой или освободит его от того, чтобы идти против врага, то пусть его принудят к тому, чтобы он то, что получил, отдал в девятикратном размере комиту той области, в которой находится. И, как нами уже было сказано выше, пусть комит области не замедлит донести нам об этом, чтобы это по нашему предписанию было разделено в той сотне, к которой он был приписан. Если же сотник (центенарий) не получил от него никакой платы и так разрешил ему вернуться в свой дом, то этот сотник, как нами было указано выше, должен дать комиту области 10 солидов.

IV

Если войсковые начальники во время похода, бросив военные действия, вернуться домой или же других будут слишком слабо заставляя идти.

Если десятник (декан), бросив свой десяток, убежит домой от врага или же, будучи здоровым, не захочет выйти из своего дома и отправиться в поход, то пусть даст комиту области 10 солидов. Если же он, может быть, дал кому-нибудь взятку, то пусть он вернет 5 солидов комиту той области, в которой он находится. А комит области пусть нас об этом известит, чтобы по нашему приказу они были разделены между воинами той сотни, к которой он был приписан. Если же кто-нибудь, кто был причислен к своей тысяче (тиуфе), без разрешения своего тиуфада (тысячника), или пятисотенника, или сотника, или десятника от врага домой

убежит или же не захочет из своего дома отправиться против врага, то пусть он на рынке публично получит 100 ударов и уплатит 10 солидов.

Следующая пятая, а может быть также и шестая статья, несомненно, восходят к Леовигильду (568—586 гг.).

V

Если сборщики войска, получив взятку, разрешат кому-либо, кто не болен, остаться дома.

Если слуги господина, которые собирают войско итти против врага, разрешат кому-нибудь от них откупиться, то пусть их принудят уплатить полученное в девятикратном размере комиту области. А если их кто-либо просил, будучи здоровым, чтобы его не брали на войну, даже если они никакой взятки от него не брали, пусть их заставят в том случае, если они его освободили, уплатить за него комиту области 5 солидов. Пусть тысячник (тиуфад) проведет следствие через своих сотников (центенариев), а сотники — через десятников (деканов), и если они смогут узнать, каким образом они убежали домой, дав плату или же выкуп, и каким образом им удалось остаться дома, не захотев отправиться против врага, то пусть тиуфад известит начальника комита и напишет комиту области, на территории которого он находится, чтобы комит области не замедлил наложить целиком все то наказание, которое установлено законом, на тех, кто за себя просит или выкупается, на тиуфадов (тысячников), сотников (центенариев), деканов (десятников) или рабов господских. А если что взыщет и скроет и в ведомость не внесет, то взысканное пусть вернет в девятикратном размере. А если подкупленный кем-либо или по чьей-либо просьбе отложит взыскание, то пусть из собственных средств в двойном размере удовлетворит тех, которые должны разделить между собой эту сумму, согласно этому решению. Если же после окончания этого дела он не известит короля, чтобы тот сам приказал разделить эту сумму в той тиуфе (тысяче), которой она причитается, или же если комит области ее скроет и не отдаст, то пусть он не замедлит удовлетворить их в одиннадцатикратном размере.

VI

О тех, которые, будучи обязанными раздавать паек, возьмут его или не сполна отдадут.

Мы признали справедливым, чтобы те, кто поставлен раздавать паек, комит области или раздатчик пайка в отдельных областях или крепостях, приказывали бы полностью выдавать по области или в крепости тот паек, который должен быть там выдан, и немедленно восстанавливали бы полное количество. Если случится, что сам комит области или аннонарий (раздатчик пайка) по своей небрежности, — не имея, а может быть и не желая, — не выдаст им часть пайка, то пусть подадут жалобу комиту их войска, что раздатчики не захотели им выдать их паек. И тогда тот начальник войска (*prepositus hostis*) пусть не замедлит послать к вам своего человека, причем было бы сосчитано количество дней, когда паек не был выдан полностью, как того требует обычай. И тогда пусть сам комит области или аннонарий (раздатчик пайка) из своих собственных средств, независимо от его желания, в четверном размере возместит им за то время, что он им сокращал обычный паек. И мы приказываем выполнить то же самое по отношению к тем, которые были обчислены в тысячах (тиуфах).



Глава II

Эволюция тактики

Изучая военную историю, мы до сих пор всюду видели, что организация военного дела и тактика находятся между собой в теснейшем взаимоотношении.

Фаланга гоплитов развивается при македонских царях в ином направлении, чем в условиях римской аристократически-чиновничьей республики, и достигает тактической формы когорты лишь в связи с конституционными изменениями. Точно так же германские сотни по самой своей природе сражаются иначе, чем римские когорты.

Могли ли германцы сохранить свой способ ведения военных действий, выросший в глубине девственных лесов, в ту эпоху, когда коренным образом изменились все условия их хозяйственной, общественной и культурной жизни? И если нет, то какие новые формы здесь возникли?

Древние германцы славились тем, что искусно владели оружием как в пешем, так и в конном строю. У одного народа больше славился один вид войск, у другого — другой. Ариовист был силен своими «двойными бойцами», т. е. всадниками, перемешанными с пехотой. Цезарь усилил свои войска при помощи германских наемных войск в критический седьмой год своих войн в Галлии и при их содействии победил Верцингеторикса. Те же самые всадники приняли существенное участие в его победе при Фарсале, а пожалуй также и в других решительных боях эпохи гражданской войны. В 213 г., при императоре Каракалле, впервые встречается название алеманнов, и об этом народе говорится с похвалой, что он умеет чудесно сражаться в конном строю¹; в сражении при Страсбурге они одержали победу также при помощи своих всадников. Равным образом в сражении при Адрианополе они решили исход боя в пользу германцев, а испанец Исидор, живший под властью вестготов, говорит о них, что хотя они и хорошие пехотинцы, но все же особенно отличались своим умением пользоваться дротиками в конном бою. Вегеций² хвалит бургундских и тюрингенских³ лошадей за их выносливость, а относительно вандалов Прокопий категорически утверждает, что они не обучены пешему строю, но все исключительно всадники («Они не были ни хорошими дротикометателями, ни лучниками, ни считали себя способными идти в бой в качестве пехотинцев, но все были всадниками, пользовались же, насколько это было возможно, больше всего копьями и мечами»). Юстиниан сформировал из пленных воинов этого племени пять конных полков и направил их в восточные гарнизоны⁴. Даже за двести лет перед тем другой греческий писатель, Дексипп (около 270 г.), называет их народом, состоящим, главным образом, из всадников⁵. Относительно остготов мы уже знаем, что они отли-

¹ Аврелий Виктор, гл. 21.

² «Ars veterinaria», VI (IV), 6. Лошадей тюрингов хвалит также и Иордан, I, 3, 21.

³ «De b. Vand.», 1, 8.

⁴ Прокопий, «De b. Vand.», I, 8.

⁵ Schmidt, «Geschichte der Vandalen», S. 39.

чались в бою, будучи прекрасными всадниками, но сражались не при помощи лука и стрел, а мечом и копьем. Не только они сами, но и их кони были защищены броней¹.

Также и франки были превосходными всадниками. Уже Плутарх («Жизнь Ота», гл. 12) и Дион Кассий (55, 24) говорят, что батавы, бывшие значительной частью того национального образования, которое впоследствии получило название франков, были особенно хорошими всадниками («Лучшие всадники из германцев», «Они сильнее всех в кавалерийском деле»). «Расписание должностей» указывает на батавов и на франков как на всадников.

Мы встречаем в надписях «эскадрон канинефатов», что, очевидно, также было составной частью позднейших франков². А в рассказах Григория Турского они часто появляются верхом на коне³. Когда же они во время готской войны (539 и 552 гг.) вторглись в Италию, то шли большей частью в пешем строю; лишь личная охрана короля, его телохранители, состояла из всадников⁴.

Мы уже установили, что характерным отличием византийского войска было отсутствие деления на виды оружия. Пехота и конница, холодное оружие и луки — все эти виды войска и оружия переходят один в другой и смешиваются друг с другом. Защищенный доспехами всадник пользуется также луком, а вместе с тем сражается и в пешем строю. Другими словами, это указывает на то, что настоящим воином является всадник и что подлинной пехоты уже больше не существует.

Пешие лучники — это такой вид войска, который не может существовать ни изолированно, ни в открытом поле при наличии одних лишь всадников. Но, прикрытые собственной конницей при условии использования укреплений или естественных препятствий, пешие стрелки из лука могут оказаться весьма полезными даже против конницы. В эту эпоху в сочинении некоего Урбикия⁵ появляется мысль или проект защиты лучников против кавалерийской атаки при помощи «испанских всадников», т. е. особого рода переносного препятствия, что мы встречаем на практике даже в более позднее время. Но все же стрелки из лука всегда остаются лишь вспомогательным видом войска, и конница всегда ценится выше.

В пехоте, вооруженной холодным оружием, имеют значение не только храбрость и доблесть отдельного бойца, но и та тактическая единица, в составе которой бойцы находятся. Конечно, при использовании всадников и стрелков тактическая единица также играет присущую ей роль, но все же воин имеет значение и сам по себе, помимо своей части. Отдельный же пехотинец, вооруженный холодным оружием, если только он не находится в составе более крупной тактической единицы, может расцениваться лишь очень низко. Это знал уже Аристотель, писавший в своей «Политике» (IV, 13): «Тяжелово-

¹ Прокопий, «B. Goth», I, 26, I, 28, I, 29. B. Pers., II, 18.

² Brunner, «Zeitschrift d. Savigny-Stiftung, 1887, S. 6.

³ Например, III, 28; IV, 30; VIII, 45, 10, 31.

⁴ Прокопий, II, 25; Агаций, II, 5. Нам кажется несколько сомнительным, чтобы это утверждение Прокопия было совершенно достоверным, так как он категорически утверждает, что у франков не было ни копий, ни луков, наличие которых доказано целым рядом других указаний (Waitz, «D. Verf.», II, 518, 2 Aufl., II, 213). Если вообще сообщение Прокопия является правильным, то, очевидно, мы здесь имеем дело со случаем, как в 552 г., когда нападавшие были, главным образом, алеманнами, которые вообще славилась в качестве всадников.

⁵ Jaehns, «Geschichte der Kriegswissenschaft», I, 142.

оруженной пехотой нельзя пользоваться при отсутствии тактического порядка. И так как в древности не имели об этом представления и не знали этого искусства, то сила войска основывалась на одной лишь коннице». Об этом же в очень сходных выражениях говорит и Фридрих Великий в своих «Размышлениях о тактике» 1758 г.: «Пехота сильна лишь постольку, поскольку она сосредоточена и расположена в порядке. Если же она разделена на части и почти рассыпана, то в этот момент достаточно нападения даже слабой конной части, чтобы ее уничтожить¹. Сомкнутой пехотой такого типа были римские легионы, — и я не знаю таких случаев, когда они бывали опрокинуты конницей.

В войсках Юстиниана мы больше уже не находим такого рода сомкнутых тактических порядков пехотных частей, вооруженных холодным оружием. Пехота, которую мы здесь находим, состоит из лучников, либо из спешенных всадников, либо же из людей, которые садятся на коня в том случае, если они его имеют. Центр римского расположения, который был атакован готской конницей в сражении при Тагинэ, очевидно, опирался на какое-либо естественное препятствие, которое было, может быть, еще усилено искусственным образом.

Велизарий однажды сказал² своим людям, что персидская пехота состоит из жалких крестьян, которых берут с собой для того, чтобы подрывать стены, грабить павших и прислуживать солдатам. Конечно, дело обстояло вовсе не так скверно, и римская пехота, может быть, стояла на несколько более высоком уровне, но, вообще говоря, войска Юстиниана и Хозроя были очень похожи друг на друга, так что мнение о персидской пехоте дает возможность сделать некоторый обратный вывод относительно оценки этого рода войска также и у римлян.

Военная сила германцев, как мы в этом уже ранее убедились, основывалась не только на дикой храбрости отдельного воина, но также и на родовой спайке воинов, находящихся под начальством своего предводителя — хунно. Германская пехота шла в атаку, построившись в массивный клин или в боевой порядок, напоминающий по своей форме кабанью голову. Хотя у древних германцев понятие собственно военной дисциплины существовало лишь в очень слабой степени, естественная родовая связь давала им то, что у культурных народов достигается при помощи дисциплины, т. е. тактическую единицу, единство воли при множестве воинов. Этот организм распался и погиб в эпоху расселения германцев среди романцев.

Прежде всего расселившиеся германцы разделились в своих новых королевствах на две группы. Одна часть покинула свой древний родовой союз и вступила непосредственно на службу к королю или к графу. Они были помещены непосредственно при дворе или на дворе, и их там кормили, — как в том случае, когда они там находились без своих семей, так и в том, когда им вместе с их семьями

¹ «Oeuvres», т. 28, стр. 163.

Почти так же высказывается Наполеон в своей инструкции по обучению драгун. Цит. у Kerchnawe, «Kavallerie-Verwendung», S. 3, Anm.

² Велизарий в таких словах описывает персидскую пехоту: «Вся пехота — не что иное, как толпище жалких крестьян, которые берутся на войну лишь для того, чтобы подкапывать стены, снимать доспехи с убитых и прислуживать воинам». (Прокопий, В. Pers., I, 14).

давалось собственное небольшое хозяйство. Другая часть продолжала жить в родовых союзах, которые, очевидно, уменьшились. Первые жили по большей части в городах, а вторые в деревнях — либо с предводителем, который, благодаря разделению земель, стал крупным землевладельцем, либо же без него. Роды, которые раньше редко насчитывали менее 100 человек, а часто насчитывали несколько сотен человек, были разделены теперь на отдельные более мелкие группы¹, которые больше не были объединены общей совместной жизнью и не могли выработать единого общего типа. Люди, находившиеся при дворе и в непосредственном распоряжении графа, нашли себе здесь новый центр применения своей деятельности совсем иного типа. Совершенно другим стало также отношение к своему предводителю среди тех групп, которые продолжали жить на земле в условиях родового быта. Древний хунно жил вместе со своими товарищами, среди них, и в этой совместной жизни развился и вырос его естественный авторитет. Новый землевладелец стал аристократом, который все более и более отдалялся по своему образу жизни от своего простого товарища по племени. И если теперь, по древнему обычаю, приходилось строить боевой клин, то последний уже не обладал прежней прочностью и прежней ценностью.

Не могло быть больше и речи о том, чтобы как-нибудь сохранить или восстановить тактическую часть, в особенности при помощи военных упражнений. Не было никаких предпосылок для того, чтобы это осуществить. Дело в том, что ни германские короли, ни их графы, ни древние хунны не обладали таким авторитетом и такого рода властью над своими соплеменниками, которая необходима для достижения этой цели.

Отсутствовала также и внешняя предпосылка, а именно — тесная совместная жизнь более или менее значительной группы людей. Немногие сотни представителей военного сословия — готы, бургунды или франки, жившие на территории романского графства, могли укреплять свою боевую силу при помощи постоянных военных упражнений, но не путем создания строевой тренировочной дисциплины. Нам придется вновь коснуться этого вопроса, когда мы, продолжая наше исследование, достигнем той эпохи, в которой снова были сформированы тактические части. Теперь же мы вступаем в такой период, когда постепенно почти совсем исчезает тот полюс военной организации, на котором в существенном отношении основывалась боевая ценность римских легионов, и когда все внимание целиком посвящается одному лишь противоположному полюсу военного развития — личной храбрости и боеспособности одиночного бойца.

Но все же вместо древнего боевого клина, состоявшего из воинов, вооруженных длинным копьем, фрамой, секирой, анго² или каким-нибудь иным холодным оружием, которое предпочитал тот или иной воин, могла появиться относительно боеспособная пехота, вооруженная луком. Мы это обнаружили у византийцев. Но, хотя византийское войско в очень значительной части состояло из германцев,

¹ Здесь следует вспомнить о том месте из Прокопия («De b. Vand.», I, 18), где рассказывается, как подходили вандалы в беспорядке и не построившись для сражения, но «по симмориям, и по таким маленьким, ибо по тридцать и по двадцать были». Это могли быть именно такие уменьшенные роды.

² Анго похоже на римское pilum, следовательно, может быть истолковано как дротик.

мы все же должны отнести за счет командования тот факт, что лук получил особенно широкое применение в этой войне. В источниках мы находим ясные указания на то, что хотя самостоятельные германские племена — вандалы и остготы — умели пользоваться дальноточным оружием, но все же предпочитали меч и копье. То же самое относится и к франкам, у которых лишь очень редко упоминается лук.

Но то, что теряла пехота, приобретала конница. Ведь не исчезли ни храбрость, ни боеспособность, ни военный дух. Дело было лишь в том, что условия времени оказались неблагоприятными для одного определенного вида войска — для пехоты. Уже Вегеций, несмотря на то, что был очень далек от жизни, все же заметил, что конница его эпохи не оставляла желать лучшего (III, 26).

Для германцев, которые осели среди римлян, конница необходимым образом являлась тем родом оружия, который они культивировали с особенным вниманием и с особенной заботливостью не только в специфически кавалерийском смысле, но просто как люди, которые идут в бой в конном строю, умеют объезжать коня и сражаться верхом на коне, но которые вместе с тем готовы, когда этого потребуют обстоятельства, сойти с коня и сражаться в пешем строю. Воин не столько всадник, сколько человек верхом на коне, или, иными словами, он потому всадник, что благодаря этому он может быть кем угодно. Эта эпоха уже неспособна создавать тактические части. Вся боевая сила основывается на одиночном бойце, на личности. Человек, который может сражаться лишь в пешем строю при помощи холодного оружия, представляет собой очень незначительную величину в том случае, если он не является звеном тактической части. Человек, который сражается пешком при помощи лука и стрел, всегда будет лишь вспомогательным родом войска. Человек, сражающийся верхом, превосходит в качестве одиночного бойца и того и другого.

Этот начавший развиваться факт силой своей естественной инерции начинает оказывать влияние на дальнейшее развитие, идущее в этом направлении. Лучшие стремились на кавалерийскую службу. Короли не оказывали больше никакого внимания пехоте в прежнем смысле этого слова.

В том же направлении сказывалось также непосредственное влияние хозяйственных условий. Италия и Галлия были, конечно, населены не менее плотно, но, может быть, даже значительно плотнее. Сельское хозяйство здесь стояло на большей высоте, чем в эпоху основания римской мировой монархии, несмотря на тот огромный упадок, который начался с III столетия, и несмотря на все те германские походы, сопровождавшиеся убийствами и грабежами, во время которых германцы непрерывно опустошали римские провинции. Цезарь и триумвиры достигли того, что могли организовывать походы, проводя через страну армии, достигавшие численности в 60 000—70 000 человек. Но это можно было сделать лишь при помощи больших наличных средств и организованной системы снабжения. Теперь же мир снова погрузился в натуральное хозяйство, и германские короли уже не имели в своем распоряжении римской административной организации. Воинов больше не держали сосредоточенными в легионы. Для того чтобы их прокормить, их приходилось распределять по всей стране: ведь теперь трудно стало достигнуть каких-либо результатов при помощи больших воинских масс, с другой же стороны, самого

лучшего воина не труднее прокормить, чем среднего. В своем военном ремесле всадник в значительно более высокой степени является художником, мастером, нежели пехотинец. Никогда не представляло особенного труда собрать в каком-либо округе пехотный отряд из несколько сотен более или менее годных солдат, но гораздо труднее было собрать несколько сот, сотню или даже только 50 действительно боеспособных всадников и соответствующее количество пригодных лошадей. Поэтому самую большую благодарность заслуживал от короля тот граф, который приводил к нему не наибольшее количество воинов, но лучших воинов по качеству. Всадник во всех отношениях представлял собой ббльшую величину, нежели пехотинец. Земля давала возможность прокормить некоторое, не очень большое количество лошадей. А когда это было нужно, всадник сходил с коня и сражался пешком.

Уже Цезарь достигал больших результатов при помощи своей конницы, но все же ядром его армии оставался легионер, тяжеловооруженный пехотинец, пользовавшийся холодным оружием. Количество всадников в его войске колебалось приблизительно от 5 до 20%¹. В германо-романских государствах конница получила полное преобладание, однако, нельзя сказать, что эта конница была совершенно такой же, какой была конница Цезаря. Мы здесь можем повторить то, что уже говорили о войске Юстиниана — специфические особенности различных родов оружия стерлись. Франкские или готские всадники являются не столько кавалерией, сколько воинами, сидящими верхом на конях. Они могут в то же самое время сражаться и в пешем строю, не чувствуя себя при этом вырванными из своей стихии. Для воина существует лишь одно отличительное свойство: каждый отдельный воин должен быть сильным, храбрым человеком, умеющим ловко владеть своим оружием.

В первой главе этой части мы отметили различие между способом расселения франков и остальных племен, которое заключалось в том, что франки не производили раздела земель. Теперь мы снова видим, что практическое значение этого различия было на самом деле не очень крупным. Призыв воинов в каждом отдельном округе определялся не столько числом наличных мужчин, сколько реальными возможностями их вооружения и снабжения, а также участия их в военных действиях. К тому же число расселенных готов, бургундов и вандалов было очень незначительным. У вестготов и бургундов должно было, главным образом, приниматься в расчет частное землевладение, так как первоначально эти племена ограничились очень небольшой областью. У вандалов мы наблюдаем тот же факт, так как они добровольно, из военно-политических соображений, расселились лишь в одной провинции своего обширного государства. Одоакр и остготы могли испытать на себе влияние таких же причин, — по крайней мере в Нижней Италии, как мы это видим, было очень мало готов. Когда франки при Хлодвиге основали свое большое государство, то главная масса их народа осталась в тех же областях, которыми они вла-

¹ Рюстов считает, что кавалерия в среднем равнялась одной четверти легионной пехоты, составляя, следовательно, 25% всего войска (Rüstow, «Heerwesen Caesars», S. 25). К этому присоединился и Марквардт (Marquardt, «Röm. Staatsv.», II, 441). Фрелих при таком соотношении вполне справедливо уклоняется от установления средней цифры (Fröhlich, «Kriegswesen Caesars», S. 40). 20% сохранившихся цифр является не средним числом, но максимальным.

дели с давних времен или из которых уже прежние поколения либо окончательно изгнали римлян, либо же целиком их подавили. В романских округах, во главе которых Хлодвиг с этого времени поставил своих графов, было достаточно императорских доменов, коммунальных поместий или конфискованных владений отдельных римских аристократов, чтобы разместить те немногочисленные отряды, которые король давал каждому графу.

Франкские войска были столь же немногочисленны, как и войска готов, вандалов и бургундов. Не составило бы никакого труда собрать в чисто германских областях более крупные отряды, но в таком случае не было бы возможности их прокормить, не нарушая при этом всех установленных порядков и не уничтожая местной культуры. Стратегические операции на далекие расстояния можно было производить лишь при помощи очень умеренных по своей величине войсковых частей; поэтому дело шло не о количестве наличных войск, но о качестве отрядов, способных выполнять боевые операции. Именно по этой причине Теодорих Великий всегда был сильнее франкских королей, Хлодвига и его сыновей. Хлодвиг, конечно, располагал большим количеством воинов, остготы же, несмотря на то, что они широко расселились по завоеванной Италии, в сущности оставались в своей совокупности подвижной армией, которая по воле короля и полководца и при помощи средств, представляемых богатой страной, могла всегда быть отправлена туда и размещена там, где ее надо было использовать.

Проследим еще раз в обратном порядке ту нить, которая нас привела от одного вопроса к другому. Преобладающее значение конницы, появление одиночного воина и исчезновение тактической части — все это ведет к факту малочисленности войска. Но лишь только мы убедимся, что исход боя в эту эпоху решали небольшие отряды храбрых людей, то нам тотчас же станет ясно, почему Хлодвиг в больших завоеванных им романских областях расселил лишь очень немногих франков и что именно поэтому ему не нужно было производить раздела земель.

Распад родового строя и расселение воинов, широко рассыпанных по обширным пространствам страны, ослабили внутреннюю спайку древнего клинообразного боевого строя, что привело к уменьшению и, наконец, к уничтожению его ценности, причем отдельные воины не стали от этого менее храбрыми и менее опытными в военном деле. А поскольку остается лишь личная храбрость отдельного воина, постольку вырабатывается форма борьбы, при которой отдельный воин может достигнуть наибольших результатов. Иными словами, этот воин садится на коня, сохраняя в то же время уменьше, если того требуют обстоятельства, сражаться в пешем строю.

Численность, военная организация и тактика взаимно обуславливают и контролируют друг друга. Установив, как малы были войска эпохи переселения народов и как малы были войска остготов, мы косвенным образом приобрели также некоторый масштаб для измерения численности войск готов и можем теперь сказать, что и их войска были весьма незначительными. Это означает, что воины, из которых они состояли, обладали высокими военными качествами. Так подготавливаются военная организация и тактика рыцарства.

Глава III

**Упадок первоначальной германо-романской
военной организации**

Государства вандалов и остготов просуществовали в течение недолгого времени. То обстоятельство, что государство Гейзериха пало под первым натиском византийцев, в то время как наследники Теодориха боролись по крайней мере в течение 18 лет, объясняется тем, что вандалы жили на полстолетия дольше в новых условиях, подставив лучам цивилизации свою северную военную силу. Вестготы, также подвергавшиеся очень большой угрозе, все же в конце концов выдержали, преодолели кризис и сохранили свое государство и свою независимость, скорее благодаря географическому положению, чем более крупной внутренней силе. Когда же 150 лет спустя к ним приблизился новый мощный враг в лице ислама, то они пали с одного удара, причем тотчас же их власть окончательно рухнула.

Источники дают нам возможность проследить упадок их военной организации. Однако, не следует в этом видеть нечто специфически вестготское; таков был естественный и неизбежный ход развития, который должен был бы стать общим для всех германо-романских государств, если бы одни из них уже не погибли раньше и если бы продолжавшее существовать государство франков не выработало иной, совершенно новой государственно-правовой формы.

Явления разложения обнаруживаются уже вскоре после расселения; о них мы уже говорили выше, в первой главе, когда касались там этого вопроса. Рассеянных по всей стране готов нельзя было собрать вместе для несения военной службы. Король, герцоги, графы, крупные землевладельцы и, наконец, также высшее духовенство держат при себе собственных воинов — буккелариев. В течение некоторого времени оба эти явления существуют бок-о-бок; в одно и то же время мы видим всеобщий народный призыв готов и частных наемников знатных людей. Но исконная военная организация уже настолько отошла на задний план, что древний предводитель тысячи — тиуфад — теперь уже принадлежит к лицам низшего сословия, и закон грозит тиуфаду палочными ударами в том случае, если он неправильно будет выполнять требования своей службы. Многие готы перестают быть воинами, и в то же время в военное сословие вступают римляне, среди которых, вполне естественно, постоянно попадают люди, обладающие военными способностями.

О ходе этого развития мы узнаем из попыток реформ, которые были предприняты незадолго до катастрофы и привели к изданию законов при королях Вамбе (672—680 гг.) и Эрвиге (680—687 гг.). Законы эти сохранились до нашего времени.

Закон Вамбе 673 г. начинается с трогательных жалоб на то, что во время вторжения неприятеля очень многие уклоняются от обязанности защищать свою родину и никто не помогает друг другу. Впредь каждый человек, — будь то духовное лицо или мирянин, — как только будет призван, должен оказывать помощь вместе со своим отрядом (*virius*) на расстоянии до 100 миль (150 км). Тому, кто этого

не делает, грозит самое жестокое наказание — ссылка, бесчестие, возмещение убытков, конфискация имущества.

Текст закона Эрвига 681 г. также начинается с жалоб на тех людей, которые предпочитают быть скорее богатыми, нежели сильными, которые больше заботятся о своем имуществе, чем о том, чтобы упражняться в пользовании оружием, и которые думают, что они смогут вкушать от плодов своей работы, перестав одерживать победы. Поэтому закон должен оказывать воздействие на тех, которые в подобных случаях руководствуются собственными интересами; каждый должен следовать призыву и идти на войну, кто бы он ни был и где бы он ни находился. Кто этому не следует, тот подлежит суду короля. У него может быть отнято все его имущество, и он может быть осужден на изгнание. А простому человеку, от тифада и ниже, грозит телесное наказание в 200 ударов, причем в знак бесчестия его бреют наголо; сверх того он должен уплатить в виде штрафа один фунт золота, а если его не имеет, то обращается в рабство. Призывной должен не только являться собственной персоной, но и приводить с собой десятую¹ часть своих хорошо вооруженных рабов. Если же обнаружится, что он привел с собой меньше предписанной десятой части, то все недостающие переходят к королю, который их может подарить тому, кому захочет. Что же касается королевских чиновников, то в законе особенно подчеркивается, что и они также подлежат наказанию согласно этому закону, причем устанавливаются наказания за подкуп.

Оба закона предусматривают в качестве уважительной причины неявки болезнь, которая должна быть установлена законными свидетелями, причем, если господин действительно не может отправиться в поход, все же должен быть выслан его отряд. В более позднем кодексе мы здесь находим, вероятно, более позднее, очень характерное добавление, что болезнь должна быть засвидетельствована инспектором епископа данного диоцеза, в противном случае болезнь не будет считаться удостоверенной.

Важнейшее различие между этими двумя законами заключается в том, что первый закон касается лишь случаев обороны страны либо против внешнего врага, либо во время восстания. Второй закон сформулирован несколько мягче первого в том отношении, что он снова отменяет наказание бесчестием и лишением права давать свидетельские показания, которым грозит первый закон, но в то же время этот закон не только касается призыва к обороне страны, но и стремится урегулировать вопросы, связанные вообще со всякого рода призывами.

Дан² считает эти законы настоящей военной реформой; существеннейшим содержанием их, наряду с усилением наказания и контроля, является распространение воинской повинности на всех несвободных. Это правильно согласно буквальному смыслу законов, но по существу неорганизованное распространение воинской повинности на необозримые массы населения означает банкротство законодательства.

Согласно буквальному смыслу законов, порой кажется, что законы обращаются ко всему населению, и это должно было бы при-

¹ Некоторые кодексы требуют вместо десятой части половину всех рабов.

² «Könige der Germanen», VI, 222, 2 Aufl.

вести к явке огромного числа мужчин. Но затем текст предписания относительно отряда и рабов, которых следует брать с собой, показывает нам, что законодатель, вовсе не думал о больших массах народа, но имел в виду, главным образом, лишь крупных владельцев. Каждый выступающий в поход, говорится в законе, — будь то герцог, граф, гардинг (т. е. дружинник короля), гот или романец, свободный или вольноотпущенник или королевский слуга, — должен привести вместе с собой десятую часть своих рабов. Почему же потребовалось это множество вооруженных рабов, если действительно рассчитывали лишь на ту часть граждан, которая пользовалась уважением? Такое же значение имеет и распространение воинской повинности на духовенство. Правда, они не обязаны сражаться, но должны выставять свои отряды.

Очевидно, дело заключалось в том, что исконное военное сословие готов в течение 250 лет, постепенно акклиматизировавшись, превратилось в городское сословие, причем его военные наклонности стерлись и исчезли. В атмосфере цивилизации одновременно с варварством растаяла и его военная сила.

Все еще продолжает существовать представление о том, что имеется налицо военное сословие, но это представление нельзя реализовать. Его место (трудно точно установить, каким образом) постепенно занимает группа крупных землевладельцев, которые содержат вооруженных рабов. Судя по буквальному смыслу закона, законодатель как бы обращается к народным массам, которые не только не чувствуют склонности, но и неспособны участвовать в сражениях; в действительности же он апеллирует к доброй воле аристократии. Здесь нет даже и речи о какой-нибудь организации снабжения войска во время похода. Так как становится все более и более ясным и так как напрашивается мысль о том, что древний готский воин умер и что отдельные горожане и крестьяне уже не в состоянии быстро сниматься с места и отправляться в далекие походы, отдается приказ знатым господам — как духовенству, так и мирянам — выставять отряды и брать с собой своих рабов. Эти владельцы были по крайней мере в состоянии снаряжать и снабжать своих людей, но все же первые встречные подданные и рабы еще не являются подходящими воинами. Если бы даже можно было себе представить, что строгость закона и чрезвычайно энергичное его выполнение действительно дали бы возможность собрать необходимое число людей, проконтролировать пригодность оружия и количество привезенного с собой продовольствия, то все же необходимо признать, что главного не будет, так как будет отсутствовать гарантия военной боеспособности.

Верным признаком слабости служит стремление возместить недостаток мало-мальски годной организации военного дела и военного налога при помощи многословных патриотических и поучительных фраз, а также угроз множеством наказаний. Но именно чудовищность этих наказаний и была залогом того, что они не будут приводиться в исполнение; поэтому угрозы оставались бессильными.

Конечно, воинская сила не угасла во внуках Фритхигерна и Алариха, так же как она полностью никогда не исчезла и среди романцев. Ведь постоянно велись войны, как внешние, так и внутренние. Все еще продолжали существовать буккеларии, военные дружинники, которые находились на службе у отдельных знатных людей, но уже больше не

было действительной, мощно функционирующей организации обороны страны.

Поэтому неудивительно, что через 30 лет после издания приведенного выше закона вестготское государство пало под одним единственным ударом, как некогда государство вандалов.

ТЕКСТ ЗАКОНОВ

Оба закона Вамбы и Эрвига находятся в более древних изданиях Законов вестготов, составляя 8-ю и 9-ю главы 2-го тит. 9-й книги, непосредственно примыкая к тем более древним, помещенным выше определениям (стр. 421), которые я вместе с Цеймером считаю возможным отнести на 200 лет раньше. Поэтому эти оба более поздних закона не помещены в издании Цеймера (in—8), в котором основной закон реконструируется в качестве кодекса короля Реккесвинда (649—672 гг.). Эти законы напечатаны в новом издании Законов вестготов, изданных Цеймером в «Mon. G. LL.» Sec. I, т. I (in quarto). Цеймер впервые также установил тот факт, что второй закон принадлежит не Вамбе, как то указано в мадридском и в лиссабонском изданиях, и не Эгике, как то признавал Дан, а Эрвигу.

Во имя господи¹

Славный Флавий Вамба король

Что следует выполнять при возникновении в пределах Испании
военных действий

Полезное намерение побуждает нашу милость сделать так, чтобы, подобно тому как для мирного времени провозглашаются законы, и во время военных действий, благодаря взаимной поддержке и защите, сохранялось братское отношение и любовь. Несомненно, что мир в нашей стране будет полезным лишь в том случае, если законный призыв военной трубы соединит сердца всех для благой цели. Итак, пусть те, кто раньше в беспорядке разбегались, отныне с божьей помощью в большем порядке выступают в поход. Ведь наша милость не может дольше терпеть подобных недостатков, так как вследствие нерадения некоторых родина терпит большой ущерб. Всякий раз при вторжении неприятеля в провинции нашего королевства, когда наши люди, собирающиеся на границах против неприятеля, должны вести военные действия, некоторые уклоняются от этого и, пользуясь первым удобным случаем, — ссылаясь то на перемену места, то на собственное нежелание, то на ложные предлоги, — не оказывают в бою братской помощи друг другу, так что в этих случаях те, которые должны были бы стоять на защите общественного блага, будучи лишены братской помощи, отступают; те же, которые для блага народа и родины готовы смело выступить, уничтожаются врагом вследствие неотвратимой для них опасности.

А посему настоящим постановлением приказываем, чтобы со дня или со времени, установленного этим законом, если неприятель начнет какие-либо военные действия против нашей родины, каждый, — будь то епископ или всякое иное лицо духовного звания, герцог или граф, тысячник (тиуфад), наместник (викарий), королевский дружинник (гардинг) или кто-либо иной, происходящий из того же самого диоцеза (commissu), где начались эти военные действия, или из другого, который граничит с ним, или всякий иной, случайно находящийся в этих областях или на этой территории в пределах ста миль, — тотчас после того, как возникнет в том необходимость и как только он получит уведомление от своего герцога, графа, тиуфада,

¹ Далее следует перевод латинского текста. — Р е д.

наместника (викария) или от кого-либо иного или же узнает об этом каким-либо иным путем и не выступит быстро на защиту народа и родины нашей со всей своей дружиной, какой располагает, а захочет, ссылаясь на всякие ложные предлоги и выдумки, уйти в другое место или уклониться и не выступит быстро и энергично на защиту братьев своих, чтобы отомстить за родину, — так что неприятель, начав военные действия против нас, возьмет пленных и нанесет ущерб народам и областям государства нашего; если кто-либо с некоторым опозданием, из трусости, по злему умыслу, из страха или малодушия, не двинется в поход и замедлит выступить на защиту народа и родины против врагов нашего народа со всей энергией; если это сделает кто-либо из духовенства или из клириков и если он не имеет средств, из которых он мог бы возместить убытки, причиненные нашей стране неприятелем, — то пусть он будет подвергнут строгой ссылке, согласно приказу правителя. Эта часть постановления распространяется только на епископов, пресвитеров и диаконов. А по отношению к клирикам, не имеющим почетного звания и приравненным к мирянам низшего звания, следует применять все постановление целиком. А если это сделает кто-либо из мирян, будь то знатный или лицо более низкого звания, то мы настоящим законом постановляем, чтобы он был отрешен от должности и освобожден от присяги и тотчас же обращен в самое низкое рабство, так чтобы правителю была бы предоставлена неограниченная власть над его личностью. Ибо справедливо, чтобы тот, кто не смог храбро защитить свой знатный род и свою родину, созданные трудом прежних поколений, был наказан согласно этому закону, а чтобы явно виновный в больших преступлениях был наказан бесчестьем. Относительно же имущества нарушителей этого закона как мирян, так даже и клириков, которые не имеют почетного звания, постановляем выполнять следующее: чтобы те, кто, может быть, впоследствии совершит это преступление, возместили бы все убытки, причиненные нашей земле, либо же возместили тем, которые понесли ущерб, — так что пусть справедливо пострадает, лишившись благородного звания и права владения недвижимостью, тот, кто из злобы или трусости не отразит нападающего врага и не покажет себя мужем в бою с неприятелем. А если в пределах Испании, Галлии, Галлеции (*Galleziae*) или всех провинций, которые находятся под нашей властью в какой-либо части государства, кто-либо подымет или захочет поднять восстание против народа, родины или королевства нашего или даже преемников наших, и если кто-либо из священнослужителей, клириков, герцогов, графов, тиуфадов (тысячников), наместников (*vicarii*) или всякое иное лицо до этого находилось поблизости от этого места, в пределах того количества миль, которое было указано и объявлено выше, или даже в частности кто-нибудь из них был призван согласно вышеприведенному постановлению или же сам каким-нибудь образом об этом узнал и тотчас же быстро и преданно не явился, чтобы отомстить за короля, народ, родину или верных данному королю, против которого было возбуждено и поднято это восстание, и, быстро подготовившись, не явился к ним на помощь для того, чтобы подавить это восстание; если это был епископ или кто-либо из клира или, может быть, из дворцовой службы, к какому бы сословию он ни принадлежал и каким бы саном ни был облечен, или, может быть, более низкое лицо, виновное в этой преступной неверности, — то такой человек не только отправляется в ссылку, но и все его имущество предоставляется в полное и неограниченное распоряжение королевской власти.

Закон признает невиновными в нарушении вышеприведенных постановлений лишь тех, которые были настолько ослаблены болезнью, что никак не могли ни выступить, ни отправиться в поход с дружиной верных, согласно вышеозначенному приказу. И те, которым помешает выступить в поход какая-либо болезнь, все же должны отправить свою дружину для того, чтобы оказать помощь епископам или клирикам, а также братьям своим, сражающимся верой и правдой за королевскую власть, народ и отечество. А если они этого не сделают, то должны быть наказаны

так же, как и нарушители этого закона, согласно вышеприведенному постановлению. Человек лишь в том случае считается невиновным в совершении вышеуказанного преступления, если он докажет надежными свидетельскими показаниями, что в то время, когда следовало выступить и отправиться в поход, он был настолько ослаблен болезнью, что не имел никакой физической возможности выступить. Итак, пусть строгое применение этого закона уничтожит зло, которое укоренилось с прежних времен и существует вплоть до наших дней, и пусть единодушное согласие укрепит мир среди народов и способствует защите родины.

IX. Славный Флавий Эрвигий король

О тех, которые в назначенный день или в назначенное время не выступают в поход и не являются в указанное место или убегают, а также о том, с какой частью своих рабов должен отправляться в этот поход каждый человек.

Если, без всякого сомнения, восхваляются те люди, которые настолько любят свою родину, что добровольно подвергаются опасностям в борьбе за ее освобождение, то почему же не называются дезертирами те, которые перестают быть ее защитниками? Ибо как мы сможем поверить в то, что эти люди добровольно пойдут на защиту страны, если они не выступают даже в том случае, когда их призывают на защиту родины? Теперь же они уклоняются от выступления в поход или, что еще хуже, вопреки напоминанию, задерживают свое выступление, или же, вопреки приказу, оставшись позади, отправляются в поход. Они гораздо охотнее думают о том, чтобы в большем количестве пользоваться плодами, чем о том, чтобы спасти свое тело, скрываясь и убегая, — и больше заботятся о своих домашних делах, чем о том, чтобы приобрести опыт в военном деле. Как будто они смогут воспользоваться своими трудами, если перестанут быть победителями! Ввиду этого следует в дисциплинарном порядке заботиться о тех, которые не чувствуют стремления руководствоваться соображениями пользы. Поэтому мы приказываем всем народам нашего королевства, подчиняются ли они общим или каким-либо иным законам, чтобы каждый человек в установленный, заранее назначенный день или в тот срок, когда правитель прикажет выступить в военный поход или же предпишет кому-нибудь из герцогов или графов отправиться для выполнения общественного дела, каждый человек, — получит ли он от кого-либо напоминание или, даже об этом не уведомленный, сам об этом каким-либо образом узнает или прослышит, куда следует прибыть для выступления в военный поход, — не смел бы оставаться дома, ссылаясь на какие-либо задержки и отговорки, мешающие выступить в поход, но чтобы в установленных местах и в установленное время, согласно приказу правителя или напоминанию герцога, графа, тиуфада, наместника (*vicarii*) или кого-либо иного, кто об этом должен заботиться, каждый быстро выступил в указанное место и в указанное время, как это было сказано. Если же кто-либо, получив напоминание или даже не будучи уведомлен, но каким-нибудь образом сам об этом узнавши, не захочет тотчас же выступить и не примет мер к тому, чтобы быть готовым к выступлению в указанном месте и в указанное время, если это особа высокого звания, то-есть герцог, граф или даже королевский дружинник (*гардинг*), то он должен быть лишен всего своего личного имущества и отправлен в изгнание королевским приказом, причем его имущество передается в неограниченную власть королевского величества, которое может распоряжаться им по своему полному усмотрению. А лица низшего звания, т. е. тиуфады и всякие сборщики войска, а равно и те, которые собираются, если они замедлят явиться в войско или же в указанное место и в указанное время совсем не явятся, или же пренебрегут своей обязанностью отправиться в походы, или же, сославшись на какой-нибудь ложный и хитрый предлог, уйдут из войска, отправившегося в поход для общего блага, и вернутся домой, то им не только следует дать двести ударов плетью, но следует их также обезобразить, позорно обрив им голову, и сверх того их сле-

дует принудить к уплате одного фунта золота, каковая сумма останется в распоряжении того, кому она будет щедро дана по приказу королевской власти. Если же человек не имеет средств для уплаты этой суммы, то королевская власть имеет право обратить нарушителя этого закона в вечное рабство, причем все его имущество передается в полную власть и в неограниченное распоряжение короля.

Мы объявляем невинными в нарушении этого закона только тех, которым помешали выполнить его либо малолетство, либо дряхлая старость, либо же какая-нибудь тяжкая болезнь. Если же человек сможет доказать при помощи законного свидетеля, что он, будучи отягчен болезнью, не был в состоянии выступить в поход вследствие болезненной слабости, то все же такой человек, хотя и отягченный болезнью, должен, согласно постановлению этого закона, без промедления отправить всю свою дружину с герцогом или графом для выполнения общепольного дела. Теперь же, — так как мы уже сказали об общем выступлении в поход, — нам остается лишь установить порядок выступления дружины или войск. И этим специальным декретом мы постановляем, чтобы каждый человек, будь то герцог, граф или королевский дружинник (гардинг), гот или римлянин, свободнорожденный или даже отпущенник, или кто-либо из государственных слуг, которые должны отправиться в войско, отправившись в поход, привел бы вместе с собой десятую часть своих рабов. И эта десятая часть рабов должна явиться не безоружной, но снабженной различными видами оружия, так чтобы оружие имел каждый из тех, которые будут приведены в войско, причем некоторая часть должна быть снабжена панцырями (zabis), или кольчугами, а большинство щитами, обоюдоострыми мечами, широкими мечами (scramins), копьями, стрелами, пращами и иным оружием, которое каждый недавно получил от своего сеньера или господина. И следует заботиться о том, чтобы их в таком виде представить правителю, герцогу или графу. Если же кто-нибудь явится для выступления в военный поход без этой десятой части своих рабов, то вся эта десятая часть рабов его должна быть тщательно проверена и рассчитана, причем если обнаружится, что он привел с собой для выступления в какой-либо военный поход несколько меньше этой установленной и рассчитанной десятой части рабов, то это должно быть передано во власть правителя, причем это останется во власти того, кому правитель прикажет это щедро отдать. А если кто-либо, находящийся на дворцовой службе, отправится в войско для выступления в поход таким образом, что появится на королевской службе не с полным количеством людей или не будет выполнять работу в сторожевом отряде (wardia) с остальными братьями, то пусть он знает, что будет наказан согласно постановлению этого закона, за исключением того случая, если он докажет, что болен, явно обнаружив свою болезнь. А если какой-либо воин, отправившись в тот же самый военный поход, совсем не будет следовать за своим герцогом, графом или даже своим господином, но, благодаря покровительству разных людей, устроится так, что не будет находиться в сторожевом отряде (wardia) со своим сеньером и не сделает ничего полезного для общего блага, то такое выступление в поход не должно ему вменяться в заслугу, и он должен знать, что к нему самому будет применено вышеуказанное постановление, которое установлено этим законом по отношению к лицам низшего звания.

Итак, после того как мы это установили и написали, нам теперь остается наложить узду на взяточничество тех, на которых мы возлагаем выполнение дел, имеющих целью нашу пользу. И посему пусть никакой герцог, граф, тиуфад (тысячник) или кто-либо иной, правящий над вверенными ему (commissos) народами, получив дар или по какому-либо иному случаю повинуюсь худшему желанию своему, не освобождает никого из своих подданных от участия в военном походе и не прекращает делать те напоминания, которые необходимо делать относительно выступления в поход и не перестает убеждать людей братья за оружие, якобы под тем предлогом, что он кого-либо из них уже раньше использовал в военном деле. А если кто-

либо сделает для кого-либо нечто такое по вышеуказанным причинам или какой-нибудь подарок получит, или же сам от кого-нибудь что-либо потребует и если это будет человек из первых лиц дворца, то пусть он в четверном размере вернет ту сумму, которую он взял у этого человека, и пусть он знает, что королю он должен уплатить фунт золота лишь за то, что он нечто взял в свою пользу. А лица низшего звания, лишенные почести и достоинства свободного рождения, должны быть отданы во власть короля, который может сделать с ними и с их имуществом все, что он пожелает.

Вместо 12—23 строк страницы 439-й в позднейших кодексах мы находим следующий текст:

«А если он не имеет средств для уплаты этой суммы, то королевская власть может обратить нарушителя этого постановления в вечное рабство, а также уступить этого обращенного в рабство человека или подарить его и отчужденное от него имущество тому, кому пожелает, с тем, однако, условием, чтобы этот нарушитель по какому-либо снисхождению не был возвращен даже в самое низкое состояние свободы и не вернул себе своего имущества каким-нибудь образом, не восстановив своих прав. Так что если хозяин этого имущества, то-есть тот самый человек, который получил данное ему имущество нарушителя этого закона, будет обвинен в каком-либо преступлении и будет обращен в прежнее состояние, то само имущество снова вернется во власть правителя, и пусть, в качестве неотменяемого постановления, существует правило, чтобы в том случае, когда человек, который раньше получил это имущество, больше не заслуживает того, чтобы им владеть, оно было передано другим верным людям. Только пусть оно не переходит во власть того, кто отправился в поход с запозданием и был посему лишен достоинства и имущества. И пусть признаются виновными в нарушении только этого постановления все те герцоги и старшие лица дворца, которые явились нарушителями вышеприведенного постановления. Такого же осуждения заслуживают и те, которые бежали от войны или относительно которых было обнаружено, что они во время военного похода поспешно ушли в иное место без разрешения своего сеньера. Однако, во время этого похода следует выполнять относительно как более значительных, так и менее значительных лиц следующее: если кто-либо, находясь в тяжелом болезненном состоянии, совершенно не имеет никаких сил для того, чтобы отправиться в поход, то пусть он тотчас же потребует, чтобы к нему пришел епископ этого места или этой местности для того, чтобы исследовать степень серьезности его болезни. И пусть он из числа епископов призовет к себе для исследования своей болезни того, на территории или в провинции которого ему случилось заболеть или задержаться или же попасть из другой территории. Ибо ему следует верить не иначе, как на основании свидетельства епископа, на территории которого была обнаружена его болезнь, причем это должно быть подтверждено его присягой или клятвой тех, которых этот епископ пошлет вместо себя в качестве инспекторов. И пусть эти епископы заботятся о том, чтобы внимательно исследовать либо лично, либо через своих заместителей эти болезни, чтобы определить, действительно ли данный человек никаким образом не может выступить в поход или же определенно может через несколько дней отправиться на войну, т. е. раньше, чем войско из указанного места выступило в поход. И на основании их определения степени болезни, их компетенции подлежит установить, должны ли больные остаться дома для поправления своего здоровья или же им следует выступить после того, как они восстановят свои силы. Таким образом, основываясь на свидетельстве данного епископа, мы, сочувствуя болезни захворавшего, предоставляем епископам право его простить, либо же, в случае симуляции болезни, его наказать, для пресечения преступления. Однако, если кто-либо будет признан настолько ослабленным болезнью, что никак не сможет отправиться в бой, то все же он должен без промедления согласно постановлению этого закона, отправить свою дружину для выполнения общепольного дела вместе с герцогом или графом своим. Если же он почувствует,

что постепенно выздоравливает, так что вскоре после этого восстановятся его силы, то пусть он тотчас же, — согласно тому, что предписывает этот закон, — со всей своей дружиной отправится туда, куда, как он об этом был уведомлен, должен был явиться, или куда, если он об этом узнал, после этого выступило войско.



Глава IV

Происхождение ленной системы

Франкское государство отличалось от всех остальных германских государств прежде всего бесконечно большей мощностью королевской власти. Хлодвиг, его сыновья и внуки были самыми необузданными деспотами. И хотя германская любовь к свободе и мужская гордость восстали против этого деспотизма, все же это движение было направлено не против королевской власти как таковой и стремилось не к низвержению династии, а лишь к тому, чтобы конституционно ограничить монархическую власть. Та большая борьба, которая связана с именами королей Брунгильды и Фредегунды, является в действительности борьбой между королевской властью и знатью, причем разрешается лишь благодаря расколу внутри династии. В Испании аристократы и церковь поставили королевскую власть в такую от себя зависимость, что они сами возводили королей на престол, в результате чего принцип наследственности исчезает. Меровингская династия, создавшая государство и представлявшая собой некое единство в своем государстве, вообще состоявшем из совершенно различных элементов — из германских и романских областей и племен, держалась, несмотря на то, что ее иногда брали под опеку. Сила противостояла силе, и это внутреннее напряжение способствовало дальнейшему развитию военной организации.

Во франкском государстве первоначально не существовало признанного дворянства. Когда Хлодвиг поставил своих графов над покоренными областями (вероятно, в большинстве случаев из среды своих дружинников, которые ему служили, будучи обязаны долгом личной верности, — из своих антрустионов¹), то это были его чиновники, командовавшие по приказу короля теми *Leudes* (люди), которые были им даны в их распоряжение. Но через сто лет после Хлодвига уже существуют такие франкские аристократы, которым Лотарь II в Парижском эдикте 614 г. — первом документе, который можно назвать «великой хартией» (*magna charta*), дает наряду с другими то обещание, что графы будут назначаться лишь из

¹ Так назывались (*antrustions*) франки, находившиеся под личным покровительством короля. — Ред.

крупных землевладельцев округа¹. Этот эдикт был наградой за участие в династической семейной войне, за решение спора и вынесение приговора, предписывавшего сыну Фредегунды казнить престарелую королеву Брунгильду, привязав ее к диким лошадям, которые должны были волочить по земле ее тело до тех пор, пока она не умрет. У вестготов королей убивали или смещали и выбирали на их место других, у франков же ограничивали их правительственную власть.

Итак, во франкском государстве образовалось сословие крупных землевладельцев, которое своим участием решало исход гражданских войн и хотело вместе с королем разделить его общественную власть. Источники не дают нам прямых указаний на то, каким образом возникло это сословие, но мы можем предположить, что его происхождение объясняется приблизительно следующим образом. В романских областях это сословие является продолжением римского сословия сенаторов, которое германизировалось,— отчасти благодаря родственным связям с германцами, которые затем становились наследниками, так как знатные римляне часто вступали в ряды духовенства, отчасти же благодаря конфискации и передаче права владения германцам. Наряду с этим король давал своим верным слугам, т. е. своим графам, большие земельные пожалования из общественного земельного фонда, а графы пользовались своей властью для того, чтобы увеличивать свои владения. В прежнем бургундском королевстве и в прежней вестготской области крупное германское землевладение появилось уже после раздела земель между римлянами и германцами. В германских областях в эту более позднюю эпоху, когда свободные франки еще не опустились до уровня зависимых людей, крупное земельное владение объясняется, очевидно, главным образом, наличием римских колонов, которые остались сидеть на земле между германцами и их литами. Затем к этому прибавились еще королевские пожалования, которые, однако, здесь,—при отсутствии таких людей, которых можно было дарить вместе с землей,—не могли иметь большого значения.

Но если это крупноземлевладельческое сословие было настолько мощным, что могло решать участь гражданских войн, разгоравшихся между соперничавшими королями, и смогло насильственно вырвать у короля Парижский эдикт, то это сословие должно было иметь в своем распоряжении военных людей. Не подлежит сомнению, что эти крупные землевладельцы уже фактически владели ими в тот момент, когда на законном основании захватили в свои руки графские

¹ Постановление эдикта гласит: «Чтобы ни один чиновник не назначался из одних провинций или областей в другие места; если он допустит какую-либо неправильность по какому-либо делу, то он должен из собственных средств согласно постановлению, этого закона, возместить то, что он неправильно взыскал». («Mon. Germ. Leg.», I, p. 14. Waitz, «D. Verf.-Gesch.», II, 377). Слово «Judex» здесь означает чиновника вообще, а также и графа. Неопределенное выражение «из одних провинций или областей» либо является просто напыщенной канцелярской фразой, либо же поставлено намеренно, имея в виду тех владельцев, которые имели оседлость в нескольких округах. Здесь нет прямых указаний на то, что на эти должности могут назначаться лишь землевладельцы, но это ясно из запрещения назначать их «из других провинций и областей», связанного с тем, что от данного лица требуется ценз собственности. Владельцы крупного движимого имущества, не имевшие земельной собственности при занятии графских должностей, почти не принимались во внимание.

должности; ведь их владения выросли главным образом из-за графской власти. Другими словами, это означает, что те графы, которых Хлодвиг поставил в качестве своих чиновников и которым он предоставил в распоряжение своих воинов, для того чтобы они ими командовали, превратились в крупных землевладельцев, имевших своих собственных воинов. Первоначально королевские воины — или большая часть этих первоначально королевских воинов — превратились в воинов частных лиц.

Благодаря тому, что в одном парижском палимпсесте¹ сохранилась часть свода закона короля Эвриха, мы имеем прямое указание на то, что у вестготов уже в V столетии существовали буккеларии, т. е. частные солдаты. Выше мы уже видели, что в более позднее время организация военного дела в этом государстве на практике превратилась в неорганизованную поставку крупными землевладельцами вооруженных рабов. Относительно франков сохранились прямые и совершенно несомненные свидетельства источников лишь из эпохи, последовавшей за временем издания Парижского эдикта, т. е. приблизительно из середины VII в. Но уже сам Парижский эдикт является достаточным указанием на то, что эти порядки существовали и раньше во франкском государстве, и притом даже в очень широком масштабе. Судя по достижениям и по успехам, мы должны предположить, что они существовали здесь в значительно более широком объеме и проводились в жизнь более энергично, чем у вестготов.

П. Рот, имеющий крупные заслуги благодаря своим трудам, пролившим свет на эти темные эпохи и отношения, предположил², что те спутники, которые под именем «мальчиков» (*puerī*) очень часто появляются в окружении меровингского аристократа, были несвободными. Действительно, в некоторых случаях они выполняют такие дела, которые заставляют считать их простыми слугами, а потому, вероятно, несвободными. Но это, конечно, еще не указывает на то, что это слово означает исключительно несвободных. Рот впал здесь в заблуждение вследствие слишком узкой постановки вопроса, а именно он спрашивает: несвободный или дружинник? Но ведь дружинник является для него знатным человеком; между дружинником и несвободным, как мы уже обнаружили, стоит простой солдат, буккеларий вестготов, который хотя и находится в зависимости, но все же свободен. Я думаю, что не будет слишком смелым предположить, что *puerī*, которых мы находим в книгах Григория Турского и вообще в эпоху Меровингов, являются здесь тем же самым, чем были «*παῖδες*» (дети) у Агация, а именно немецкие «*Degen*» (дети, ребята). Они стояли в социальном отношении столь низко, что даже настоящие несвободные могли обозначаться тем же словом, но в государственно-правовом отношении они принадлежали к числу свободных и лишь добровольно принимали на себя обязательства к своему господину и ему подчинились. Точно так же на тысячу лет позднее слово «*Knecht*» обозначало и крепостного холопа, и солдата, который в качестве свободного наемника мог поступать на службу туда,

¹ Свиток пергамента, с которого когда-то был смыт первоначальный текст и который затем из экономии был вторично исписан. Впоследствии удавалось химическим или фотографическим путем восстановить прежний текст и, таким образом, раскрыть много ценных исторических документов. — Ред.

² «*Gesch. d. Benef. Wesens.*», S. 153.

куда он хотел. Разве мыслимо, что меровингские графы и герцоги, которые хотели иметь вокруг себя воинов и которые требовали от них наивысшей храбрости, брали себе в качестве таковых лишь не-свободных, несмотря на то, что к их услугам были храбрейшие и жадно стремившиеся к деятельности свободные люди? Тот, кто хотел собрать вокруг себя неустрашимых бойцов, редко смог бы найти среди рабов соответствующий материал. Если наши источники и не дают нам совершенно положительных и неоспоримых указаний на то, имели ли франкские аристократы VI столетия вокруг себя «свободных детей» (*freie Degen*), то ведь не доказано и обратное. А ведь природа вещей требует того, чтобы такие люди, как франкские графы, которые окружали себя боеспособной свитой и вполне естественно находили себе для этой цели кандидатов среди своих соплеменников, не пользовались для этого одними лишь рабами. То обстоятельство, что мы в области государственно-правовых отношений не находим никаких ссылок на указанный факт, объясняется просто тем, что это были чисто частные отношения, которые не причиняли никакого ущерба самодержавному праву короля и обязанностям подданного.

Помимо «мальчиков» (*pueri*), в окружении франкского аристократа мы находим еще «друзей», «равных», «спутников» (*amici, pares, gasindi, satellites*). Все эти неясные и очень спорные термины не дают нам возможности установить, что именно под ними скрывается. Хотя несомненно, что отчасти мы здесь имеем дело со свободными, но все же возможно, что, как это думает Рот (стр. 157), под этими терминами следует понимать отношения защиты по типу клиентелы¹. Теперь, после того как мы уже установили, что военные люди должны были находиться в свите франкского аристократа, нельзя не прийти к тому выводу, что эти названия (хотя и не исключительно, так как это не техническое выражение, но лишь отчасти) обозначают военную дружину — людей, стоящих на более высоком общественном уровне, чем «дети» (*pueri*)².

Когда германские короли, будь то Хлодвиг или Теодорих, ставили графов над областями своего государства, то вполне естественно, что эти графы брали с собой не только простых, несвободных слуг или грубых парней из народа, но также некоторых надежных и испытанных товарищей, обеспечивая себе их верность личной клятвой, как это было в обычае у народа.

Не может подлежать никакому сомнению, что, согласно германскому правовому воззрению, свободный человек мог брать на себя обязательство верности по отношению к другому человеку, становясь тем самым его дружинником. Конечно, древним германцам были чужды такие государственно-правовые представления, которые заключались в том, что лишь князь имеет право держать дружину. Действительно, на практике только очень высоко стоящий и очень состоятельный человек мог иметь дружинников, которые являлись его сотрапезниками и которых он должен был кормить. А теперь такое положение

¹ В древнеримском быту клиентами назывались неполноправные в юридическом смысле лица, пользовавшиеся покровительством какого-либо «патрона» — патриция. — Р е д.

² Я в основном занимаю в этом вопросе такую же позицию, как и Бруннер в своей «Истории германского права», который, впрочем, слишком резко подчеркивает несвободное положение *pueri*.

занимали очень многие крупные владельцы и графы. Поэтому этих «amici», «pares», «gasindi», которые упоминаются в источниках, мы можем с полным правом назвать дружинниками графов или иных знатных людей. Хотя это первоначально и не было отношением, закрепленным публичным правом, но все же оно было проникнуто тем самым духом, что и древняя дружинная система. Но те отряды, о которых теперь идет речь, слишком велики, чтобы вместиться в понятие древней дружины. Мы не знаем, применялись ли также и в этом отношении сохранившиеся обязательства верности дружинников, а если это было так, то с таким расширением были связаны и некоторые изменения, так что вопрос о том, идет ли здесь речь о дружине, сам собою снимается. Достаточно того, что были воины, которые брали на себя обязательства верности по отношению к человеку, не бывшему королем, и что это более или менее происходило в формах древней дружины.

Существование подобных воинов засвидетельствовано в источниках, начиная с середины VII столетия. Но сама природа вещей и Парижский эдикт властно указывают на то, что, как мы уже видели, они существовали в таком виде гораздо раньше.

Слово «вассал» получило у нас права гражданства в качестве технического термина, обозначающего воина, который вступает в ряды войска не в силу призыва, исходящего от государственной власти, а вследствие особого обязательства. Это слово кельтского происхождения и означает «человек», «муж» а, следовательно, передает то понятие, которое в латинских источниках выражается словом «homo» (человек), а в германских — словом «Leudes» (люди). И лишь случайно это слово, имеющее кельтский корень, получило такое специфическое значение.

В наших древнейших источниках слово «vassus» (вассал) еще не имеет того значения, которое мы вкладываем в это слово теперь, но обозначает несвободного слугу. Свой позднейший смысл, который сохранился вплоть до настоящего времени, слово «вассал» получило благодаря некоторому странствию, как это, впрочем, можно заметить и в некоторых других случаях. У баварцев это слово было иностранным и не имело того особого оттенка, который указывал бы на то, что оно обозначает, собственно говоря, несвободного человека. Оно укрепилось также и по отношению к знатым лицам, а затем в этом новом значении оно опять перешло через Рейн при Карле Великом¹.

В интересах более краткой и не дающей повода к недоразумениям терминологии мы будем в дальнейшем называть то военное сословие, которое непосредственно призывалось меровингскими королями, словом «Leudes», а то, которое призывалось крупными землевладельцами и которое древнейшие вестготы называли буккелариями, словом «вассалы». Такое резкое разграничение этих двух выражений не засвидетельствовано источниками. Лишь со второй половины VIII столетия, при Карле Великом и Людовике Благочестивом, постепенно укрепляется обозначение «вассал» в привычном для нас смысле свободного человека, подчиненного другому человеку. А выражение «Leudes» (люди) употребляется² в источниках обозначения воинов не только короля, но и знатных людей и отмирает лишь в VIII сто-

¹ Dippe, «Gefolgschaft und Huldigung im Reiche der Merowinger», S. 44.

² Примеры приведены у Dippe, S. 18.

летию. Между ними стоит еще целый ряд таких терминов, как «amici», «gasindi», «ingenui in obsequio», «rueri» «satellites» etc. (друзья, челядь, свободнорожденные дружинники, мальчики, спутники и т. д.). Таким образом, это противопоставление следует понимать как некоторое упрощение, причем термин «вассалитет» я отношу к более раннему времени, а понятие «Leudes» (люди) ограничиваю.

Господин вассала носит название «senior» (старый), откуда и произошло французское слово «seigneur». Источники не дают нам прямых указаний на то, когда именно призывы вассалов начали принимать более широкое распространение. Конечно, сперва они были очень незначительными, но уже Парижский эдикт не оставляет никаких сомнений в том, что во время гражданских войн, окончившихся казнью королевы Брунгильды (613 г.), решающим моментом явились не призывные контингенты древних Leudes (людей), но именно вассалы. Каким образом это произошло?

Тактика этого времени нам показала, что эта эпоха требовала и вызвала к жизни высококачественных воинов. Это был единственный тип воина, который был способен к дальнейшему существованию и к дальнейшей жизни в условиях германо-романского государства.

Чрезвычайно важно уяснить себе это обстоятельство. Как ни сильна была меровингская королевская власть, она все же была неспособна вернуться к военной системе римских императоров первых двух столетий. Новые неграмотные владыки государства не были в состоянии организовать бюрократическое управление с соответствующей денежной отчетностью. Сами франки не подчинились бы дисциплине, да и вообще на почве натурального хозяйства не могло существовать дисциплинированного войска, которому выплачивалось бы жалованье из налоговых поступлений. Народное ополчение, созванное при помощи призыва, в военном отношении не представляет собой ценности. На этой почве военная организация может существовать лишь в форме особого военного сословия, и эта организация в развитом государстве не может быть бюрократической, но должна стать феодальной.

Господин, ведущий на войну в собственных интересах своих людей, вооруженных его оружием, сидящих на его лошадях и снаряженных на его средства, будет иметь совершенно иных воинов, чем граф, который, будучи послан от королевского двора в округ, чтобы управлять им в течение более или менее продолжительного времени, снаряжает людей на общественные средства. Второй не сможет сделать того, что сделает первый, даже в том случае, если он будет одушевлен самыми лучшими стремлениями. Если же он не проявит такого рода стремлений и полного самопожертвования, но будет при этом так или иначе соблюдать свои собственные интересы, если он не будет с максимальной внимательностью выбирать и формировать своих воинов и держать в порядке коней и оружие; если он не будет заботиться о войске, не жалея никаких расходов, но будет тщательно экономить, то его ополчение заслужит вскоре одни лишь насмешки. Никакой контроль не может заставить его лучше выполнять свои обязанности, ибо как натуральное хозяйство, так и военные качества можно контролировать сверху лишь самым поверхностным образом, если только они вообще поддаются контролю. При помощи инспекций можно признать удовлетворительным состояние обученного строю

войска или налоговой кассы, но лишь только войско выступает в поход, как все дальнейшее уже переходит в руки войскового управления и руководства. Только во время похода можно было видеть, на что было способно при потомках Хлодвига франкское войско, в котором все зависело от личной храбрости отдельного воина и принесенного им с собой оружия. Византийская империя по технике управления и организации стояла, конечно, гораздо выше меровингского королевства, и все же Византия, как мы видели, прибегла к вспомогательному средству, которое заключалось в поставке войск при помощи кондотьеров. Крупный франкский землевладелец, идущий в поход вместе со своими вассалами, является чем-то вроде такого кондотьера, — так сказать, постоянным кондотьером. Он содержит воинов и организует военное дело не только во время войны, но и в мирное время.

До сих пор все это развивалось совершенно так же, как мы это видели в вестготском государстве. Но в этом государстве мы не обнаружили того факта, что из буцкелариюв развился, наконец, новый вид пригодной военной организации. Это произошло лишь в государстве франков благодаря присоединению нового элемента, который закрепил за вассалами их военный характер и принудил их сохранить свои профессиональные свойства.

Этим новым средством явилась ленная система.

Мы видели, что уже при расселении бургундов то крупное владение, которое жаловалось королем, хотя и давалось в наследственную собственность, но все же с некоторыми оговорками и ограничениями. Какие бы правовые установления ни послужили в данном случае прообразами и исходными точками, достаточно того, что у франков развился порядок передачи поместий воинам за военную службу не в качестве наследственной собственности, но с той оговоркой, что поместье возвращается как в случае смерти пожаловавшего, так и в случае смерти пожалованного. Наследник в случае смерти пожаловавшего мог снова пожаловать это же имение его прежнему владельцу, если последний брал на себя обязательство верности и военной службы. Господин в случае смерти пожалованного мог передать поместье семье умершего, если в ее составе имелся налицо человек, который хотел бы и был бы в состоянии дать клятву верности и в случае необходимости идти на войну. Если же этих предпосылок не было налицо, то владелец поместья брал назад свою собственность. Следовательно, передача лена была средством, при помощи которого господин снабжал своих вассалов, не выпуская в то же время из своих рук своей собственности, что давало ему, однако, возможность иметь в своем распоряжении воинов не только в течение одного поколения, но длительно оседлых и все же от него зависящих.

Вассалитет и ленная система являются двумя государственно-правовыми установлениями, которые могут сами по себе и не совпадать. Человек может поступить в качестве вассала на службу к сеньеру, не получив от него лена, и в то же время можно было получить лен, не будучи вассалом. Всемирно-историческое значение имеет лишь соединение этих двух понятий, которые вместе образуют феодальную систему.

Можно предположить, что в ту эпоху, когда в течение длительного времени существовали напряженные отношения как между отдельными меровингскими королями, так и между королями и магнатами,

во франкском государстве непрерывно ощущалась очень сильная потребность в военной силе. И когда первоначальный состав воинов времени основания государства превратился в крестьян, то это дало толчок к тому, чтобы сохранить или заново создать военное сословие в лице вассалов и подвести под вассалитет широкую длительную основу посредством земельных пожалований до смерти сеньера или ленника.

Вассалитет в соединении с ленной системой не только был формой, дававшей возможность землевладельцу держать военных слуг, но именно такой формой, которая была чрезвычайно удобна, чтобы создавать различным образом более крупные организации. Очень большие семьи, как, например, семья Пипинидов или Арнульфingов, или же объединение этих семей, совершившееся благодаря браку Анзегизеля с Беггой, были не в состоянии сами непосредственно управлять своими владениями, выходявшими за пределы многих округов, а мы уже видели, как важен был глаз господина при системе вассалитетной военной организации. Для того чтобы выйти из этого затруднения, стали пользоваться представившеюся возможностью передавать в качестве лена крупные части больших владений с тем, чтобы путем дробления такого крупного лена на вторичные, зависящие от него лены поставлялось большее число воинов.

Но крупные землевладельцы, кроме того, чувствовали также потребность тесно сплотиться вместе, чтобы успешно окончить борьбу с королевской властью за форму государственного строя. Самой прочной и самой надежной формой такого объединения крупной аристократии была та клятва верности, которую вассалы давали своему предводителю. В этом отношении даже шли дальше: владельцы дарили свое поместье господину, чтобы получить его обратно в качестве лена. Правда, при этом исчезала одна существенная отличительная черта лена, так как в таком случае владельцы удерживали за собой право наследственной передачи лена, однако, все же оставалась возможность отнятия лена при нарушении верности. Таким образом, этот правовой акт заключал в себе передачу залога для сохранения вассальной верности. В таких случаях сеньер часто добавлял к этому лен из своего собственного владения.

Крупнейшим землевладельцем в Средние века была церковь, а так как теперь военная сила стала находиться в зависимости от землевладения, то церковь — в интересах своего могущества, своей безопасности и, наконец, в общих интересах — не могла удержаться от выделения ленов, для того чтобы держать на них своих вассалов. Уже в VI в. появляются два епископа, два брата — Салоний и Сапиттарий, которые отправляются в поход и лично участвуют в сражениях. Это очень огорчает благочестивого Григория Турского (IV, 42; V, 21). В VII в. епископы уже имеют собственные военные отряды, которые они отправляют на войну. В начале VIII в. мы находим епископов в качестве личных предводителей, что вскоре затем закрепляется публичным правом.

Наглядную картину военного похода сеньера со своими вассалами рисует нам письменное извещение о военном призыве Карла Великого, случайно сохранившееся до наших дней. Хотя это послание и относится к значительно более позднему времени, чем то, которое мы здесь изучаем, — именно к 804—811 гг., — но такие послания и предписания, без сомнения, писались и имели силу в течение всего предшествовав-

шего времени. Поэтому, изучая в данном случае сущность ленного призыва, мы можем привести здесь это послание. Оно адресовано некоему аббату Фульраду, — вероятно, из Сен-Кантэн в Северной Франции¹.

Аббату сообщается, что государственное собрание будет в этом году иметь место в Штасфурте на Боде, в Восточной Саксонии. Туда 16 июня должен прибыть аббат со всеми своими хорошо вооруженными и снаряженными людьми (*hominibus*) и быть готовым отправиться в поход туда, куда будет решено. Каждый всадник должен иметь при себе щит, копье, меч, кинжал, лук и колчан со стрелами. На повозках должны находиться топоры, секиры, буравы, кирки, мотыги, лопаты, — одним словом, все те инструменты, которые необходимы во время войны. Взятого с собой продовольствия должно от Штасфурта хватить еще на три месяца, а оружия и одежды — на полгода. Отряды должны мирно проходить через страну и ничего не брать, кроме зеленого фуража, дров и воды. Господа должны находиться при повозках и всадниках, для того чтобы не произошло какой-нибудь несправедливости.

Мы должны несколько остановиться на предписании, гласящем, что аббат должен иметь с собой продовольствие на три месяца. Так как он должен был прибыть в Штасфурт с запасом продуктов на три месяца и так как ему до Штасфурта надо было сделать сто миль пути, то он должен был выступить в поход с запасом продовольствия, рассчитанным более чем на четыре месяца. В одной капитуляции 811 г. устанавливается, что те, которые приходят с той стороны Луары, могут считать свой трехмесячный запас, начиная от Рейна, а те, которые приходят с этой стороны Рейна, — начиная от Эльбы. Если отправляются в поход в Испанию, то зарейнские жители могут считать от Луары, а живущие по ту сторону Луары — от Пиренеев. Таким образом, при выступлении в поход нужно в большинстве случаев брать запас продуктов на четыре месяца. Из источников не видно, каким образом рассчитывались продукты на обратный путь. Если во время самой войны не было взято большой добычи, то поход не должен был длиться более двух месяцев, для того чтобы трехмесячного запаса хватило на обратный путь для тех отрядов, которые пришли из более отдаленных мест.

Современная продовольственная дача мужчины составляет в сутки (за исключением картофеля и риса):

1½ фунта хлеба	750 г
копченого мяса	250 „
стручковых овощей или муки	250 „
соли	25 „
кофе	25 „
Итого	1300 г

Если мы выкинем кофе и примем во внимание, что зерно весит на ¼ менее соответствующего количества хлеба, то такая дневная порция весит приблизительно 1100 г. Свежего мяса дается наполовину больше, чем копченого, т. е. 375 г. Римский солдат получал на 16 дней

¹ По тексту, напечатанному у Boretius, «Beiträge zur Kapitularienkritik», S. 154.

приблизительно 15 кг пшеницы. Франки могли еще брать с собой сушеные фрукты, лук, репу и т. п.¹, но их снабжение отличалось от римского, главным образом, тем, что они привыкли к гораздо более значительному мясному питанию и брали вместе с собой в поход порционный скот. Если мы предположим, что вес римской суточной дачи продовольствия равнялся 2½ фунтам, так как к 2 фунтам зерна и соли должно было добавляться и еще кое-что, то германская норма, кроме свежего мяса, должна была весить не более 1½ фунтов, что дает на четыре месяца приблизительно на круг 180 фунтов. Если мы к этому добавим тот багаж и те инструменты, которые, помимо того, каждый человек имеет на телеге, и если положим на каждое упряжное животное, коня и быка, по 4 ц чистого веса², то в таком случае (так как следует считать также и прокорм возницы) одной такой повозки едва хватит на трех человек. Если аббат Фульрад вел с собой 100 воинов, то ему нужно было иметь для них около 15 четверочных или более 30 парных повозок. Эти вассалы, конечно, ничего не несли на своей спине. Скорее мы можем предположить, что они часто везли вместе с собой в поход женщину или мальчика, не только для своего удовольствия, но также и для того, чтобы иметь уход в случае болезни или ранения. Сам аббат был знатным человеком, который имел большие претензии, и в его свите многие также имели при себе как собственных конюхов, так и личных слуг, так что весь отряд насчитывал при 100 воинах, конечно, двойное количество людей. Но так как германская жажда требовала еще соответствующего количества бочек, то весь отряд не мог обойтись меньше чем 40—50 тяжело нагруженными повозками, запряженными парами или четверками. Хотя повозки постепенно пустели, однако, очень немногие из них с пути отправлялись домой, так как во время долгого пути и военного похода, когда большие массы людей сталкивались одна с другой и ежедневно спорили из-за фуража и воды, происходила такая большая убыль в животных и в повозках, не говоря уже о собственно военных потерях, что необходимо было иметь постоянный фонд для замены. Так как мясной скот во время похода не мог быть особенно откормленным, то на 200 человек мы должны считать в неделю 3 головы, следовательно, на четыре месяца гурт в 50 голов.

Теперь следует ответить на вопрос, можно ли понизить это количество продовольствия за счет возможного пополнения продовольственных запасов во время пути? Благодаря рейнскому водному пути и его притокам, было бы, например, нетрудно во всех тех главных местах, где совершались переправы,—как то: в Страсбурге, Майнце, Кельне и Дуисбурге,—соорудить склады для всех прибывавших с запада отрядов. Но об этом мы никогда не слышали, так как это было бы делом центрального правительства, а ведь каждый отдель-

¹ Согласно Хейму, слово «räuchern» (коптить)—общегерманское слово (М. Нейм, «Das deutsche Nahrungswesen, S. 295). Следовательно, этот способ предохранения мяса от порчи является исконно древним. Хотя Помпоний Мела и пишет, что в Германии мясо ели сырым, однако, Хейм полагает, что эти слова могут относиться к копченому мясу. Искусственный способ заготавливания впрок капусты и овощей, согласно Хейму (S. 327), не является местным обычаем. Слово «Sauerkraut» (кислая, квашеная капуста) появилось довольно поздно. Однако, не исключена возможность того, что аббат Фульрад уже знал, что такое кислая капуста, и даже брал ее с собой в поход.

² Ср. ниже экскурс «Снабжение и обоз».

ный отряд должен был сам заботиться о своем снабжении. Если бы аббат Фульрад захотел пополнить свои запасы на каком-нибудь складочном пункте, то он должен был бы за это платить наличными и, следовательно, должен был бы взимать со своих крестьян очень большие денежные подати. Но крестьяне не могли бы их уплачивать, а потому не оставалось ничего другого, как брать вместе с собой даже на большие расстояния собственные запасы на собственных телегах¹.

Следует отметить, что при наших расчетах мы совершенно не принимали во внимание фуража для лошадей. Фуражная дача для лошадей по современным нормам составляет от 5 до 5,65 кг овса, 1,50 кг сена и 1,75 кг соломы²; следовательно, одна лошадь, считая лишь овес, поедает в 6 недель больше того, сколько она может свезти³. Таким образом, при более или менее далеком походе совершенно нельзя было брать с собой фураж для верховых лошадей и особенно для упряжного скота. А так как в пути едва ли что-нибудь можно было купить и ничего нельзя было взять с собой, то весь скот оставался исключительно на зеленом корму и, в соответствии с этим, обладал лишь очень незначительной грузоподъемностью и скоростью движения.

Если на отряд сеньера, состоявший из 100 воинов, приходилось около 50 телег и повозок, то количество необходимых для этого отряда животных, считая здесь также и всех верховых лошадей, должно было быть гораздо больше количества людей и значительно более чем в два раза превышать число воинов. Этот расчет останется правильным даже в том случае, если мы примем, что мясным скотом были отчасти те быки, которые сперва тащили телеги, а затем, когда телеги пустели и ломались, уже становились излишними.

Военный поход на далекое расстояние был в эпоху натурального хозяйства большим делом и большой тяготой. Даже если Сен-кантэнский монастырь был очень богатым, то аббат Фульрад для похода в Саксонию выставил, наверное, гораздо меньше, чем 100 воинов.

Теперь я попрошу читателя бросить последний благосклонный прощальный взгляд на ту ученую теорию, которая заставляет франкского графа выступать в поход то на этой, то на другой границе во главе всех крестьян своего округа или даже всех боеспособных мужчин, от тюрингов и вплоть до гасконцев, снаряженных на собственный счет и с собственным вооружением.

Франкское государство состояло из германских и романских областей. Когда Хлодвиг сковал эти различные страны в одно государство, то нельзя было себе представить двух более различных социальных структур. Здесь были роды, состоявшие из равных и свободных воинов со слабым крестьянским оттенком, там же было небольшое количество крупных землевладельцев, большое количество крепостных крестьян и горожане. И разве не удивительно, что в течение нескольких поколений и тут и там общественные надстройки стали совершенно одинаковыми? Наука должна была бы, собственно говоря, уже

¹ Примечание к 2-му изданию. Таким образом, я не только не признавал возможности существования складочных пунктов на Рейне и не только не имел фактических доказательств этого, как это полагает Эрбен («Hist. Z.», 101, 329), но я резко и ясно оспаривал возможность существования такого рода складов.

² Bronsart, «Dienst des Gen. Stabes». S. 414, 2 Auflage. Теперь она еще больше.

³ Следует оговориться—при тогдашних условиях. Современная обозная лошадь по современной дороге поднимает больше чем в два раза.

давно поставить вопрос о том, почему между романскими и германскими франками не заметно более или менее крупных различий? Но уже ставя здесь этот вопрос, мы тем самым даем на него ответ. В гражданских войнах Австразия оказывается самой сильной. Это можно было бы объяснить ее преобладающе германским характером, но если бы это обстоятельство исчерпывало ответ, то перевес Австразии должен был бы быть еще гораздо более значительным. В таком случае следовало бы, собственно говоря, спросить, каким образом Нейстрия, Аквитания или Бургундия могли вообще бороться с Австразией? Но они так много и так долго боролись друг с другом, что, очевидно, между ними должна была быть лишь очень небольшая разница в силе. Причиной этого является то, что даже те франки, которые остались жить на своих прежних местах, как только были включены в состав большого государства, очень скоро начали терять свой военный характер и становиться крестьянами. Новая организация военного дела, безусловно, не вязалась со всеобщим выступлением воинов, но требовала выбора и разделения. Если над уже давно невоенственными кельтско-романскими крестьянами и горожанами возвысилось военное сословие, которое существенным образом пополнялось переселившимися франками, то точно таким же образом дифференцировались древнефранкские области. Короли и графы больше не допускали древних массовых грабительских походов. Они призывали на войну из каждой сотни лишь столько людей, сколько можно было регулярно снабжать, а это количество было очень небольшим. Германцы довольно долго противились этому, но в конце концов они были подавлены и попали в зависимость от своих прежних товарищей, которые оставались воинами, причем эта зависимость была, может быть, еще более тяжелой, чем зависимость романских коленов.

Франкское государство было основано в форме бюрократического чиновничьего государства со всеобщей воинской повинностью, которая на практике ограничивалась одним сословием воинов. Это военное сословие могло развиваться дальше лишь в качестве сословия вассалов класса крупных землевладельцев. Этот класс, прикрепивший к себе воинов благодаря ленной системе, завладевает военной силой и захватывает таким путем административные должности и графскую власть, а вскоре затем и центральное управление, должность палатных мэров (майордомов), которую, говоря современным языком, можно было бы назвать министерской. Меровингское королевство продолжает существовать, но уже под опекой вождей новой аристократии. Эти руководящие семьи, появляющиеся и поднимающиеся в отдельных государствах — в Австразии, в Нейстрии, в Бургундии, в течение некоторого времени борются между собой, пока одна из них не подавляет одну часть и не соединяется при помощи брачных уз с другой частью, снова создав, таким образом, для центрального массива государства единую власть, хотя пограничные страны — Бавария и Аквитания — все еще удерживают свою самостоятельность.

Феодализация военного дела в государстве франков произошла путем очень медленного и постепенного развития, так что ее очень трудно подразделить на периоды. Уже очень рано, вскоре после основания государства, мы видим одновременное существование принципа всеобщей воинской повинности и практики призыва буккелариев или вассалов. Но, несмотря на то, что эта практика сохраняет свое преобладающее положение, прочно и надолго укрепляется при помощи

ленной системы и, наконец, фиксируется в государственно-правовом отношении, все же это ни в какой мере не отменяет принципа, т. е. королевского права всеобщего призыва. В течение долгого времени оба эти факта будут существовать один наряду с другим, и еще в следующем томе нам придется говорить об этом противоречии.

Новое сословие вассалов является измененной формой древнего военного сословия *Leudes* (людей), с тем, однако, различием, что *Leudes* были военным сословием, которое призывалось непосредственно королем, а вассалы были подчиненными и верными людьми своих сеньеров — землевладельцев. И как *Leudes* (люди) были франкским народом, превратившимся в военное сословие, в которое, однако, не был закрыт доступ романским элементам, так и в дальнейшем вассалы были таким сословием, в котором главным образом, но не исключительно, текла германская кровь.

Франки, расселившиеся среди романцев, без сомнения очень скоро научились латинскому языку, — не литературной латыни, но народной, из которой затем возник французский язык, — однако, при этом они очень долго сохраняли свой германский язык. Еще в 698 г. на похоронах святого Ансберта в Руане, как это отмечают источники, оплакивавшие выражали свое горе на различных, прерывавших друг друга языках¹. Первым надежным свидетельством того, что западные франки уже не понимали германского языка, является та клятва, которую Людвиг Германский дал в 842 г. своему брату Карлу в Страсбурге и которую он произнес на романском языке, дабы воины его брата могли понять его. Первым вестфранкским королем, который не понимал германского языка, был Гуго Капет².

В Италии, где господствовали сходные условия, на юге лангобардский язык был вытеснен итальянским лишь во второй половине X в., а на севере еще не исчез даже около 1000 г.³ Таким образом, германские культурные элементы продержались среди романских от 300 до 400 лет. Это оказалось возможным благодаря тому, что воины образовали сословие, которое держалось сплоченно, и потому брали себе жен, главным образом, из собственной среды. Романцы, вступавшие в это сословие, германизовались. Мы видим, как во Франции знатные романцы не только часто принимали германские имена, но перенимали также и германские обычаи, одежду, обычай постоянно носить при себе оружие, военные распри, кровавую месть, питье пива⁴. Двор и аристократия сохраняли свой германский характер и лишь очень слабо приобщались к литературно-римской образованности. Умевшие читать находились на службе у церкви, но не у государства.

¹ Roth, «Ben.-Wes.», S. 99. Anm. 224.

² Petit de Juleville, «Histoire de la littér. française», vol. 1, p. 67. В середине IX столетия аббат Луп из Феррьер в Гатинэ послал своего племянника в Прюм, для того чтобы он там научился немецкому языку. Следовательно, у себя на родине этого уже нельзя было сделать; однако, все же считалось целесообразным знать этот язык.

³ W. Bruckner, «Die Sprache der Langobarden». Strassburg, 1895.

⁴ Roth, «Ben.-Wes.», S. 98, S. 100, S. 101. В одном списке имен монахов Сен-Дени, составленном в 838 г., из 130 имен лишь 18 имен не немецкого происхождения, причем в большинстве случаев эти последние имена являются библейскими. Даже в самой южной части Галлии в IX в. в подавляющем большинстве случаев встречаются немецкие имена. То же самое обнаруживается в именных списках поминальника одной Парижской церкви конца IX в., напечатанных Léopold Delisle. *Mém. de l'Institut de France*, vol. 32, p. 372, 1886.

Насколько иным был теперь мир и как он отличался от того, который был 300—400 лет тому назад, когда все гражданство одного и единого культурного мира жило мирно и спокойно, платило налоги, что давало возможность содержать на вербованную армию, которая, будучи организована в крепко дисциплинированные легионы и расположена на границах, защищала и охраняла со всех сторон государство от варваров! Римская культура не могла сама по себе создать военного сословия *Leudes* и вассалов. Такого военного духа уже не было более в породском обществе и в цивилизованном мире. Только применение дисциплины давало возможность организовать и выставить римское войско. Германские природные воины, наслоившиеся на умиравшую римскую культуру, создали свое собственное и самодовлеющее военное сословие, которое продолжало существовать благодаря своему собственному военному духу.

Прокопий пишет (IV, 30), что перед сражением при Тагинэ римский полководец обратился с такого рода речью к своим войскам:

«Вы идете в бой как защитники хорошо устроенного государства, а ваши враги являются разрушителями, которые даже не имеют никакой надежды на то, что им удастся увидеть, как их дело будет жить в их потомках. Наоборот, они влачат свою жизнь и строят свои планы лишь со дня на день».

Эти слова в высшей степени знаменательны! Хотя самая речь, конечно, вымыслена, но все же подобная мысль уже не была совершенно непонятна даже для лангобардов, герулов и гепидов, находившихся в войске Нарсеса. Они испытывали удовольствие, попирая своими ногами культуру и в то же время ею обогащаясь, но вместе с тем в них еще слишком сильно было чувство их собственного варварства, для того чтобы они могли создать новую культурную форму. А какая судьба постигла создания Гейзериха и Теодориха?

Но и Римская империя со своими варварскими солдатами не смогла удержаться. В конце концов, попадая из одного кризиса в другой, из смешения римских и германских элементов создавался новый своеобразный государственный строй. Древний мир продолжал жить в церкви, а государство сохраняло свою способность к дальнейшей жизни и к развитию в форме феодального строя, который, главным образом, вырос из германских корней.

В это время арабы, опрокинув вестготское государство, перешли через Пиренеи, стремясь покорить себе также и франков.

В то же время ислам теснил Константинополь, который он только что подверг тяжелой осаде, Италия находилась под сильной угрозой, и всадники пророка уже появились на Луаре, а по ту сторону Рейна вновь восстанавливалось язычество. Христианство и римско-германский мир удерживались, можно сказать, лишь на одном узком краю. Во всей всемирной истории не было такого сражения, которое было бы важнее сражения при Туре, когда Карл Мартелл остановил и отбросил назад арабов. Мы ничего не знаем о ходе этого сражения, но можем с уверенностью высказать, что будущность германо-романского и христианского мира спасли каролингские вассалы—то военное сословие, которое сформировалось в государстве франков и которое было заброшено в государство вестготов.

ЕПИСКОП ПРЕТЕКСТАТ

Григорий (V, 19) рассказывает, что король Хильперих обвинил руанского епископа Претекстата в том, что он сделал подарки людям и побудил их этим к тому, чтобы они поклялись в верности Меровею, который восстал против своего отца. Епископ оправдывался тем, что он лишь отдаривался подарками на подарки и не намеревался лишить короля его короны. Отсюда Рот («Benef. Wesen», S. 152) сделал вывод, что в то время еще считалось несовместимым с общественным строем обещать верность кому-либо иному, кроме короля. Из этого небольшого рассказа я скорее сделал бы обратный вывод. Если бы, по тогдашним воззрениям, считалось преступлением обещать верность кому-либо иному, помимо короля, то епископ должен был бы прежде всего ответить на это обвинение. Но этого вопроса он даже не касается: это для него является обстоятельством, которое само по себе не имеет никакого значения. Его ответ гласил скорее: «Но причиной этого не было стремление изгнать короля из королевства».

МАЙСКОЕ ПОЛЕ

Приблизительно в 755 г. регулярное собрание франкских государственных и военных чинов, которое первоначально происходило в марте, было перенесено на май. Это обстоятельство считали указанием на то, что лишь в это время сплочение франков превратилось из пехотного войска в конное, полагая, что эта отсрочка была произведена по соображениям, связанным со снабжением конницы фуражом. После всего того, что мы уже сказали относительно похода аббата Фульрада, такого рода связь должна показаться невероятной. Даже войско, состоявшее из одной лишь пехоты, должно было иметь такое количество упряжных животных, что фуражный вопрос должен был всегда иметь очень большое значение. Впрочем, франки были отчасти всадниками, и, следовательно, некоторое увеличение числа лошадей не могло внести существенной перемены.

Но, пожалуй, можно сделать еще один шаг дальше и указать на то, что это собрание не могло носить характера военного смотра. На самом же деле это было чем-то вроде рейхстага, на который собирались магнаты—хотя и со своей военной дружиной, но далеко не со всеми своими военными силами. Ведь сбор всего войска или даже хотя бы значительной его части в одном месте, которое не расположено так, что из него непосредственно можно было бы начать военные действия, явилось бы чрезвычайно несообразным как с хозяйственной, так и с военной точек зрения. Материал по этому вопросу см. у Бруннера («D. Rechtsgeschichte», II. 127 ff).

ВАССАЛИТЕТ У ВЕСТГОТОВ

В своем изложении я резко подчеркнул различия между вестготским государством, в котором сохранилась древняя форма военной организации эпохи расселения и франкским государством, где развилась новая форма ленного вассалитета. Но в то же время я с некоторой осторожностью выбирал выражения, так как, хотя эти различия и были решительными, но все же не были абсолютными. В вестготском государстве мы также находим следы, указывающие, что и здесь происходил процесс развития, похожий на тот, который имел место в государстве франков, но эти ростки в государстве вестготов не получили полного развития. Уже Дан («Könige», VI, 141, Anm. 3) нашел поразительным то обстоятельство, что даже в древних законах говорится «о передаче себя под покровительство и вступлении в дружину». Но если мы себе уясним, что по существу буккеларий и вассал—одно и то же, то следует скорее удивляться тому, что мы не находим большего числа такого рода выражений.

В Законах вестготов (Lex. Vis., V, 3, 4) говорится: если кто-нибудь покинет своего патрона и перейдет к другому, то «тот, под чье покровительство он себя предаст, пусть даст ему землю; ибо тот патрон, которого он покинул, получит обратно и землю и то, что ему дал». Отсюда следует, что вестготские магнаты не только держали воинов, но и снабжали их землей.

Слово «Leudes» (люди) в вестготской литературе встречается лишь один раз — в Законе вестготов (L. Vis., IV, 5, 5, Antiqua), очевидно, просто в значении «воины».

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ¹

Я считаю возможным совершенно исключить момент секуляризации из вопроса о происхождении правового установления бенефициев. Без сомнения, она была политическим событием первостепенной важности, так как очень усилила могущество Каролингов. Но то обстоятельство, что вассалам передавались в большинстве случаев церковные земли, является чистой случайностью и не могло быть основанием для того, чтобы исключить право наследования. Это основание связано с целью самого установления, т. е. с заботой о том, чтобы эти поместья всегда выполняли свое назначение кормить военных людей и чтобы они при следующем поколении не ускользнули из рук господина.

В то время, когда я проверял этот лист, я получил исследование Улр. Штутца «Каролингская десятина» (Ulr. Stutz, «Das Karolingische Zehntgebot», «Zeitschrift der Savigny-Stiftung German.», Abt. XXIX, 1908, S. 170 ff., которое проливает новый и очень интересный свет на связь между секуляризацией и проведением ленной системы. Штутц, на мой взгляд, убедительно доказывает, что десятина, которая до этого была лишь церковным и потому трудно и плохо проводимым в жизнь установлением, стала в правление Пипина государственным постановлением и что это было компенсацией, которую церковь получила за свои отчужденные поместья. Это открытие имеет громадное значение для характеристики средневековой государственной и хозяйственной жизни. Ведь надо себе уяснить, что слабым местом франкского государства и всех средневековых государств вообще был недостаток удовлетворительной налоговой организации. Так как правитель не имел достаточного количества денег для выплаты жалованья, то для военных нужд он должен был иметь военное сословие, которое кормилось бы на пожалованных ему землях. Для того чтобы получить необходимое для этого количество земельных владений, пришлось захватить также и всю совокупность церковных поместий. Но на какие же средства стала теперь жить церковь? Она за это получила десятину, на которую она, правда, всегда претендовала, но которую она на самом деле не имела возможности получать всюду и достаточно регулярно, а теперь государственная исполнительная власть стала фактически ее доставлять. Говоря другими словами, государство не могло для своих целей ни провести в жизнь, ни использовать такого налога, как десятина, так как натуральные поставки можно лишь в очень незначительной степени централизовать, собрать в склады, подсчитать и проконтролировать; к тому же германец по своему правовому сознанию не был обязан выполнять такую повинность по отношению к государству и королю. Церковь же может использовать десятину для пропитания и содержания своих священников, своих епископов и их учреждений, но в то же время в сознании верующих существует представление, что церковь претендует на такого рода десятину. Теперь же церковь и государство соединяются в тот всемирно-исторический союз, который сначала привел к поддержке Бонифация палатными мэрами (майордомами), затем — к созданию с согласия папы каролингского королевства и, наконец, к императорскому коронованию Карла Великого. Теперь же мы

¹ См. пояснение этого слова в справочном алфавитном указателе в конце книги.

можем вскрыть ту гениальную практическую реальную политику, которая лежала в самой основе этого союза и которая заключалась в перемещении, произошедшем между налогом десятины и церковным землевладением. Государство доставляет и обеспечивает церкви, с которой оно состоит в близкой дружбе и в союзе, поступление десятины и получает за это от нее ее земельные владения, собранные ею в течение нескольких столетий, которые государство со своей стороны может использовать и фактически использует.

Повторяю еще раз, что форма передачи лена до смерти сеньера или ленника не имеет никакого отношения к тому факту, что первоначально очень многие из этих ленов были церковными поместьями. Эта форма единственно и исключительно объясняется своей целью, а именно — военной целью. Использование церковных поместий не для создания, но для соответственного увеличения военного сословия ленников является событием крупнейшего значения. Вскрытие связи этого факта с введением десятины, столь важной для всего последующего времени, дает нам возможность ясно осознать величину и значение этого события.

СНАБЖЕНИЕ И ОБОЗ

Так как доставка продовольствия во время войны имеет очень большое значение, то я хотел бы прибавить несколько специальных указаний и изысканий по этому вопросу, который мною был поднят выше в связи с посланием Карла Великого к аббату Фульраду.

В 1-м издании (т. I, стр. 427 и т. II, стр. 105) я принял на основании расчетов Наполеона III грузоподъемность лошади в 10—10½ ц. Однако, я убедился в том, что эта цифра слишком велика. Согласно Балку (Balck, «Taktik», Bd. 2, T. 1, S. 288), лошадь может поднять в продовольственной парной повозке 425 кг, из которых 250 кг, или 5 ц. чистого веса, а в четверочной повозке продовольственной—432 кг, из которых 250 кг чистого веса. В парной же повозке обозного парка—650 кг, из которых чистого веса 450 кг, что равняется 9 ц. У Балка имеется опечатка, которую я здесь исправил. Приблизительно то же самое дает нам и гессенский устав 1542 г., который цитируется у Петеля (Paetel, «Organisation des Hessischen Heeres», S. 218 ff.), а затем приведенный в IV томе на стр. 343 транспорт муки Максимилиана Баварского в 1620 г. и трактат «О снабжении армий» 1779 г., цитированный у Иенса (Jaehns, 3, 2186).

Хотя эти цифры уже несколько меньше, чем те, которые были приняты Наполеоном, но источники показывают, что в древности их понижали больше чем вдвое. Ксенофонт в «Киропедии» считает на пару быков 25 талантов, что составляет около 13½ ц, т. е. по 6¾ ц на каждого быка, но не полезного груза, а общего. Далее сюда следует привлечь постановления относительно римской почты и перекладных, которые сохранились в большом количестве, особенно в Кодексе Феодосия (Codex Theodosianus, L. VIII, tit. 5). В одном из постановлений императора Константина от 357 г. (Cod. Theod., VIII, 5, 8) предписывается, чтобы повозка (rheda), запряженная 8 мулами, брала груз не более 1 000 фунтов, но это и аналогичное ему постановление не имеют для нас никакого значения, так как здесь дело шло не о количестве груза, но о скорости доставки. Но мы находим также и другое предписание (VIII, 5, 11) относительно того, чтобы на ангарию (барщинную повозку), запряженную 4 быками, не смели грузить более 1 500 фунтов. На этих барщинных повозках ездили в большинстве случаев по прекрасным римским шоссейным дорогам, причем повозки, запряженные быками, всегда являлись простыми грузовыми телегами, но не колесницами, рассчитанными на быстрое движение. И если, несмотря на это, мы находим, что на каждое упряжное животное считали даже меньше 4 ц чистого веса (или даже только 3 ц, принимая во внимание, что легкий римский фунт равнялся приблизительно 330 г),

то это вместе с указанием Ксенофонта может служить доказательством того, что неуклюжесть повозок, в особенности же колес (часто дисковых, вместо колес со спицами) и упряжи, а может быть, и незначительная в среднем грузоподъемность крестьянских подвод не позволяли предъявлять более высоких требований. Эти цифры еще меньше в эпоху Карла Великого в Германии, где не было римских дорог.

Быки иногда бывают упрямы и везут медленно, но поднимают больше груза, чем лошадь.

Брать с собой вместо повозок или телег с упряжными животными вьючных животных выгоднее в том отношении, что отдельные животные могут лучше следовать за движениями войск, особенно в горах, причем в случае надобности могут легче освобождать место. Поэтому ими очень много пользовались как в римских, так и в средневековых войсках и даже вплоть до XIX в. Не только римские командиры, но и отряды солдат имели вьючных животных, по большей части мулов. Их грузоподъемность равняется 2 ц. Если мы примем, что каждое римское лагерное товарищество из 10 человек имело в своем распоряжении, согласно уставу, одно животное, то оно могло нести на себе, помимо кожаной палатки с принадлежностями (весом около 40 фунтов), ручную мельницу, котел, несколько инструментов, веревки и одеяло, а кроме того, и некоторое количество продовольственных припасов.

Рюстов (Rüstow, «Heerwesen und Kriegführung Caesars», S. 17) полагает, что каждое животное могло, кроме того, нести недельный запас продовольствия на каждого человека. Это, очевидно, невозможно. Недельный запас для одного человека не может весить менее 17—18 фунтов, следовательно, на 10 человек 170—180 фунтов. Это уже дает вместе с палаткой груз, превышающий нормальный. И без палатки остальные предметы и инструменты едва ли весили менее 100 фунтов, а, может быть, даже и больше.

Но наряду с преимуществами применение вьючных животных имеет также и свои большие неудобства. На одно животное нельзя нагрузить больше 2 ц¹.

Тащить повозку легче, чем нести вьюки, и мы знаем, что теперь на одно животное можно считать 5—9 ц, а в древности, согласно вышеприведенным источникам, считали 3 ц. Если животное тащит груз, то оно отдыхает во время стоянок, если же оно несет груз на себе, то оно остается в напряженном состоянии даже во время остановок. Далее, вьючное животное может гораздо легче получить повреждение или поранение от своего груза, чем упряжное животное.

Поэтому, без сомнения, неправильно утверждение Рюстова (цит. соч., стр. 17 и 18), что римские войска перевозили все свое снабжение на вьючных животных. Фрелих в своей работе о военном деле при Цезаре (I, 89) уже опроверг эту точку зрения, не только исходя из самого существа вопроса, но основываясь также и на двух прямых свидетельствах (Плутарх, «Помпей», VI и Bell. Afr. IX, 1), в которых упоминаются обозные и продовольственные повозки. Рассказ, приведенный Саллюстием («Югурта», 75, 3), в котором описывается, как Метелл хотел совершить экспедицию на 75 км через пустынную местность и поэтому приказал «снять груз со всех вьючных животных, за исключением хлеба на 10 дней,— что же касается прочего, то нести лишь меха и другие удобные сосуды для воды», еще ничего не доказывает, так как в пустыне нельзя было применить повозок. Скорее из этого рассказа можно сделать вывод о том, как трудно было достать даже для похода

¹ При обычной работе допускается нагрузка до трех центнеров, но такая нагрузка вряд ли может быть допущена для военных целей, так как во время войны часто приходится совершать необычайно длинные переходы, снабжение поступает нерегулярно, и притом следует по возможности избегать потерь в животных.

на 10 миль необходимых выючных животных (которые, впрочем, должны были нести на себе также и весь запас воды). Для этой цели Метелл потребовал от туземцев крупных поставок.

Сам человек вместе со своим оружием может нести на себе очень небольшое количество продовольствия. На основании распоряжения военного министерства, проф. Цунтц и военный врач д-р Шомбург проделали опыты для определения физиологического действия нагрузки на человека во время перехода и опубликовали результаты этих опытов в февральском выпуске «Военно-медицинского журнала» («*Militärärztliche Zeitschrift*») за 1897 г. Пять курсантов предоставили себя в распоряжение экспериментаторов. Для переходов брались, главным образом, три вида нагрузки — в 22 кг, 27 кг и 31 кг.

Согласно Балку («*Тактика*» II, 1, 208), оба экспериментатора дают следующую сводку результатов своих опытов:

«1. Умеренная нагрузка (до 22 кг) при не очень высокой внешней температуре после перехода, не превышавшего 25—28 км, не вызвала никаких вредных последствий; наоборот, обнаружилось, что явившиеся вследствие иных причин состояние ослабленности и незначительные функциональные повреждения отдельных органов были устранены благодаря этому переходу. При очень горячем и душном воздухе обнаружился ряд более или менее легких явлений неблагоприятного характера (ослабление жизнедеятельности, повышенная потеря влаги в организме, сильное учащение пульса и дыхания, застой крови). Однако, все эти явления исчезали вскоре после перехода и во всяком случае совершенно устранялись на другой день; если переход продолжался в течение нескольких дней, то не замечалось, чтобы эти вредные влияния усиливались.

2. Увеличенная нагрузка (27 кг) при благоприятной погоде и прежней величине перехода не оказала заметного вредного влияния на здоровье. Напротив, жаркая погода при такой же нагрузке вызвала изменения, которые не исчезли даже на другой день. Таким образом, второй переход начался уже при более неблагоприятных условиях, чем первый. Во всяком случае средний солдат с нагрузкой в 27 кг при довольно жаркой погоде может более или менее хорошо перенести переход не более 25—28 км.

3. Нагрузка в 31 кг даже при прохладной погоде и при той же величине перехода, безусловно, нарушила правильное функционирование организма.

4. Наблюдения над тренировкой с целью привыкнуть к багажу показали, что при легкой нагрузке (до 22 кг) постепенное увеличение груза уже после немногих переходов не оказывало более вредного влияния; при тяжелом грузе (31 кг) после более длительной тренировки наступало лишь очень незначительное уменьшение вредных влияний».

Отсюда вытекает, что увеличение даже на несколько килограммов нормальной солдатской нагрузки (в наше время у пехотинца в Германии 25,3 (раньше 29) кг, во Франции $27\frac{3}{4}$ кг, в Англии $27\frac{1}{4}$ кг, в Италии 28 кг, в Швейцарии 31 кг)¹, наносит очень сильный ущерб боеспособности.

¹ Balck, «*Taktik*», I, 62. В одной рукописи Алекса. ф.-д. Гольца, относящейся к эпохе Фридриха (Jähns, III, 2539), говорится, что пехотинец в те времена должен был нести на себе, включая 8 фунтов хлеба и 60 боевых патронов, лишь 47 фунтов 18 лотов груза. Этот подсчет нам кажется даже несколько преувеличенным, так как пустая патронная сумка по этим расчетам весит 4 фунта, а чехол ружейного замка 1 фунт. В 1839 г. прусский пехотинец, помимо одежды, нес на себе 26,4 кг. В 1913 г. в «*Militär-Wochenbl.*» разгорелась дискуссия по вопросу об облегчении укладки, которая установила, что благодаря распоряжению от 1 февраля 1908 г. общая нагрузка немецкого пехотинца была снижена до 24— $24\frac{3}{4}$ кг, в то время как французский пехотинец, благодаря некоторым вещам, нагружен лишь до 20 кг. Ср. мою работу «*Perser. und Burgunderkriege*», S. 56.

Поэтому совершенно невозможно допустить, чтобы римские солдаты, так же как и наши, несли сами на себе груз, значительно превышающий «железную порцию»¹. К тому же это опровергается одним из наших источников — Полибием, который в одном месте (XVII, 8)² хвалит римлян за то, что они носят помимо оружия также и палисадины. Если бы римляне носили на себе, кроме того, и продовольствие, то Полибий в связи с этим, конечно, не преминул бы об этом упомянуть.

Так как мы уже пришли к такому выводу, то нас не должны вводить в заблуждение некоторые высказывания древних писателей, которые на самом деле утверждают обратное. Некоторые из этих мест могут быть объяснены иначе, относительно других можно допустить наличие недоразумения или преувеличения.

Ливий («Периоха», 57) пишет: «Сципион Африканский осадил Нуманцию и восстановил в войске, испорченном своеволием и необузданностью, жесточайшую военную дисциплину... принудил каждого воина нести тридцатидневный рацион зерна и семь палисадин». Это распоряжение относилось не к военному переходу, но либо к учебному маршу, либо к такому, который производился в порядке дисциплинарного взыскания, как, например, практикующаяся теперь переноска мешков с песком³. Сверх того, у Фронтина («Strategem.», IV, 1, 1) мы находим по тому же поводу лишь следующую фразу: «Он приказал нести продовольствие на несколько дней». Очевидно, этот текст и является первоначальным и правильным, а у Ливия вследствие какой-либо перестановки из «нескольких дней» получилось «30 дней». Отсюда видно, как мало можно полагаться на такие отдельные высказывания.

Фронтин («Strategem.», IV, 1, 1) сообщает, что «когда Филипп впервые организовал войско, то запретил всем пользование телегами, разрешил каждому всаднику иметь не больше одного слуги, а на десять пехотинцев — лишь одного слугу, который нес бы ручную мельницу и канаты. Он приказал, чтобы уходящие в поход несли на спине запас муки на 30 дней». Что бы ни означали слова «уходящие в поход», во всяком случае здесь не говорится о том, что солдаты во время военных походов несли на своей спине мешки с 60 фунтами муки.

У Ливия (XLIV, 2) говорится: «Приказав воинам взять с собою месячный запас продовольствия, консул собрался в путь... двинулся вперед». Эту фразу не следует понимать в том смысле, что солдаты должны были нести на себе весь месячный запас провизии; она означает лишь то, что консул приказал взять с собой для этой экспедиции 30-дневный запас продовольствия. То же самое у Ливия, XLIII, 1, 8.

Вегетий (I, 19) говорит: «Воины были также принуждены нести груз весом до 60 фунтов, а во время тяжелых походов перед ними вставала необходимость нести одинаковое по весу количество хлеба и оружия». Если здесь имеется в виду «всего 60 фунтов» (20 кг), то это меньше той нагрузки, которая теперь считается нормальной. Если же Вегетий хотел сказать, что солдат, помимо своего оружия, должен был нести еще 60 фунтов, то мы это можем просто отвергнуть как недоразумение, так же как и свидетельство Цицерона («Тускул. рассуждения», II, 16, 37), который восклицает: «Какой труд, какой большой труд у войска! Нести больше полумесячного запаса продовольствия, — нести то, что приказывается иметь для употребления, нести палисад. Ибо щит, меч и шлем наши воины считают не более тяжелыми, чем плечи, мышцы и руки».

¹ Носимый бойцами на себе ранцевый запас. — Р е д.

² На это обратил внимание Liers, «Das Kriegswesen der Alten», S. 226.

³ Дельбрюк, очевидно, имеет в виду германскую армию. — Р е д.

Целый ряд указаний не оставляет никаких сомнений в том, что интендантство или управление складами у римлян обычно всегда выдавало войскам полумесячный запас зерна и что сами войска должны были заботиться о транспорте этого продовольствия. При этом, для того, чтобы солдат ни при каких обстоятельствах не терпел недостатка в продовольствии, полмесяца считались в 17 дней.

Совершенно ясно, что если на каждые десять человек приходилось лишь одно вьючное животное, то войско не могло брать с собой даже 17-дневного запаса, так как при таких условиях можно было взять с собой не больше половины этого количества, причем часть несли сами люди, а часть нагружалась на вьючное животное. А то место из описания Югуртинской войны, где прославляется, как нечто необычайное, доставка 10-дневного запаса продовольствия на вьючных животных, еще более суживает эти границы. Поэтому, если Аммиан говорит (XVII, 9), что Юлиан оставил на складе часть того 17-дневного запаса продовольствия, которое обычно несут на себе солдаты, то это, конечно, невозможно принять в буквальном смысле, а очевидно, является риторическим пустословием.

Но ведь существуют исследователи, которые на все такие объективные доказательства и расчеты отвечают стереотипной фразой «это написано», считая, что свидетельства источников являются безусловно решающим моментом. Хотя уже полк. Стоффель с самым ядовитым сарказмом говорил о тех ученых, которые нагружают римских солдат, помимо их оружия, еще мешком муки весом в 60 фунтов, все же мы опять находим у Ниссена (Nissen, «Novaesium», «Bonner Jahrbücher», III, S. 16, 1904), что «римский солдат, помимо своего вооружения, которое весило больше 15 кг, нес на себе во время похода запас зерна в размере своей потребности на 17—30 дней, т. е. груз весом в 14—25 кг» и сверх того 3—4 палисадины, которые увеличивали груз еще на 10 кг. А какая нам польза от той тщательности, с которой автор высчитывает с точностью до одной тысячной, что, согласно Вегецию, римский рекрут во время учебных походов нес на себе груз весом в 19,647 кг, если он единым духом тут же проделывает этот ужасающий расчет относительно мешка с мукой и обнаруживает, что различие в нагрузке определяло собой разницу между «тяжелой» и «легкой» пехотой? (Ср. т. I, стр. 345.)

Не только отдельные солдаты, но даже целые продовольственные транспорты, не могут тащить с собой очень большого количества продовольствия.

Подполк. Дам в своей работе «Римская крепость Ализо у Хальтерна на Липпе» (Dahm, «Römerfestung Aliso bei Haltern a. d. Lippe», Leipzig, Phil. Reklam) пишет:

«Армия, которая пополняла свои запасы продовольствия в Ализо (Хальтерн), могла в течение нескольких недель маневрировать в области сигамбров, марсов, бруктеров, амписвариев и тубантов, не дополняя своих запасов, так как римский солдат вез с собой запас зерна на 17—30 дней». Дам впоследствии разъяснил эту свою фразу: он не хотел ею сказать, что каждый солдат сам на себе нес мешок с 60 фунтами муки, но имел в виду транспорты мулов. Впрочем, проверим на цифрах и этот пример.

Войско, состоявшее из 30 000 бойцов (а римляне оперировали в Германии и Галлии еще более крупными войсками), требует для прокормления одних лишь воинов в течение 30 дней 22 500 ц продовольственных припасов, а потому должно иметь для этой цели 11 250 мулов; но так как нестроевые также нуждаются в прокорме, то число потребных мулов достигает 18 000. При этом, конечно, совершенно невозможно прокормить всех этих мулов одним лишь травяным фуражом, который имеется вдоль пути. Для доставки того же самого груза на повозках необходимо было бы иметь вдвое меньше повозок, чем мулов, но и это, принимая во внимание количество прочего обоза и кавалерийских лошадей, было бы столь чудовищно,

что возможность подобной комбинации в большинстве случаев можно считать совершенно исключенной (ср. выше, ч. 1-я, гл. VI и т. I, стр. 368).

Каким образом можно было бы регулярно питать и содержать в порядке такое неслыханное количество животных и упряжек, которые лишь в весьма редких случаях могли принести реальную пользу? Каким образом можно было бы их разместить в тех укрепленных лагерях, которые обычно устраивались в эти эпохи? Следовательно, не может быть и речи о том, чтобы войска регулярно везли с собой продовольствие на 30 дней,—по крайней мере на вьючных животных. Считая, что римские войска были снабжены не продовольственными повозками, а одними лишь вьючными животными, Рюстов не подумал о регулярной доставке продовольствия на 17 или даже на 30 дней при помощи этого транспортного средства.

То обстоятельство, что у подполк. Дама могли создаться такого рода представления об организации продовольственного дела у римлян, так же как и представление того же автора об укрепленной «площади развертывания» глубиной в 6 миль (см. выше, ч. I, гл. VI), является для меня новым доказательством того, что опыт и знания в области современной практической военной службы еще совершенно не являются залогом того, что данный автор будет иметь ясные и правильные взгляды на военное дело в более ранние эпохи.

Это является оправданием для тех цифр и гулливеровых построений, которые мы находим у наших историков, филологов и юристов.

Письмо к аббату Фульраду, содержащее извещение о призыве, гласит¹:

«Во имя отца и сына и святого духа. Карл, светлейший август, богом коронованный великий миротворец, император, милостью божьей король франков и лангобардов, Фульраду аббату.

Пусть будет ведомо тебе, что наше общее собрание, назначенное на этот год, состоится в Саксонии, в ее восточной части, на реке Бода, в месте, которое носит название Старасфурт. Поэтому приказываем тебе, чтобы ты со всеми своими людьми, хорошо вооруженными и снаряженными, пришел бы в указанное место в 15-е юлиевы календы, т. е. за семь дней до мессы святого Иоанна Крестителя. Ты должен притти в указанное место со своими людьми вполне подготовленный к тому, чтобы оттуда выступить в поход в боевом порядке в том направлении, в каком будет указано нашим приказом, т. е. с оружием, утварью и прочими военными инструментами, со съестными припасами и одеждами, так, чтобы каждый всадник имел щит, копье, меч и кинжал, лук и колчан со стрелами и чтобы на ваших повозках были различные инструменты, т. е. топоры, секиры, буравы, кирки, мотыги, лопаты и прочие инструменты, которые необходимы для борьбы с врагом. Запас необходимого продовольствия должен быть рассчитан на три месяца от места этого собрания, а оружия и одежды—на полгода. Мы строго приказываем, чтобы вы не преминули выполнить это и чтобы вы продвигались к назначенному месту, соблюдая добрый мир, через какую бы часть государства нашего ни заставило бы вас идти прямое направление вашего пути, т. е. чтобы вы не смели и думать о том, чтобы прикоснуться к каким-либо предметам, за исключением травы, дров и воды, и чтобы все ваши люди шли вместе со своими повозками и всадниками и всегда были при них вплоть до указанного места для того, чтобы отсутствие владельца места не дало бы возможности причинить зло его людям. А свои дары, которые ты нам должен представить на наше собрание, перешли нам в середине месяца мая в то место, где мы в это время будем находиться. Если случайно твой прямой путь будет лежать таким образом, что ты сам на своем пути сможешь нам эти дары представить, то это нам более желательно. Позаботься о том, чтобы не допустить в этом никакой небрежности, если хочешь получить благодарность нашу».

¹ Перевод с латинского.—Р е д.

ЛИТЕРАТУРА

Уже в самом начале моих работ по военной истории у меня сложилось убеждение в том, что средневековое военное дело начало основываться на вассалитете и ленной системе гораздо раньше, чем это обычно до этого времени думали в Германии. А в одной своей работе, изданной в 1881 г., я мимоходом высказал мысль, что Карл Мартелл выиграл сражение при Туре при помощи тех ленников, которые составляли франкское войско [ср. мои «Исторические и политические статьи», стр. 126 (190)]. В следующем томе я подвергну более подробному истолкованию те каролингские капитулярии, которые, как это может показаться, противоречат такому взгляду.

Работа Боретиуса «К вопросу о критике капитуляриев» (Boretius, «Beiträge zur Kapitularienkritik») является в данной области основоположной работой, пролившей свет на этот вопрос. Но еще осталось очень много от старых ошибок. Бруннер в своей ценной работе «Военная служба всадников и начало ленной системы» (Brunner, «Der Reiterdienst und die Anfänge des Lehnwesens», «Zeitschrift der Savigni-Stiftung für Rechtsgeschichte», Germ. Abt., Bd. 8. S. 1897) в важнейшем пункте также впал в ошибку, полагая, что военная служба всадников была вызвана специальными потребностями борьбы с сарацинами, а потребность в военной службе всадников в свою очередь вызвала появление ленной системы. Важнейшим и характерным моментом военного дела этой эпохи является не конница, но одиночный боец, высококачественный воин, типичный для времени, когда исчезает тактическая часть. Это положение правильно развито в одной работе Ролофа, напечатанной в «Новых ежегодниках классической древности» («Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum», 1902, S. 389).

Мысли, высказанные Виттихом и имевшие некоторый успех, бьют мимо цели.

Чрезвычайно ценной является работа Оскара Диппе «Дружина и принесение присяги на верность в государстве Меровингов» (Oskar Dippe, «Gefolgschaft und Huldigung im Reiche der Merowinger. Kieler Dissertation», Wandsbeck, 1889). Но Диппе также недостаточно далеко отодвигает назад момент появления вассалитета. Он считает возможным отнести падение меровингского королевства — и тем самым появление новой аристократии — лишь к моменту смерти короля Дагобера в 639 г. Правильно, что этот король, так же как и его отец Лотарь II, еще пользовался лично сильной королевской властью. Но это произошло лишь благодаря временному оттеснению соперничавших аристократов. И вполне естественно, что обе власти — как королевская, так и власть аристократии — еще в течение некоторого времени находились в состоянии равновесия. Нельзя говорить, как это делает Диппе, что, когда пала королевская власть, появилась аристократия. Оба процесса дополняют друг друга, и если мы видим, что королевская власть ослабевает, то должны допустить существование аристократии. Слабость королевской власти и сила аристократии являются лишь различными выражениями одного и того же явления. Парижский эдикт 614 г. говорит об этом совершенно ясным языком.

На стр. 1 Диппе пишет: «Что касается ленного пожалования, то в предыдущих работах уже разрешен вопрос о его происхождении и историческом значении. Бесспорным результатом этих работ следует признать, что ленная система является необходимым следствием хозяйственного переворота, который уже в эпоху Меровингов начал уничтожать древнегерманскую самостоятельность мелких крестьян».

Этот переворот носит не только хозяйственный характер, но в значительно большей степени политический, возникнув под влиянием организации военного дела. Дело не в том, что «была уничтожена древнегерманская самостоятельность мелких крестьян», но в том, что древние германцы, становясь крестьянами, теряли в то же время свой военный характер и свою самостоятельность.

Книга Гильермо «Опыт о происхождении французского дворянства в Средние века» (Guilhermoz, «Essai sur l'origine de la noblesse en France au Moyen Age», Paris,

Picard et fils, 1902, p. 502) является работой, заслуживающей чрезвычайно большого внимания. Она основывается на очень широком изучении источников и на превосходном знании литературы. Исследовательский анализ автора энергичен, методичен и прозрачен, а форма изложения отличается французской элегантностью.

Идя различными путями, мы в основных пунктах пришли к одинаковым выводам.

Гильермо также не считает вассалитет новым установлением, возникшим во франкском государстве, будь то в VII или в VIII в., но видит в нем дальнейшее развитие буккелариата. Он также полагает, что *ruigi* VI в. являются немецкими Degen (дети).

Он указывает (стр. 21) на то, что вооруженные свободные люди появляются впервые на службе у частных лиц уже в III в. в Риме. Государственные люди Руфин и Стилихон, управлявшие Римской империей при сыновьях Феодосия, были первыми людьми, которые постоянно окружали себя большим количеством собственных войск, зависевших только от них.

Гильермо не согласен с тем, что слово «буккеларии» означает «хлебные люди», но сам не дает никакого иного объяснения для этого слова. В результате же оказывается, что это слово первоначально применялось не к частным солдатам, но к королевскому войску, и лишь затем было перенесено на частных солдат. Но все же остается несомненным, что это слово было первоначально насмешливым прозвищем, происхождение которого все еще продолжает оставаться для нас неразгаданным.

Однако, как бы ни обстояло дело с этим названием, самое главное то, что Гильермо считает это установление чисто римским, а если буккеларии происходят из чисто римских корней, то таково же и происхождение их потомков — вассалов. Наш французский автор полагает, что даже антрустионы меровингских королей, которых до этого времени обычно считали их дружинниками в древнем тацитовском смысле, были лишь простыми наемными солдатами.

Гильермо является в этом отношении прямым антиподом Зека, который, как мы уже видели выше (стр. 301), наоборот, усматривает в буккелариате подлинное проникновение германских идей и германской культуры в Римскую империю, видя в буккелариях дружинников.

Я же со своей стороны предпочел бы остаться на той примирительной точке зрения, которую я изложил выше, в 4-й части. Наемная военная служба и представление о том, что наемник должен сохранять преданность своему господину, которому он поклялся в верности, представляют собою не специфически германские, а общечеловеческие явления. Поэтому Бруннер (Brunner, «Deutsche Rechtsgeschichte», II, 262, Anm. 27) заходит излишне далеко, говоря, что «положение вестготского буккелария, несмотря на римское название, в своих существенных чертах тождественно положению германского дружинника». Так, например, среди буккелариев Стилихона были также и гунны. Таким образом, в этом отношении Гильермо формально прав. Но если Бруннер и Зек вложили в простых буккелариев слишком много от идеи дружинничества, то с другой стороны, и Гильермо впал в ошибку, отрицая дружинный характер антрустионов, так что Хлодвиг и его сыновья якобы совсем свели на-нет это исконно германское явление. Ближайшее окружение меровингских королей, т. е. антрустионы, было, несомненно, дружиной; поэтому мне представляется не подлежащим никакому сомнению и то, что наемничество, построенное по римским правовым понятиям, было фактически сильно пропитано духом германской дружины. Ведь и это понятие не является чисто германским, но находится также у других народов. Однако совершенно бесспорно, что оно было особенно резко выражено у германцев и что оно в течение всех Средних веков играло чрезвычайно большую, даже ведущую роль. Поэтому отсюда мы должны сделать вывод, что также и в V в. оно было очень жизненным среди германцев. Если галл Руфин и германец Стилихон были первыми римскими государ-

ственными деятелями, которые держали у себя на службе буккелариев, то это, конечно, не является случайностью. Вся масса этих воинов, в сущности говоря, не могла быть ничем иным, как наемниками. Но ведь их предводители должны были быть проникнуты по отношению к своим господам германским чувством дружинничества, а потому должны были перенести частицу этого чувства также и на всю массу воинов. Даже если Гильермо считает возможным установить, что колыбелью буккелариата были те корпорации, которые основал Константин I, то это ведь опять напоминает нам о том, что именно Константин окончательно германизовал римскую армию. Но, собственно говоря, эти взаимоотношения не могут быть доказаны. Из правовых форм (торжественное обещание и т. п.) можно сделать лишь очень мало выводов, а источники и свидетельства нам ничего не говорят. Все же основной ход процесса ясен, и Бруннер нашел правильное выражение, сказав, что галло-римские частные солдаты были «приравнены» к германской дружине.

Ошибкой Бруннера является лишь то, — и в этом отношении я пришел к тем же выводам, что и Гильермо, — что Бруннер делает слишком тонкой ту нить, которую он проводит от буккелариев к вассалам, так что иногда кажется, что он эту нить совершенно обрывает. Несвободные, находившиеся в дружине меровингских магнатов, играют у него слишком сильную роль.

Относительно происхождения земельных пожалований Гильермо не считает возможным совершенно отрицать связи этого явления с секуляризацией, однако, приходит к выводам, похожим на мои лишь в том отношении, что он, так же как и я, ставит ударение на цель пожалования. А от этого установления он проводит связующие нити, соединяющие его с римским правом. Он указывает, что уже по вестготскому праву господин «при покровительстве» (*in patrocinio*) давал своему человеку собственность, однако, с оговорками и ограничениями. Я предоставляю историкам право разобраться в этом вопросе, так как для наших целей не представляют особого значения правовые формы и их происхождение. Решающим моментом является то, что не такое — наполовину случайное — обстоятельство, как секуляризация, но внутренняя объективная потребность вызвала к жизни институт земельных пожалований, повлекший за собой бесконечно крупные последствия. Хотя Гильермо в этом отношении и подошел довольно близко к моим взглядам, но все же не смог целиком освободиться от господствующей теории. Это объясняется тем, что ход его исследовательской работы не привел его к тому моменту, который должен в конце концов явиться решающим обстоятельством, — к постулату способа ведения войны, можно прямо сказать — к тактическому постулату, к той связи, которая всегда и во все времена соединяет тактику с организацией военного дела. Эпоха требовала одиночных бойцов, которые были бы высококачественными воинами, а не обученных тактических частей. Единственным средством, которым располагал господин для того, чтобы эти воины не превратились в крестьян или в граждан, было поставить их владение в зависимость от продолжительности их службы, т. е. давать им землю не в собственность, но лишь в ленное владение.

Уже в 1898 г. появилась «История военного искусства в Средние века, от IV до XIV в.» Чарльза Омана («A History of the art of war, the middle ages from the fourth to the fourteenth century, by Charles Oman M. A. F. S. A. fellow of all Souls College», Oxford, London Methuen & Co. 667 pp.). Эта книга, которая мне стала известна лишь в 1901 г., задумана в качестве II тома всеобщей истории военного искусства, рассчитанной на четыре тома. Автор, который уже раньше получил известность благодаря своим работам в области изучения средневекового военного дела, почувствовал, таким образом, совершенно такую же потребность в восполнении исторической науки, как и я, и потому наши труды параллельны друг другу. Книга Омана отличается научным характером и основывается на здоровых принципах. Те причины,

вследствие которых мы пришли к различным результатам в тех частях наших работ, которые трактуют об одинаковых эпохах и народах, настолько ясны, что я не считаю нужным входить в их подробный разбор.

Первый экономист, который заметил, что «История военного искусства» дает кое-что и для истории хозяйства, был, насколько я знаю, Макс Вебер. Но, как это часто бывает, первое понимание вскоре превратилось в недоразумение.

Вебер правильно понял¹, что в греко-италийском мире в доклассическую эпоху существовало всадническое сословие и что это всадническое сословие было также носителем развивавшейся торговли и капитализма (ср. выше, том I, стр. 215), в то время как еще Эд. Мейер признавал, что мореплавателями сперва становились люди из низших сословий, не имевшие земельных владений. Благодаря военнохозяйственному преобладанию развилась сословная дифференциация и система господства, которую Вебер называет «городским феодализмом» (Stadt-feudalismus), так как господа жили не как средневековые рыцари — в селениях, но исключительно в городах и оттуда господствовали над крестьянством.

Неожиданная мысль распространить понятие «феодализма» также и на это древнее всадническое сословие недурна, но все же должна применяться с осторожностью. Ведь с феодализмом в том смысле, в каком мы привыкли употреблять это слово, все же связана ступенчатая последовательность зависимостей — «рыцарские разряды», что не было известно в древности, в то время как капиталистический момент, который присущ античному всадничеству, был, наоборот, не только чужд, но даже противоположен тому, что мы обычно понимаем под словом «феодализм». Вебер хочет даже спартанский общественный строй свести к феодализму.

Но к каким бы выражениям в данном случае ни прибегать, все же главным моментом здесь является происхождение этого сословного образования и объяснение различий между античным и средневековым рыцарством.

Вебер выводит образование особого военного сословия из экономических и технических причин. Масса населения, вследствие необходимости интенсивной обработки почвы, не может быть использована в военном отношении и оказывается беспомощной против техники профессиональных воинов. И то и другое неправильно. Массы населения неотрывно необходимы для хозяйственных целей лишь в больших государствах, в которых войны длятся в течение целых месяцев и даже годов. В кантональных же государствах, в которых массовые походы длятся лишь в течение немногих дней, работа не является препятствием, — все же, несмотря на это, античное всадничество образовалось в кантональных государствах. Хотя техника не есть нечто совершенно безразличное, но все же при всадничестве она является лишь чем-то вторичным. Ездить верхом может также и крестьянин, а о настоящем военном искусстве в эпоху Средних веков мы слышим очень мало. При более тяжелом предохранительном вооружении оно уже не является таким решающим. По крайней мере столь же важен хозяйственный момент приготовления лучшего типа оружия, как оборонительного, так и наступательного. Но все же самая суть не в этом, а в психических моментах, в понятии воинской чести, в твердой уверенности, в храбрости, которая, — лишь только проходит эпоха варварства, — всегда становится в массах весьма незначительной, но которая в военном сословии развивается до степени крупной силы. Это воинственное настроение нельзя подвести под понятие техники, и меньше всего такой, которая, как полагает Вебер (стр. 53), была импортирована извне.

Существеннейшим техническим моментом в этом типе развития является выработка конного боя. Этот момент, конечно, как уже было выше показано (ср. том I, стр. 214), без сомнения, весьма способствовал образованию италийского всадничества,

¹ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», I, Artikel «Agrargeschichte», S. 53.

² «Geschichte des Altertums», II, параграф 242.

но именно только лишь способствовал. Греческое сословие эвпатридов, которое Вебер совершенно правильно считает тождественным с римским сословием патрициев, еще не сражалось верхом на конях. Правда, гомеровская боевая колесница уже оказала некоторую помощь, но утверждение Вебера (стр. 177), что «появление и применение коия создало средиземноморское всадническое общество», является недопустимым преувеличением.

Отметим попутно, что еще менее правильно утверждение Вебера, которое находится там же и сводится к тому, что железное оружие (вместо бронзового) явилось решающим моментом в образовании фаланги гоплитов, а эта последняя создала древний гражданский город-государство (Bürgerpolis). То, что правильно в этой комбинации, становится неправильным благодаря преувеличению.

Неправильное выведение элемента всадничества из хозяйственно-технических моментов приводит к неправильному объяснению различия между древним и средневековым рыцарем. Вебер сводит это к тому, что античная культура была береговой культурой, а средневековая — материковой. Морская торговля создала городской феодализм. В центральной Европе с ее сухопутной торговлей феодализм был будто бы в более значительной степени и гораздо прочнее построен на сельской почве, а потому и вызвал к жизни земельные владения. И предпосылки, и выводы здесь одинаково неправильны. Выше, в другой связи (ср. ч. I-я, гл. X), мы уже доказали неправильность противопоставления Вебером береговой культуры материковой. Античная торговля не была такой исключительно морской торговлей, как то думает Вебер. Даже Афины в ту эпоху, когда расслаивались роды эвпатридов, не были собственно морским городом. Центральная Европа, в особенности же Галлия, имела в своих реках такие торговые пути и такие торговые возможности, которые мало уступали морским, причем эти страны обладали, кроме того, и морским побережьем. Наконец, неправильно также и то, что средневековый феодализм развился лишь в тех или именно в тех странах, которые лишены морской торговли. Испания и Италия, имевшие такое же морское побережье в Средние века, как и в древности, имели в общем такую же форму феодализма, как Франция и Германия. Наоборот, англо-саксы на своем острове, лежавшем среди моря, не развили этого феодализма, главными носителями которого были мореходы норманны. Я не хочу сказать, что феодализм как в древности, так и в Средние века, не имел никакого отношения ни к морю, ни к суше, ни к морской, ни к сухопутной торговле, так как в конце концов все влияет на все, тем не менее он имел к ним очень мало отношения. Эти крупные всемирно-исторические явления вообще нельзя так просто объяснять, и меньше всего их можно объяснять простыми, естественными условиями, хозяйственными и техническими отношениями.

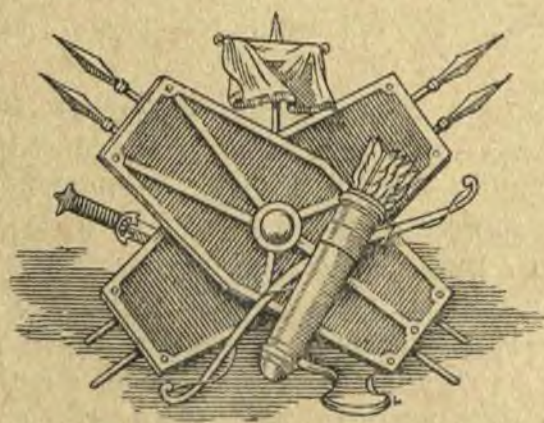
Не входя в специальный разбор статьи В. Эрбена «К истории каролингской организации военного дела» (W. Erben, «Zur Geschichte des Karolingischen Kriegwesens», «Historische Zeitschrift», Bd. 101, S. 321), я считаю возможным ограничиться указанием на то, что автор несколько уклонился от моей концепции и сам впал во внутреннее противоречие с самим собой. Полагая, что каролингское войско состояло, главным образом, из немецких крестьян (стр. 330), он в то же время (стр. 333) считает, что действительная эффективность всеобщего призыва могла сильно отставать от буквального смысла законов и что нельзя точно определить ни числа крестьян, которые принимали участие в походах Карла Великого, ни той роли, которую они играли наряду с выступавшими вместе с ними вассалами, под начальством которых они находились. Автор даже не поднимает вопроса о том, откуда появились «немецкие» крестьяне в романских областях, которые до включения Саксонии и Баварии в каролингское государство составляли, может быть, $\frac{5}{6}$ всего этого государства. Или, может быть, здесь имеется в виду призыв романо-кельтских крестьян, которые уже в течение многих столетий отвыкли от войны? Автор признает, что новым у меня

является лишь то, что я отношу к более раннему времени и иначе мотивирую и без того общеизвестный факт превращения повинности личной службы в налоговую повинность. Далее, он признает, что эта другая мотивировка является более правильной. Наконец, он считает, что военному специалисту трудно и даже, «может быть, невозможно» (стр. 330) составить себе представление о сущности и результатах каролингского «народного призыва» и о «крестьянских войсках». И несмотря на все это, должно остаться в силе буквальное истолкование капитуляриев, так как (стр. 334) «столь компетентное в делах войны и управления мнение правителя (Карла) и двора, лежавшее в основе капитуляриев, сильно перевешивает все сомнения современной объективной критики». Это опять то, что я уже раньше однажды назвал «теологической филологией» (т. I, стр. 330) «Я верю, хотя это и невероятно» (*Credo, qui absurdum*).

Наконец, мне кажется очевидным, что автор использовал не целиком, но лишь частично мою «Историю военного искусства». Им не использована глава о норманнской организации военного дела в Англии и о капитуляриях этих королей, которые имеют столь большое значение для правильного истолкования каролингских капитуляриев (см. т. III моего труда).

В конце концов автор объявляет, что он в целом согласен со следующими частями моей книги (стр. 334). Но я не вижу, каким образом он может быть со мною согласен, не впадая в противоречие с самим собой, так как я считаю невозможным, чтобы тот, кто действительно усвоил мою концепцию рыцарства, его военного характера и ценности, мог бы еще видеть крестьян в призывных контингентах Карла Великого.

Фер в своей работе «Военные законы о крестьянах в Средние века» (*Fehr, «D. Waffenrecht der Bauern im Mittelalter», «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Band 35, Germ. Abt., S. 118*) присоединяется к Эрбену и думает, что он усиливает его аргументацию указанием на капитулярий 811 г. (Боретиус, I, 165, сар. 5), в котором содержится жалоба на то, что более бедные (*pauperiores*) призываются, а зажиточные оставляются дома. Эти более бедные (*pauperiores*), по мнению автора, являются мелкими крестьянами. Почему крестьянами? В военном сословии также имеются и богатые и бедные. К тому же мне кажется, что я доказал смысл слова «*populus*» (народ), которое здесь означает не всю массу народа, но военный люд.



СПРАВОЧНЫЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НЕКОТОРЫХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

встречающихся в тексте II тома труда Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории»

А

Марк Аврелий Антонин (121—180 н. э.) — римский император, происходил из знатной испанской семьи и был усыновлен императором Антонином Пием. Вел длительную войну с парфянами, окончившуюся завоеванием Месопотамии, Селевкии и Ктезифона, и войну с маркоманами с целью укрепления дунайской границы. Ему принадлежит интересное философско-литературное произведение «К самому себе», сильно проникнутое идеями стоической философии.

Аврелиан Люций Домиций (213—275 н. э.) — римский император. Из простого солдата возвысился благодаря своим военным дарованиям до высших военных должностей, и войско провозгласило его императором. Блестящий полководец, он в течение всего царствования вел удачные войны: прогнал за Дунай готов, отразил нападение алеманнов и, укрепив дунайскую и рейнскую границы, двинулся на Восток, где разбил Зеновию Пальмирскую. Был убит во время своего похода в Парфию.

Аврелий Виктор — римский историк IV в. н. э. При императоре Юлиане занимал должность наместника Паннонии, а при Феодосии был префектом. Из приписываемых ему сочинений несомненно подлинно только одно — «О цезарях», написанное около 300 г. и содержащее краткую историю императоров до Константина.

Август Кай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.) — внучатный племянник Цезаря, им усыновленный, первый римский император, организовавший Римскую империю на основе компромисса старых республиканских начал и новой идеи единой державы. Ограничил власть сената, разделив провинции на сенатские и императорские. Провел ряд мероприятий по организации войска и военного дела.

Агаций (или Агафий) (536—582 н. э.) — древнегреческий поэт и историк, живший в Константинополе. Из произведений Агация сохранились часть стихотворного сборника и полная история нескольких лет царствования Юстиниана Великого (553—558).

Агнаты — в римском праве члены семьи, связанные общей властью домовладыки. Они остаются агнатами и после смерти домовладыки и теряют это качество, если выходят из семьи при жизни домовладыки. К агнатам могут принадлежать как родственники, происходящие по мужской линии от общего родоначальника, так и искусственно введенные в семью, путем усыновления. В современном праве агнатами вообще называются родственники по мужской линии.

Агрикола Гней Юлий (39—93 н. э.) — римский полководец. При Веспасиане командовал легионом в Британии и был назначен наместником Аквитании, а затем Британии. Он умиротворил Британию и содействовал ее романизации.

распространив римское владычество вплоть до нынешней Шотландии. Его биографию написал его зять, историк Тацит.

Адриан Публий Элий (76—138 н. э.) — римский император, сын римского сенатора из Испании, родственник Траяна, им усыновленный.

Акведук — древнеримский водопровод, при помощи которого вода по искусственному ложу протекала над землей из одного места в другое.

Аланы — племя кочевых наездников, принадлежавшее к сарматам и занимавшее равнины Сев. Кавказа вплоть до Дона. В 375 г. были покорены гуннами. Часть аланов в 410 г. проникла вместе со свевами и вандалами в Испанию и осела в Португалии, но под напором вестготов принуждена была вместе с вандалами перебраться в Африку.

Аларих I (370—410) — вестготский король из рода балтов. После смерти Феодосия Великого стал во главе своего племени, поселенного в 375 г. на Балканском полуострове, и начал войну с Восточной римской империей. Император Аркадий уступил вестготам Иллирию, откуда они по его приказанию вторглись в Италию. Аларих трижды предпринимал поход в Италию и три раза осаждал Рим. В 410 г. он взял Рим и жестоко его разграбил.

Александр Север (208—235 н. э.) — римский император, родившийся в Финикии и провозглашенный императором в 222 г. Вел удачную войну с персидским царем Артаксерксом (232—233). Во время движения к Рейну для укрепления границ был убит восставшими солдатами у Майнца.

Алкиной — одно из действующих лиц в древнегреческой эпической поэме Гомера «Одиссея», царь феаков, внук Посейдона, отец Навзикая, жил на о. Схерии. Когда Одиссей потерпел кораблекрушение, Алкиной принял его очень радушно и отправил на родину.

Амаласунта (498—535 н. э.) — дочь остготского короля Теодориха, жена Евтариха. После смерти Теодориха в 526 г. стала править за своего малолетнего сына Аталариха, покровительствуя

римскому населению и энергично вводя римскую культуру. Ее начинания встретили резкий отпор со стороны остготской знати. Когда Аталарих умер, Амаласунта вышла замуж за Теодата и сделала его своим соправителем, но вскоре была убита по его приказанию.

Амброны — древнегерманское племя, жившее первоначально на западном побережье Шлезвига. Название их сохранилось в названии о. Amrum (Ambrum). Упоминаются у Ливия и Страбона.

Аммиан Марцеллин — римский историк эпохи упадка, живший между 330 и 400 гг. н. э. во времена императоров Валента и Валентиниана. Принимал участие в походах против персов и алеманнов и оставил исторический труд под заглавием «*Regum Gestarum Libri 31*». Из этих 31 книг «Истории» сохранилось только 18.

Ампсиварии, или **амсиварии** («жители Эмса»), — древнегерманское племя, принадлежавшее к ингвемонам и жившее к востоку от фризов на Нижнем Эмсе. Впоследствии были отсюда вытеснены хавками и в 58 г. переселились в район Нижнего Рейна, между Липпой и Исселем.

Анастасий I — византийский император; занял престол в 491 г. в качестве мужа вдовы императора Зенона. Только после упорной борьбы ему удалось подавить восстание Лонгина, брата Зенона. В его царствование снова началась война с Персией, которая длилась до 505 г. Построил для защиты Константинополя ряд крепостей между Мраморным и Черным морями.

Ангриварии — древнегерманское племя, жившее между херусками и хаттами, дулгубниями и хазуариями в низовьях Везера по обоим его берегам, в Ангерланде, откуда и происходит их название. Согласно Тациту, они заняли часть страны бруктеров, на что указывает название вестфальского округа Ангерон. После великого переселения народов, под именем ангров, живших между Ост- и Вестфалией в области херусков, присоединились к саксонскому союзу. Были покорены Карлом Великим.

Антиох III Великий (242—187 до н. э.) — сирийский царь из рода Селевкидов. Вел войну с Римом и был окончательно разбит Сципионом в 190 г.

Антонин Пий (86—161 н. э.) — римский император. Был усыновлен Адрианом и в 136 г. вступил на престол.

Антоний Марк (83—31 до н. э.) — римский полководец, участвовавший в походах Цезаря и выдвинутый им на высшие государственные должности. После смерти Цезаря занял первое место в Римской республике, но вскоре был вынужден разделить свою власть с Октавианом и Лепидом, образовав верховную тройку — триумvirат. Получил в свое управление Восток. В 31 г. был разбит Октавианом в сражении при Акциуме и покончил самоубийством.

Арбогаст — римский полководец франк по происхождению, живший в IV в. н. э. Занимал преобладающее положение при Валентиниане II и после его смерти возвел на престол императорского канцлера Евгения, но фактически продолжал сам править государством. После победы восточноримского императора Феодосия над Евгением Арбогаст покончил самоубийством.

Арей — бог войны по верованиям древних греков; у римлян ему соответствовал Марс.

Ариане — последователи священника Ария, жившего в IV в. в Александрии. Учение Ария было признано еретическим на Никейском соборе в 325 г.

Ариовист — князь свевов, который в 71 г. перешел со своим войском через Рейн и организовал крупное галло-германское государство. В 70—60-х гг. до н. э. Рим вел с ним длительные переговоры, в результате которых римский сенат дал ему титул «короля и друга римского народа».

Аристотель (384—322 до н. э.) — греческий философ и естествоиспытатель, основатель школы перипатетиков. Его научная деятельность была построена на тщательном исследовании явлений природы, на собирании и систематизации эмпирических фактов. В его философских трудах заложены основы дедук-

тивной формальной логики. Из его сочинений дошли до нас: «Категории», «Метафизика», «Этика», «Политика», «Поэтика».

Арминий (Герман) (17 до н. э. — 19 н. э.) — предводитель германского племени херусков; служил в римских легионах, но затем вернулся на родину и встал во главе коалиции германских племен, поднявшихся для борьбы с Римом. В 9 г. н. э. германцы под предводительством Арминия одержали большую победу над римским полководцем Варом в сражении в Тевтобургском лесу. В 16 г. н. э. Германик одержал ряд побед над Арминием. Арминий пал жертвой заговора.

Арриан Флавий (ок. 95 г. — 180 н. э.) — греческий писатель, ученик и друг стоического философа Эпиктета, занимавший крупные государственные должности при императоре Адриане. Ему принадлежат философские труды, излагающие этику стоиков, историческое произведение «Анабазис», излагающее историю походов Александра Великого, географическое описание Индии, трактаты об охоте и тактике и другие сочинения.

Асклепиодот — древнегреческий военный писатель, написавший около 50 г. н. э. военный трактат по тактике.

Атаульф — король вестготов, шурин Алариха, которому он наследовал в 410 г. В 412 г. завоевал Галлию. Был женат на сестре императора Гонория Плацидии. В 415 г. был убит в Барселоне.

Аттила (Этцель германских сказаний) — король гуннов, прозванный «бичом божьим», объединивший под своей властью гуннов, сарматские и германские племена. Столица его государства, занимавшего все пространство между Волгой и Германией, находилась в верхней Венгрии, близ Токая. В 447 г. император Феодосий II стал платить Аттиле дань. В 450 г., когда Валентиниан II отказал ему в руке своей сестры, Аттила двинулся на запад и проник уже в Галлию но у Труа, на Кatalaунских полях, в 451 г. был разбит войсками Аэция и Теодориха. В 452 г. Аттила

напал на Италию, разрушил Аквилею, но внезапно отступил, после того как папа Лев I уплатил ему большую дань. Умер в 453 г. в Паннонии.

Аякс Теламон — один из героев греческой мифологии, участвовавший в Троянской войне. Трагическое самоубийство Аякса изображено в одной из трагедий Софокла.

Аэций (395—454) — римский полководец, последний храбрый защитник Западной римской империи. Вел удачные войны с вестготами, франками и ютунгами и почти в течение 20 лет управлял Западной римской империей.

Б

Баррит или **бардит** — военный клич или песня древних германцев. Тацит указывает на значение бардита, причем, как показал Норден, это указание восходит через Цицерона к Посидонию.

Батавы — «лучшие люди», древнегерманское племя, родственное хаттам, населявшее в начале н. э. часть нынешних Нидерландов. Друз добился дружбы батавов и сделал их союзниками Рима. Во время борьбы Вителлия за римский престол (69—70 н. э.) батавы восстали против римлян, но затем снова возобновили союз и до середины IV в. оказывали Риму много услуг, причем многие батавы служили в римской армии. Батавы были освобождены от всяких поборов и налогов и обязаны были выставлять только вспомогательные отряды. Особенно славились батавы своей конницей. В течение IV в. большей частью страны батавов овладели салические франки. «Остров батавов», т. е. страна между Рейном, Ваалом и Маасом упоминается уже у Цезаря.

Бауманн О. (1864—1899) — немецкий путешественник; сопровождал О. Ленца до водопадов Стэнли, на обратном пути произвел картографическую съемку р. Конго и исследовал о. Фернандо По. В 1858 г. вместе с Г. Мейером, а в 1890 и 1892 гг. самостоятельно объездил германские владения в Восточной Африке. В 1896 г. назначен австрийским консулом в Занзибаре. Написал ряд сочинений, посвященных Африке.

Бедриак (сражения 69 г.) — деревня по дороге из Кремоны в Мантую около теперешнего Кальватоне, где в 69 г. произошли два сражения между претендентами на римский императорский престол. Весной Вителлий здесь разбил Оттона, который на месте своего поражения покончил жизнь самоубийством, а осенью на этом же месте Веспасиан разбил войска Вителлия.

Блюхер, князь Вальштадтский (1742—1819) — знаменитый прусский полководец. В 1760 г. поступил на прусскую службу и в 1793 г. отличился в войне против французов. Сражался с успехом при Люцене, Бауцене и Гайнау. В 1813 г. перешел через Эльбу при Вартебурге, победил Мармона при Менкерке и вступил в Лейпциг. В 1814 г. разбил Наполеона при Ла-Ротьере и при Лаоне и открыл союзникам путь на Париж. В 1815 г. Блюхер был разбит Наполеоном при Линьи, но 18 апреля, подоспев во-время на помощь к Веллингтону, решил победу союзников при Ватерлоо и 7 июля вторично вступил в Париж.

Бонифаций (680—755) — апостол Германии, происходивший из знатной англо-саксонской семьи. По поручению папы Григория VII отправился в 718 г. проповедывать евангелие в Германию, где основал много церквей и монастырей. Григорий VII возвел его в сан архиепископа и примаesa Германии.

Бруктеры («блестящие», от слова «берхт» — блестящий) — древнегерманское племя, делившееся на малых бруктеров, живших между Липпой и Эмсом, и больших бруктеров, живших к востоку от Верхнего Эмса. На востоке бруктеры граничили с херусками, а на юге — с марсами и хаттами. В древности бруктеры пользовались среди германцев известностью, как могучее племя; их пророчица Веледа пользовалась большой популярностью.

Бургунды — германское племя, жившее в начале н. э. в северо-восточной Германии между Одером и Вислой. Преследуемые гепидами, они покинули свое прежнее место жительства и в конце III в. утвердились в верховьях

Майна. В 413 г. они с разрешения римлян поселились на левом берегу Рейна и основали государство с главным городом Вормсом. В 436 г. они восстали, но были разбиты Аэцием и поселены в Савоие и здесь образовали новое государство. Король Гундобад издал два сборника законов: «Римский закон бургунов» и «Закон Гундобада».

В

Валент Флавий — римский император. В 364 г. был назначен императором Валентинианом соправителем и поставлен во главе Восточной римской империи. В 376 г. разрешил вестготам поселиться в Римской империи. В 377 г. вестготы подняли восстание против римлян, разграбили Фракию и Македонию и победили в 378 г. римское войско под Адрианополем. В этом сражении погиб сам Валент, командовавший лично римским войском.

Валентиниан I Флавий (321—375) — римский император. В 364 г. войско провозгласило его императором, но он удержал за собой лишь западную половину империи, уступив восточную своему брату Валенту. При нем было восстановлено римское господство в Британии и усмирено восстание мавров в Африке. Валентиниан I отогнал алеманнов от Галлии, отбросил их за Рейн и закрепил за Римом рейнскую границу. Так же успешно воевал он и с квадами на Дунае.

Валентиниан II (371—392) — римский император, получил от своего брата императора Грациана Италию и Иллирию, которыми правила за него его мать Юстина. В 383 г., по смерти Грациана, сделался императором, но удержал за собой Италию лишь благодаря поддержке императора Феодосия Великого.

Валерий Максим — римский историк I в. н. э., написавший исторический труд, посвященный императору Тиберию, под заглавием «Девять книг достопамятных событий и слов», с прибавлением 10-й книги о римских именах. Это сочинение является богатым сборником исторических анекдотов, но на-

писано напыщенным языком и страдает отсутствием критики источников.

Валленштейн, или Вальденштейн (1583—1634), — полководец, авантюрист, выдвинувшийся благодаря умелому соединению наемничества с кредитными операциями. Находился на службе у императора Рудольфа и имп. Фердинанда II; воевал против Густава-Адольфа.

Вангионы — «жители лугов»; восточногерманское племя, жившее к северу от неметов, в южной части нынешней Рейнской провинции, в районе Вормса. Присоединившись к свевам, они переселились вместе с ними на юг и сражались под начальством Ариовиста.

Вандалы — германское племя, первоначально жившее по среднему течению Одера и делившееся на две части: асдингов и силингов. Позднее они принадлежали к готскому союзу и принимали участие в набегах готов на Римскую империю. Вандалы, вторгшиеся в 277 г. в Галлию, были побеждены императором Пробом и переселены в Британию, а другая их часть перешла в Силезию, Моравию и Паннонию. В 407 г. главная часть вандалов переправилась через Рейн и через Галлию, перешла в Испанию, где она заняла среднюю и южную часть полуострова. В 428 г. вандалы под предводительством Гейзериха, пробившись к югу, а в 429 г. переправились в Африку, покорили Римскую Африку и образовали там сильную морскую державу. В 455 г. вандалы взяли и разграбили Рим, а в 468 г. уничтожили большой римский флот. После смерти Гейзериха в 477 г. государство вандалов постепенно слабеет, и, наконец, в 534 г. римский полководец Велизарий взял в плен последнего короля вандалов Гелимера и вернул Северную Африку Римской империи, уничтожив государство вандалов.

Варрон Марк Теренций (116—27 до н. э.) — знаменитый римский писатель, поражающий энциклопедичностью своих знаний и разносторонностью своего таланта. Варрон написал огромное количество сочинений (до 70 названий и 600 книг). До нас дошли лишь немно-

гие: «О сельском хозяйстве», «О латинском языке» и отрывки из «Менипповой сатиры». По своим взглядам, языку и стилю он является типичным представителем реакционного и архаизирующего течения в литературе.

Вегетий Флавий — древнеримский писатель, писавший о военном деле. Жил в конце IV в., при Валентиниане II. Самое значительное из его сочинений носит название «О военном деле пять книг» и составлено на основании трудов Катона Цензора, Корнелия Цельса, Фронтинна и Патерна и постановлений императоров Августа, Траяна и Адриана.

Веледа — пророчица; Тацит пишет, что при Веспасиане (69—79 н. э.) в Германии жила пророчица Веледа, которая весьма почиталась среди германцев и считалась ими богиней. Веледа принадлежала к племени бруктеров и играла некоторую политическую роль во время восстания Юлия Цивилия (69—71 н. э.).

Велизарий (505—565 н. э.) — византийский полководец при императоре Юстиниане I. За свои победы над персами (528—532) был назначен главнокомандующим римскими войсками на Востоке. Спас Юстиниану жизнь и корону во время мятежа Ники в Константинополе. Разбил вандалов в Африке (534), успешно воевал против вестготов в Италии (536—540) и вторично против персов (541). В 548 г. был отозван в Константинополь, а в 549 г. разбил болгар.

Веллей Патеркул — римский историк, родился около 19 г. до н. э. Сопровождал императора Тиберия в его походах в качестве начальника конницы. В 30 г. составил по хорошим источникам очерк римской истории под заглавием «*Historiae Romanae ad M. Vinicium libri II*», дошедший до нас в отрывках.

Верцингеторикс — галльский вождь, ставший в 52 г. до н. э. во главе восстания против римлян. Сначала ему удалось поколебать римскую власть в Галлии, но потом, осажденный Юлием Цезарем в Алезии, он был вынужден сдаться и был казнен в 46 г. до н. э.

Вестготы, или **тервинги**, — одна из двух ветвей великого германского пле-

мени готов, которое, вероятно, около III в. разделилось на две части. Вестготы сперва заняли Дакию, но затем под натиском гуннов вступили в Римскую империю (376). В 378 г. в сражении при Адрианополе разбили римское войско во главе с Валентом. В 410 г. под предводительством Алариха вторглись в Италию и разграбили Рим. В 419 г. император Гонорий уступил вестготам Аквитанию, где они образовали свое королевство. В V в. вестготы завоевали почти весь Пиренейский полуостров и раздвинули границы государства до Луары и Роны. Вестготское королевство пало при короле Родрихе, который был разбит арабами при Херес-де-ла-Франтере в 711 г.

Веспасиан Тит Флавий (9—79 н. э.) — римский император, происходивший из простой семьи и последовательно занимавший должность военного трибуна, квестора, эдила, претора, консула и наместника в Африке. В 67—69 гг. он подчинил римской власти всю Иудею. В 69 г. египетскими легионами был провозглашен императором. Закончил британскую войну и посвятил все свои силы восстановлению порядка в стране и укреплению финансов.

Ветераны — так назывались у римлян солдаты, выслужившие срок действительной службы в легионах, но еще не получившие окончательной отставки. В случае необходимости они могли опять быть призваны в войска. При выходе в запас они получали гражданские права, если прежде таковых не имели, освобождались от общественных повинностей и награждались денежными пособиями, а в позднейшее время почетными правами декуррионов и участками земли. Сулла первый стал дарить ветеранам захваченные им враждебные ему города, чем и положил начало образованию военных колоний.

Викарий, или **подпрефект**, — административное лицо, стоявшее во главе диоцеза.

Виктор из Виты (Victor Vitensis) — латинский церковный писатель V в., родом из Виты в Африке; вероятно, был служителем религиозного культа

в Карфагене. Ему принадлежит история преследований африканской церкви вандалами-арианами при Гейзерихе и Гунарихе, написанная около 488 г.

Вира, или **вергельд**, — уголовный штраф при убийстве или увечьи в пользу князя или короля как представителя общественной власти.

Виргилий Публий Марон (70—19 до н. э.) — знаменитый римский поэт века Августа. Его главное поэтическое произведение «Энеида» является попыткой создания национального римского эпоса. Кроме того, Виргилию принадлежат «Буколики», в которых изображается пастушеская жизнь, и «Георгики» — большая дидактическая поэма, которая содержит описание всей техники сельского хозяйства.

Витигес — один из последних остготских королей, правивший в 536—539 гг. Во время войны с Византией безуспешно осаждал Веллария в Риме, а осажденный в свою очередь в Равенне, сдался, был взят в плен и осыпан почестями со стороны Юстиниана.

Витрувий — римский архитектор и инженер, живший при Цезаре и Августе. Сопровождал Цезаря в походах в качестве инженера, строителя военных машин и начальника строительной части. Из написанного им труда «Об архитектуре» до нас дошло семь первых книг и часть девятой. Витрувий в своей работе использовал как свой личный опыт, так и труды греческих авторов. Витрувия в свою очередь использовал Плиний Старший.

Вульфилла (около 311—383 н. э.) — первый епископ готов, бывший до этого лектором в одной из христианских церквей в области вестготов. Организовал общину готов-христиан в Мезии. Перевел Библию на готский язык. Играл видную роль в церковной и даже политической жизни готского народа.

Г

Галера — гребное военное судно, употреблявшееся в древней Греции и в Риме.

Галлиен Публий Лициний — сын императора Валериана, римский император

(253—268). При нем империя постоянно подвергалась опустошительным набегам германских племен, причем многие полководцы объявили себя императорами.

Ганнибал (247—183 до н. э.) — карфагенский полководец, сын Гамилькара Барки. Свою военную карьеру начал в Испании, сражаясь против римлян под начальством своего отца и зятя Гасдрубала. В течение 16 лет вел упорную войну с Римом и совершил блестящий поход через Альпы в Италию, нанеся римлянам ряд тяжелых поражений. Однако, эта война окончилась для него неудачей, и он принужден был вернуться в Африку, где и потерпел поражение в сражении при Заме, будучи разбит Сципионом. Чтобы не попасть в руки римлян, бежал в Сирию, затем в Вифинию, где и отравился.

Гаруды — древнегерманское племя, жившее на западном побережье Ютландского полуострова. Часть из них вошла в состав войска Ариовиста.

Гейзерих — король вандалов (427—477 н. э.), при котором они из Испании вторглись в Африку.

Гелиогабал (204—222 н. э.) — римский император, правивший с 218 по 222 г. Находился в близком родстве с императором Каракаллой и до своего восшествия на императорский престол жил в Эмезе в Сирии, где был главным жрецом солнечного божества Эл-Габала. Возведенный на престол солдатами под именем Марка Аврелия Антонина, он сделал попытку ввести в Риме официальный культ сирийского солнечного божества. В 222 г. был убит преторианскими солдатами.

Гельветии — кельтское племя, которое в 400 г. до н. э. покинуло Галлию и вторглось в Южную Германию. Согласно Тациту, область их расселения ограничивалась в древности Рейном, Майном и Геркинским лесом. В течение II и III вв. до н. э., теснимые германцами, они принуждены были ограничиться для своих поселений лишь районом западной Швейцарии, где они, согласно Цезарю, жили между Рейном, Юрой, Женевским озером и Роной.

Впоследствии они опять продвинулись на север и распространились от Боденского озера до Дуная. В 58 г. до н. э. они двинулись в Галлию, но были отброшены Цезарем. С тех пор их страна начинает постепенно подпадать под римское культурное влияние и постепенно оккупироваться римлянами. Как племя гельветии совершенно исчезают с конца I в. н. э.

Гений императора — по верованиям древних римлян, бог-покровитель императора, в честь которого ставились многочисленные статуи. При Августе во всех 14 частях Рима стояли статуи его гения. Культ гения императора, явившись под восточным влиянием, отражает попытку правящей аристократии укрепить свое господство посредством обоготворения носителя высшей власти.

Геркулес — латинская форма имени наиболее популярного героя древнегреческой мифологии. Вся жизнь Геркулеса рисуется как цепь сплетающихся воедино сверхчеловеческих подвигов и страданий. Культ Геркулеса — полубога и героя с оттенком солнечного божества — был широко распространен во всем древнем мире.

Германик (15 до н. э. — 19 н. э.) римский полководец, племянник императора Тиберия, усыновленный им по требованию Августа. После разгрома Вара в Тевтобургском лесу в 11 г. н. э. совершил несколько походов за Рейн. В 14—16 гг. опять перешел через Рейн, проник вглубь Германии, разбил предводителя херусков Арминия, захватил его жену Туснельду и похоронил останки войск Вара. После ряда успехов, одержанных над германцами, был отозван Тиберием, который боялся его популярности и ему завидовал, и отправлен им на Восток. Его сын Калигула впоследствии занял императорский престол.

Герон Александрийский — жил, вероятно, в первой половине I в. до н. э. Его физико-геодезический труд, дошедший в отрывках, долго служил в качестве учебника. Он изобрел золипил, гелиостат, геронов шар и геронов фонтан. Особенный интерес представляют автоматы Герона, в которых он приме-

нял бесконечные винты, рычаги, блоки, зубчатые колеса и действие пара. Среди автоматов следует отметить храмовую кропильницу, движущуюся и свистящую птицу, дорожный таксометр и прототурбину (золипил).

Геродиан (170—241 н. э.) — древнегреческий историк родом из Александрии, но живший в Риме. Им написана на греческом языке история Римской империи от смерти Антонина до Гордиана III.

Геродот (ок. 484—425 до н. э.) — древнегреческий историк, родившийся в Галикарнасе, но изгнанный из своего родного города за участие в борьбе против тирании. Много путешествовал по Передней Азии, Египту, о-вам Эгейского моря, берегам Черного моря и по европейской Греции. Долго жил в Афинах и вращался в кружке Перикла. Получил прозвание «отца истории», ибо его «История» является одним из древнейших сохранившихся трудов в греческой историографии. В нем дается картина взаимоотношений и борьбы греческого и варварского миров, — в частности Греко-персидских войн. Исторические факты перемешиваются у Геродота с географическими и этнографическими описаниями и с чисто беллетристическими историческими анекдотами, которым автор подчас сам не придает никакой веры.

Герулы — древнегерманский народ, первоначально живший в южной Ютландии. Вместе с готами совершали набеги на Восточную римскую империю и были союзниками гуннов. Принимали участие в событиях, сопровождавших свержение Ромула Августула. В V в. основали независимое государство в бассейне Эльбы. Разбитые в начале VI в. лангобардами, переселились частью в Швейцарию, частью к югу от Дуная. Со второй половины VI в. название этого народа более не встречается.

Гигин — латинский писатель I в. н. э. Автор «Басен», ценных тем, что автор пользовался несохранившимися греческими источниками. Кроме того, Гигину приписывается трактат «Об астрономии».

Однако, принадлежность этих произведений Гигину оспаривается.

Гипасписты — в древнегреческом войске так назывались оруженосцы из рабов, которые во время похода несли щиты своих господ, иногда шлемы, часть багажа и продукты на три дня. В македонском войске времен Александра Великого гипасписты составляли легкий отряд пехоты, сопровождавший царя и его свиту. Они были вооружены щитом и коротким копьем и одеты в короткие хитоны и меховые шапочки.

Гонорий Флавий (384—423 н. э.) — первый император Западной римской империи, сын Феодосия I. Получил при разделе империи Италию, Галлию, Британию, Испанию, Африку, Далмацию, Норик, Паннонию и Рецию. Опекуном Гонория был Стилихон, который успешно отразил нашествия вестготов, свевов, аланов и бургундов (401—406). После смерти Стилихона вестготам удалось взять Рим и опустошить большую часть Италии, что нанесло тяжелый удар слабой Западной римской империи и слабому императору.

Гоплиты — древнегреческие тяжело-вооруженные пехотинцы. Их предохранительное вооружение состояло из щита, шлема, панцыря, набедренников, а наступательное — из копья в 7—9 футов длины и короткого меча.

Готы — древнегерманское племя, жившее в I в. н. э. у южных берегов Балтийского моря. Во II в. н. э. их полчища, под влиянием недостатка средств к существованию, двинулись на юг, к Карпатам и к Дунаю. Здесь они основали свое государство, которому подчинилось большинство соседних германских и сарматских племен. Отсюда с начала III в. готы предпринимали набеги на римские области, а в 251 г. захватили Фракию и Мезию и нанесли жестокое поражение императору Декцию. В 270 г. император Клавдий нанес им поражение, а император Аврелиан уступил им Дакию, после чего их набеги на Римскую империю стали более редкими. В 336 г. император Константин заключил с ними мир. Это время есть эпоха развития могущества готского царства

Германариха. Но в 370 г. это государство было сокрушено гуннами. После этого готский народ распадается на два крупных племени — остготов и вестготов. Остготы остаются под властью гунна Аттилы, а вестготы с разрешения императора переходят Дунай.

Грациан (359—383 н. э.) — римский император, старший сын Валентиниана I; наследовав западную часть империи, оставив младшему брату Валентиниану II Италию, он взял себе заальпийские области и вел удачную войну с алеманнами.

Григорий Турский (540—594 н. э.) — епископ г. Тура и франкский историк. Происходил из знатной галло-римской senatorской семьи, имевшей большое влияние в церковных католических сферах Галлии. Его главное произведение — «Десять книг церковной истории франков» — является важнейшим историческим источником Меровингской эпохи, написанным простой варварской латынью под церковно-католическим углом зрения. Помимо этого, он написал ряд агиографических и литургических произведений, проникнутых духом церковно-католической религиозной пропаганды, которая была предназначена для воздействия на широкие массы населения.

Гундобад — бургундский король, правивший с 473 по 516 г. н. э.

Гунтер — один из мифических героев древнегерманской эпической поэмы о Нибелунгах, бургундский король, брат Кримгильды и муж Брунгильды, побежденный Дитрихом Веронским и убитый по приказанию своей сестры Кримгильды, которая ему этим отомстила за смерть своего мужа Зигфрида.

Гуситы — последователи крупного чешского национального деятеля и религиозного реформатора Гуса (1369—1415), ведшего ожесточенную борьбу с немецким влиянием и с католической церковью в Чехии. Широкое национально-религиозное движение гуситства началось после сожжения Гуса на костре в 1415 г.

Густав-Адольф (1594—1632) — шведский король, сын Карла X, герой

Тридцатилетней войны, один из величайших европейских полководцев. В 1611 г. вступил на престол, в 1613 г. окончил войну с Данией и в 1617 г. заключил выгодный мир с Москвой. В 1621—1629 гг. вел удачную войну с Польшей, которая кончилась присоединением Ливонии и некоторых прусских городов. В 1630 г. принял участие в Тридцатилетней войне и одержал две блестящие победы над Тилли и Валленштейном.

Д

Дагобер—франкский король, последний выдающийся представитель дома Меровингов. В 626 г. стал королем Австразии, потом постепенно распространил свою власть на Нейстрию, Бургундию и Аквитанию. В 632 г. сосредоточил в своих руках все земли королевства франков, лежавшие к югу от Луары.

Декурион—в древнем Риме глава декурии, т. е. группы из 10 лиц. Декурион всадников—звание начальника 10 всадников, а затем вообще отряда всадников. Декурионами, или куриалами, назывались также члены сенатов (курий) в муниципиях и колониях Римской империи.

Денарий—серебряная римская монета, перешедшая впоследствии в Средние века. Согласно Плинию, денарии впервые были выпущены в 269 г. до н. э. Древнейшие римские денарии чеканились по весу и по типу древнегреческих драхм. Денарий, состоявший из 10 (позднее 16) ассов, весил сперва 4,55 г, позднее—3,9 г, а со времени Нерона—3,4 г.

Деций (201—251 н. э.)—римский император. Был сенатором при императоре Филиппе. Посланный в Мизию для восстановления порядка в войсках, был принужден по требованию войск принять в 249 г. титул императора. В 250—251 гг. вел в Мизии и Фракии войну с готами и был убит в сражении при Филиппополе.

Диодор Сицилийский—греческий историк, современник Юлия Цезаря и Августа. Ему принадлежит крупнейший

исторический труд («Библиотека»), написанный не ранее 21 г. до н. э. и включающий историю всех известных тогда стран и народов. 40 книг этого труда обнимали 1100 лет, от мифической эпохи до завоевания Галлии Юлием Цезарем. До нас дошли первые пять книг, где изложена история египтян, эфиопов, ассирийцев и древнейшая греческая история, а также 11-я—20-я книги с описанием Греко-персидских войн 480—323 гг. до н. э. У Фокиа сохранились выдержки из 31-й книги, в которой говорилось об эпохе гражданских войн в Риме до возвращения Помпея из Азии.

Диоклетиан (284—305 н. э.)—выдающийся римский император, происходивший из среды вольноотпущенников и прошедший длинную военную карьеру от солдата до императора. Вел ряд удачных войн с сарматами, сарацинами и в Египте, в результате чего восстановил мир в империи. Начиная с царствования Диоклетиана, власть императора становится абсолютной и неограниченной монархической властью, окончательно победившей авторитет сената. Крупнейшим делом Диоклетиана было проведение сложной реформы провинциального управления.

Дион Кассий (160—235 н. э.)—греческий историк. В 180 г. переселился в Рим, где был назначен сенатором, а при Александре Севере проконсулом Африки, императорским легатом в Далмации и Верхней Паннонии; в 229 г.—вторично консулом. Ему принадлежит «Римская история» в 80 книгах, которая обнимала историю Рима до царствования Александра Севера. До нас дошли с большими пропусками книги 36-я—60-я (686—800 гг. от основания Рима). Рассказ Диона о древнейших эпохах недостоверен; он более правдив лишь относительно более позднего времени.

Доместики (от латинского *domestici*—домашние)—со времени Константина Великого охранная стража римских императоров. Вместе с *protectores* и *scholares* доместики заменили преторианцев. Доместики обычно избирались из числа выслужившихся центурионов. Ими

командовал *primicipius*, или комит доместиков. Юстиниан довел число доместиков до 5 000.

Домициан (51—96 н. э.) — последний римский император из дома Флавиев и второй сын Веспасиана. В своей деятельности он вел систематическую борьбу с сенатом и аристократией, пожизненно приняв на себя цензуру сената и давая всадникам и вольноотпущенникам многие из высших должностей. Постепенно подготовлял замену принципата абсолютной монархией и для этой цели старался привлечь на свою сторону войско.

Домиций Агенобарб — в 16 г. до н. э. был консулом, в 10 г. — наместником Африки, а затем совершил удачный поход в Германию, проникнув вглубь страны дальше, чем все его предшественники. Умер в 25 г. н. э.

Друз Нерон Клавдий — сын Тиберия Клавдия Нерона и Ливии Друзиллы, брат императора Тиберия, род. в 38 г. до н. э. В 12 г. вместе с Тиберием вел победоносные войны с германцами, перешел Рейн и подчинил фризов. Затем в 11 г. разбил усипетов, сугамбров и херусков. В четвертую кампанию 9 г. проник до Эльбы, которая и осталась пределом распространения римской власти в Германии.

Е

Евнапий — историк и биограф V в. н. э. Ему принадлежат дошедшие до нас «Жизнеописания софистов» и продолженные хроники Дексиппа, обнимавшие историю императоров от Клавдия Готского до Гонория и Феодосия II (270—404). В его работах проскальзывает явная симпатия к Юлиану.

З

Зенон (474—491 н. э.) — византийский император, разрешивший Теодориху занять Италию и лишить престола Одоакра, что имело последствием основание остготского государства в Италии.

Зигфрид — один из важнейших героев древнегерманского эпоса, герой легенды о Нибелунгах. Мотив о подвигах Зигфрида был оформлен в области франков,

на Рейне, откуда он около VI в. перешел к другим германским народам, а также и в Скандинавию. Некоторые ученые видели в саге о Зигфриде отражение религиозного мифа о борьбе света с тьмой и отождествляли Зигфрида с богом света или грома. Другие же находили в этой легенде зерно исторической правды, считая, что Зигфрид — эпический образ Арминия.

Зосима — византийский историк, живший в Константинополе, вероятно, в середине V в. н. э. и занимавший высокие должности в финансовом ведомстве. Ему принадлежит «История Римской империи от Августа до 410 г. в 6 книгах», замечательная как по осведомленности автора, так и по основной идее, которая заключается в том, что христианство является причиной падения Римской империи.

И

Иовиан Флавий (332—364) — римский император; родился в Мезии, сопровождал императора Юлиана во время персидского похода в качестве начальника его телохранителей. После смерти Юлиана в 363 г. был провозглашен императором. Иовиан утвердил христианство в качестве государственной религии и отменил все декреты Юлиана, направленные против христианства.

Иордан (около 500—552 н. э.) — историк готы, по происхождению алан. Его исторические труды («*Romana*» и «*De rebus goticis*»), в которых излагается история готы до падения остготского королевства, хотя и являются не самостоятельными компиляциями, все же представляют собой важнейшие источники для истории готы.

Калигула Кай Цезарь (12—41 н. э.) — римский император, единственный из уцелевших детей Германика и Агриппины.

К

Канинефаты (может быть означает «предводители кораблей»; ср. древнегерманское слово «*капап*» — лодка) — древнегерманское племя, родственное батавам и жившее по соседству с ними. Это название сохранилось в названии

области Кеннемерланд, находящейся к западу от Зюдерзее.

Капитулярий — распоряжения каролингских королей, касавшиеся различных отраслей государственного управления, прототипом которых являются декреты Меровингской эпохи. Особенно много капитуляриев было издано Карлом Великим, который при их помощи проводил свои реформы. Те капитулярии, которые имели особенно важное значение, издавались королем на народном собрании, в состав которого входили представители светской и церковной знати. Но большая часть капитуляриев выходила из личной канцелярии короля. Капитулярии служили для дополнения и развития обычного народного права и, кроме того, являлись инструкциями королевским послам, графам и управителям королевских имений. В 825 г. аббат Ансегиз составил систематический сборник капитуляриев.

Каракалла Марк Аврелий Север Антонин (186—217 н. э.) — римский император, сын Септимия Севера. Участвовал в британском походе 208 г. После смерти отца в 211 г. вступил на престол. В 212 г. издал закон о присвоении права римского гражданства всем жителям империи. В 213 г. совершил поход в Германию, а в 214 г. начал поход на Восток, стараясь подражать Александру Великому.

Карл Смелый (1433—1477) — герцог бургундский, сын Филиппа Доброго, один из самых ярких типов рыцарства конца Средних веков. Вел длительную борьбу с французским королем Людовиком XI, которая кончилась окончательным поражением Карла Смелого.

Карфаген — один из крупнейших городов древности, лежавший в Тунисском заливе на небольшом полуострове. По преданиям основан был финикийцами в IX в. до н. э. В VI в. отделился от своей метрополии — Тира — и образовал самостоятельное государство. С III в. начинаются войны между Римом и Карфагеном за преобладание в Средиземном море. Первая война Карфагена с Римом (264—241) окончилась поражением карфагенян при Эгатских

о-вах, что заставило их пойти на уступки Риму и отказаться от Сицилии. Вторая пуническая война также окончилась победой римлян, которые на этот раз принудили Карфаген отказаться от Испании. Третья пуническая война окончилась полной победой римлян и разрушением Карфагена Сципионом Африканским Младшим в 146 г. При Августе на месте Карфагена была построена римская колония. В 439 г. н. э. вновь отстроенный Карфаген был взят вандалами, в 533 г. Карфаген был взят полководцем Юстиниана Великим, а в 698 г. был взят и окончательно разрушен арабами.

Катапульта — военное орудие древних греков и римлян. В отличие от баллисты, катапульта имела меньшие размеры и была приспособлена для метания небольших камней и стрел в горизонтальном направлении.

Катон Старший Марк Порций (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель и писатель. Участвовал вместе со Сципионом Старшим в походе против Карфагена. В международной политике проводил идеи захватнического империализма и настаивал в сенате на полном разрушении Карфагена. Сохранилось сочинение Катона по сельскому хозяйству («De agricultura»).

Кимвры — древний германский народ, который вместе с тевтонами раньше других германских племен столкнулся с римлянами. Кимвры вышли из Ютландии, двинулись к Черному морю и на обратном пути прошли через Чехию на юг. В 113 г. до н. э. они в Норике разбили римлян, затем соединились у Рейна с тевтонами и затем в 109—105 гг. одержали ряд побед над римлянами. В 101 г. римский полководец Марий окончательно разбил войско кимвров.

«Киропедия» (или «Воспитание Кира») — дидактическое произведение Ксенофонта, род тенденциозного исторического романа; в нем описывается персидский царь Кир Старший, который изображается в виде образца хорошего правителя. Многие факты с исторической стороны изложены в этом сочинении неверно.

Клавдий Тиберий Нерон Германик (10 до н. э. — 54 н. э.) — сын Друза и дядя Калигулы. После смерти Калигулы в 41 г. был провозглашен императором. В целях замирения Галлии предпринял поход в Британию, который кончился покорением части Британии, укрепил принципат, положил начало императорской канцелярии и тем создал основу для императорской бюрократии. Увеличил число легионов и ввел строгую дисциплину в войсках.

Клаузевиц Карл, фон (1781—1831) — прусский генерал, участвовавший в наполеоновских войнах. Принимал ближайшее участие в предпринятом Шарнгорстом преобразовании немецкой армии. Считается одним из лучших теоретиков военного дела, который в ряде сочинений, анализирующих походы Наполеона и объединенных в трактате «*Vom Kriege*» («О войне»), впервые дал систематическое построение тактики и стратегии Наполеона.

Когорта — в древнеримской армии отряд пехоты (батальон). Со времен Мария легион состоял из 10 когорт, распадавшихся каждая на 6 центурий. Впоследствии начинают появляться и самостоятельные когорты, не входящие в легионы: когорты вспомогательных пограничных войск в 500—1 000 человек, городские, пожарные и преторианские когорты.

Кодекс Феодосия — первый законодательный сборник конституций римских императоров от Константина до Феодосия, изданных последним в 438 г. н. э.

Колумелла (1 в. н. э.) — древнеримский писатель, писавший по сельскому хозяйству. Его главный труд «*De re rustica*» (ок. 42) в 12 томах с приложением «*De arboribus*». В этой работе описываются земледельческие работы, разведение домашних животных, пчеловодство, древоводство — культура плодовых и лесных деревьев в питомниках, посадка и обрезка их.

Коммод Люций Элий Аврелий (161—197 н. э.) — римский император, сын Марка Аврелия и Фаустины. Вступил на престол в 180 г., был убит в 197 г.

Константин Великий — римский император, сын Констанция Хлора; родился после 280 г. н. э. В 306 г. был провозглашен императором, после чего начал борьбу со своими соправителями, которая кончилась в 325 г. его победой и установлением его единовластия. В своей политической деятельности опирался на христиан, разрешил открытое исповедание христианства (313), принял содержание христианского духовенства на свой счет, созвал Никейский собор в 325 г. и сам принимал в нем участие; наконец, перед своей смертью в 377 г. принял христианство. В 326 г. основал новую столицу Константинополь. Во внутренней политике продолжал деятельность Диоклетиана, окончательно разделив военное и гражданское управление.

Констанций II (317—361 н. э.) — римский император, второй сын Константина Великого, получивший после его смерти в управление Азию с Фракией, Константинополь и Египет. В 353 г., одержав победу над своими соперниками, объединил в своих руках всю Римскую империю. Проводил энергичную политику христианизации, искореняя язычество, и преследовал своего двоюродного брата Юлиана, правившего в Галлии.

Консулы — два древнеримских должностных лица, к которым перешла высшая власть в государстве после изгнания царей (509 до н. э.). Сперва консулы избирались исключительно из патрициев, с 342 г. одна вакансия стала предоставляться плебеям. Выборы консула производились на особом собрании (центуриатные комиции) под председательством консула или диктатора. Консулы сосредоточивали в своих руках военную и гражданскую власть. В императорскую эпоху за консулами было сохранено лишь право председательствования в сенате и в уголовных процессах. Постепенно звание консула превратилось в почетный титул.

Курия — первоначально в древнем Риме куриями назывались группы, на которые подразделялось патрицианское население и которые были основой

патрицианских собраний. Затем это название перешло на здания, в которых собирались высшие государственные учреждения, в том числе и сенат. Поэтому курией назывались как сенат, так и муниципальные собрания цензовых элементов провинциальных городов.

Ксенофонт (ок. 434—359 до н. э.) — греческий историк и философ, происшедший из богатой всаднической семьи в Афинах. В 401 г. поступил на службу к персидскому царю Киру Младшему. Руководил отступлением греческого войска из Персии. В Афинах был осужден за государственную измену и удален в Спарту, где получил от спартанцев в виде награды имение. Его главные труды:

1. «Поход Кира», где описывается неудачный поход Кира и возвращение 10 000 греков.

2. «О воспитании Кира».

3. «Греческая история», продолжающая историю Фукидида, доведенная до 362 г.

4. «Сократовские достопамятности», рисующие образ Сократа.

5. «Защита Сократа».

6. «Советы для начальника конницы».

7. «Советы для всадников».

Биография Ксенофонта написана Диогеном Лаэртским.

Л

Лаврион — горный хребет в Греции, в южной части Аттики, в котором находились древние весьма богатые серебряные рудники; в них в V в. до н. э. добывалось так много серебра, что афиняне даже хотели добытое там серебро разделить между всеми гражданами по 10 драхм на человека; однако, по совету Фемистокла, построили на эти деньги морские корабли (Геродот, VII, 144). Во времена Страбона эти рудники считались истощенными. Теперь в них снова добывается гальмей, серебряно-свинцовая руда и кадмий.

Лактанций — церковный писатель IV в., родившийся, вероятно, в Африке в языческой семье и получивший риторское образование. Приняв христианство,

написал несколько сочинений в защиту христианства.

Легаты — древнеримские посланники, избравшиеся, главным образом, из среды сенаторов и посылавшиеся в чужие страны. Легатами также назывались должностные лица, непосредственно состоявшие при полководцах и правителях провинций в качестве их помощников и заместителей. В императорскую эпоху к ним прибавились еще легаты, назначавшиеся императором в качестве наместников императорских провинций, а также «легаты легионов», т. е. начальники легионов.

Легион — древнеримская воинская часть, составлявшаяся по набору. В республиканскую эпоху ежегодно набираемые 4 легиона (2 для полевой и 2 для гарнизонной службы) содержали по 300 всадников и 4 200 пехотинцев. Основу легиона составляли 3 000 тяжеловооруженных пехотинцев, распадавшихся на 3 группы. Каждая группа состояла из 10 манипул, в свою очередь делившихся каждая на 2 центурии, которые находились под начальством центурионов, подчиненных военным трибунам (6 на один легион). При Марии (107 до н. э.) каждые три манипулы были соединены в одну когорту.

Леса и болота Германии. — Согласно мнению исследователя доисторической флоры Центральной Европы И. Гоопса, Центральная Европа в доисторическую и древнегерманскую эпоху не была сплошь покрыта лесами и болотами, а на ее территории находилось довольно много лугов и степей, что вполне соответствует словам Тацита «почва... плодородна для хлебных злаков» («Германия», гл. 5) («J. Hoops, Waldbäume und Kulturpflanzen im Germanischen Altertum», 1905, S. 97). См. А. Неусыхин, «Общественный строй древних германцев», Москва 1929 г., стр. 21).

Либаний (314—393 н. э.) — греческий историк и оратор, представитель младшей софистики, родом из Антиохии, ученик Зеновия. Пользовался уважением и занимал влиятельное положение при императорах Юлиане, Валенте и Феодо-

сии. Написал очень много школьных произведений, речей и писем.

Ливий (59 до н. э. — 17 н. э.) — крупнейший римский историк, автор громадной «Истории Рима» в 142 книгах, от прибытия троянцев в Италию и до смерти Друза, брата Тиберия. До нас дошли лишь 35 книг и краткое их изложение (Periochae), составленные Флором при императоре Адриане.

Ликторы — официальные служители высших древнеримских чиновников, перед которыми они несли фасции (пучок прутьев и топор). Консулы имели 12 ликторов, диктаторы — 24, городские преторы — 2, а провинциальные заместники — 6. Ликторы шли друг за другом перед чиновником, расчищали ему путь в толпе и следили за тем, чтобы ему оказывались надлежащие почести. Ликторы должны были приводить в исполнение наказания, согласно постановлениям высших чиновников.

Лукреций Тит (ок. 99—51 до н. э.) — древнеримский поэт, автор дидактической поэмы в стихах «О природе вещей», проникнутой идеями эпикуреизма.

Людвиг Немецкий (804—876 н. э.) — немецкий король, третий сын короля Людовика Благочестивого.

М

Маврикий — византийский император, родившийся в 539 г. в Каппадокии. Успешно защищал империю от персов и аваров. В 602 г. разразилось восстание в армии, посланной против аваров. Императором был провозглашен Фока, а Маврикий принужден был бежать, но был настигнут, возвращен в Константинополь и казнен.

Майордом, или **палатный мэр** — старейший сановник двора при франкской династии Меровингов. В VII в., когда пало значение Меровингов, майордомы постепенно превратились в главных правителей государства. Сначала майордомы назначались королем, а потом их стали выбирать вельможи из среды наиболее могущественной аристократии. После смерти короля Лотаря II (628) майордом Пипин Ланденский рас-

пространил свое влияние на все государство и укрепил должность майордома в своем роду.

Макрин — преторианский префект при Каракалле, в 217 г. убивший Каракаллу и провозглашенный императором. Был побежден войсками Гелиогабала и убит солдатами в 218 г.

Максимин Тракс — сын фракийского пастуха, принятый императором Септимием Севером в преторианскую гвардию. Достиг командования легионом и после убийства Александра Севера в 235 г. был провозглашен императором. Во время своего трехлетнего правления вел успешные войны с германцами и сарматами. Был убит своими солдатами во время войны со своими соперниками.

Максенций — римский император, сын Максимиана, в 306 г. н. э. был провозглашен преторианцами императором. Взял себе в соправители своего отца, который в 305 г. отрекся от престола, но затем поссорился с ним и заставил его бежать в Галлию. Начав войну со своим соправителем Константином Великим, Максенций был им разбит в сражении у Мальвийского моста, пытался спастись бегством, но утонул в Тибре в 312 г.

Максим — римский император, соратник Феодосия, избранный возмущившимися легионами в императоры Британии. Вторгся в Галлию и приказал убить императора Грациана. В 387 г. перешел через Альпы и изгнал Валентиниана II из Италии, но в 388 г. был побежден Феодосием и убит.

Марбод — вождь маркоманов, который в молодости прожил два года в Риме. Ознакомившись с римским военным делом и государственным управлением, он вернулся на родину, встал во главе своего народа и увел его с берегов Рейна и Майна в Богемию, где образовал центр сильного союза германских племен, границы которого доходили до Дуная. Он организовал войско по римскому образцу, чем вызвал опасения со стороны Рима. Вскоре маркоманский союз столкнулся с другим союзом германских племен во главе с херусками и их вождем Арминием. Это столкновение

ослабило маркоманов, так что Марбод должен был обратиться с просьбой о помощи к римлянам, которые в 23 г. захватили его в свои руки. Умер в 41 г. н. э. в Равенне.

Мардоний — персидский полководец, зять царя Дария; участвовал в подавлении восстания малоазиатских греков в 502 г. В 492 г. предпринял неудачный поход против Греции. При Ксерксе снова командовал персидскими войсками: во время похода персов в Грецию взял Афины, но был разбит и погиб сам в сражении при Платее.

Марий (156 — 86 до н. э.) — первый в ряду римских полководцев, которые постепенно привели Римскую республику к монархии, опираясь на преданное войско. Начал службу при Сципионе Младшем в Испании. В 119 г. был народным трибуном, а в 116 г., будучи претором, провел военную реформу в наборе рекрут, начав вербовать войска из среды бедняков, не записанных ни в один из имущественных разрядов и лишенных права носить оружие. В 112—107 гг. вел войну с нумидийцами и одержал победу над Югуртой. В 102—101 гг. победоносно отразил нашествие кимвров и тевтонов, грозивших Риму.

Маркоманы — «люди марки» (т. е. границы), германское племя, жившее сперва по Рейну, Неккару и Майну и входившее в союз свевских племен. Около начала н. э. их вождь Марбод перевел их в Богемию и организовал там большой союз германских племен.

После Марбода маркоманы вели длительные войны с Римом, в 88 г. н. э. разбили императора Домициана, но затем были побеждены императором Траяном и Адрианом. Со II в. они вместе с другими германскими и сарматскими племенами начинают нападать на римскую границу. Марк Аврелий принужден был вести с ними длительную войну, которая кончилась лишь при его сыне Коммоде. В III в. они еще воевали с римлянами, а в IV в. сведения о них прекращаются.

Марс — наряду с Юпитером — главное божество древнеиталийских народов. У римлян считался родоначальником

римского народа, богом весны и войны. В Риме ему была посвящена площадь на левом берегу Тибра — Марсово поле. Император Август построил ему в Риме пышный храм.

Марсы («отражающие») — древнегерманское племя, жившее между р. Верхний Рур и р. Верхняя Липпе и разгромленное войсками Германика.

Минерва — италийская богиня ремесел, наук и искусств, в частности — военного искусства. Культ ее более позднего происхождения, чем культ Юпитера и Марса.

Митридат Великий Евпатор (Дионис) (132 — 63 до н. э.) — понтийский царь, подчинивший себе Колхиду, Херсонес Таврический и скифские племена и основавший Босфорское царство. Вел ряд войн с Римом. Потерпев ряд поражений от римских войск, находившихся под начальством Суллы, Лукулла и Помпея, он покончил самоубийством в 63 г.

Н

Нарсес — византийский полководец, живший при императоре Юстиниане, арианин и евнух. Участвовал в персидской войне, а затем в 538 г. был послан в Италию с войском, чтобы оказать помощь Велизария в его войне с остготами. В 539 г. был отозван из Италии, а в 552 г. снова послан туда с большим войском. Разбил остготского короля Тотилу близ Губбио, взял Рим, в 553 г. снова разбил готов и готского короля Тейю, в 554 г. разбил франков и алеманнов при Казилина, подчинил Византии всю Италию и был сделан экзархом Италии. Лишенный в 567 г. этой должности Юстином II, он вскоре умер.

Неметы (от древнегерманского слова «немида» — священный луг или лес) — древнегерманское племя из союза свевов, жившее на левом берегу Рейна, в районе Шпейера.

Нервин — древнегерманское племя, жившее в нынешней Бельгии и Северной Франции, между Шельдой и Масом, а также на реке Самбре; подверглось кельтизации, восприняв кельтский язык и кельтскую культуру. Во время

войны белгов с Цезарем отчаянно сопротивлялось римлянам, но было почти уничтожено ими в 57 г. до н. э.

Нерон (37 — 68 н. э.) — римский император, сын Домиция Агенобарба и Агриппины Младшей, усыновленный императором Клавдием.

Нибелунги — название сказочного народа («дети тьмы»), жившего на берегах Рейна и давшего название легенде о Нибелунгах, вероятно, франкского происхождения. Эта легенда сплетена из сказочных элементов и искаженных исторических фактов. Главный герой ее, Зигфрид, убив дракона, который стерег проклятое богами «золото Рейна», становится владельцем этого рокового сокровища, женится на спавшей в огненном замке Брунгильде, покидает ее и подвергается с ее стороны мести. «Песнь о Нибелунгах», записанная в XII в., была сложена на несколько столетий раньше и носит на себе отпечаток христианства и феодального строя.

Никифор Каллист Ксаперопул (1350—1362) — патриарх Константинопольский, автор «Каталога константинопольских императоров и патриархов» и «Церковной истории от рождения христового до 610 г.», особенно важной для эпохи Юстина и Юстиниана.

Notitia dignitatum tam civilium quam militarium in partibus orientis et occidentis — «Список должностных лиц, как гражданских, так и военных, в областях восточных и западных» Римской империи — нечто вроде имперского альманаха, составленного в первые годы V века н. э., важнейший исторический источник для характеристики административного управления Римской империи V в.

О

Одоакр — германский вождь из племени ругиев или спирев, живших в долине Дуная. В 476 г. был германскими наемниками провозглашен королем. Победил при Павии Ореста и заставил отказаться от власти императора Ромула Августула. Византийский император Зенон возвел Одоакра в сан патриция и признал его своим наместником в Италии. В 482 г. Одоакр покорил Далмацию,

а в 487—488 гг. победил ругиев. В 489—490 гг. был разбит дважды Теодорихом и убит им в 493 г.

Олимпиодор — писатель эпохи Гонория, историк, родом из египетских Фив; приближенный императора Гонория, написавший исторический труд по истории Западной империи с 407 по 425 г.

Орозий Павел — римский историк V в. н. э., родился около 390 г. в Испании и был священником. Главное его произведение — «Семь книг истории против язычников», в котором дается история человечества от сотворения мира до 410 г. н. э. и которое, по мысли автора, должно было доказать, что упадок Римской империи не является результатом отпадения от язычества.

П

Павел Диакон (ок. 720 — 800 н. э.) — лангобард, средневековый историк, получил хорошее образование, так как знал греческий язык. Приглашенный Карлом Великим, жил при его дворе и был одним из деятелей «каролингского возрождения». Составил «Историю лангобардского народа», где наряду с историческими фактами собрал также и древнейшие сказания и предания лангобардов. Кроме того, написал ряд исторических, богословских и стихотворных произведений.

Павзаний — древнегреческий путешественник и писатель II в. н. э., родился в Малой Азии. Ему принадлежит «Описание Эллады» в 10 книгах, в которых содержится множество исторических, историко-религиозных и фольклористических сведений, а также множество описаний памятников искусства и старины.

Пельтасты — древнегреческие воины, вооруженные небольшими щитами, которые обладали преимуществом как тяжеловооруженных, так и легковооруженных воинов и потому могли участвовать и в боевых действиях на расстоянии, и в рукопашном бою. Вооружением пельтастов (кольчуга, щит, копье и меч) обычно пользовались наемные отряды.

Переписка Траяна с Плинием Младшим, который по поручению Траяна управлял Вифинией в 111—113 гг., свидетельствует о вдумчивости, справедливости и той большой заботливости, которую проявлял Траян в деле управления провинциями.

Пертинакс — первый римский император из среды вольноотпущенников, возведенный на престол в 193 г. н. э. после убийства Коммода. В течение своего 81-дневного правления отделил личную собственность императора от императорского фиска, роздал покинутые земли лицам, желавшим пользоваться ими на условиях их обработки и освобождения от налогов в течение 10 лет, и усилил дисциплину в преторианской гвардии.

Песценний Нигер — римский император, провозглашенный сирийскими легионами после смерти императора Пертинакса. Признанный императором на Востоке и в Греции, он был побежден Септимием Севером и погиб в 194 г. н. э.

Плебс («толпа») — так называлась в древнем Риме вся масса населения, не пользовавшаяся первоначально полными гражданскими правами и противопоставлявшаяся полноправным гражданам (патрициям). В 336 г. до н. э. плебеи были уравнены в правах с патрициями.

Плиний Младший (62—114 н. э.) — римский писатель, оратор и государственный деятель I—II вв. н. э., племянник и приемный сын Плиния Старшего, занимавший крупные государственные должности и пользовавшийся доверием императора Траяна. До нас дошли его «Девять книг писем» и его переписка с Траяном, ценная для характеристики административного управления того времени.

Плиний Старший (23—79 н. э.) — римский писатель I в. н. э., служивший в Германии и в Испании и погибший при извержении Везувия. Им написан ряд военных, исторических, риторических, грамматических и естественнонаучных произведений, из которых до нас дошли 37 книг его «Естественной

истории» — своего рода энциклопедии естественных наук.

Плутарх (около 46—120 н. э.) — известный греческий писатель, родившийся в Херонее и получивший высшее образование в Афинах. Из сохранившихся его произведений особенно замечательны биографии великих людей (46 параллельных биографий греков и римлян и 4 отдельных) и философско-публицистические сочинения).

Полибий (около 212—123 до н. э.) — известный греческий историк, родившийся в Мегалополе. Принимал близкое участие в политической жизни Греции, участвуя в делах Ахейского союза. С 167 г. жил в Риме и был близок к правящим кругам Римской республики. Написал ряд сочинений по истории, географии и военному делу, из которых до нас дошли только 5 книг (из 40) его всеобщей или мировой истории.

Помпей, Кней, Великий (106—48 до н. э.) — один из крупнейших римских полководцев конца республики. В 71 г. после войны с Серторием одержал над ним победу в Испании и разбил остатки армии рабов Спартака. В 66—63 гг. командовал римской армией на Востоке, победил Митридата Парфянского и Тиграна Армянского, присоединил Сирию и взял Иерусалим. Заключил с Цезарем и Крассом частный договор о захвате и разделе высшей государственной власти (1-й триумvirат). В 48 г. был разбит римским полководцем Цезарем при Фарсале.

Помпоний Мела — древнеримский географ, родом из Испании, живший в I в. н. э.; составил географический труд в трех книгах, являющийся латинской компиляцией из греческих источников.

Поссессоры — официальный термин для обозначения крупных собственников в Римской империи в IV—V вв. н. э. В эдикте императора Гонория 418 г. есть указание на то, что поссессоры должны входить в состав провинциальных собраний.

Постумий — римский император, провозглашенный императором в Британии

в 193 г. н. э. и побежденный Септимием Севером в 197 г.

Претор — один из высших чиновников в республиканском и императорском Риме. С 337 г. преторы были облечены судебной властью. В 247 г. судебная власть была разделена между двумя преторами. С течением времени преторы стали посылаться в провинции в качестве наместников, которые должны были командовать оккупационной армией, творить суд и заведывать администрацией. Начиная с эпохи принципата, судебные функции переходят в руки префектов — преторианского и городского, а управление императорскими провинциями — в руки пропреторов.

Преторианцы — лейб-гвардия римских кесарей, образовавшаяся из отборного отряда союзников, который в республиканскую эпоху охранял главнокомандующего и место его палатки (преторий), откуда и название «преторианская когорта». Сципион Африканский под тем же названием организовал отряд из римских всадников. Август для поддержания порядка в Италии создал девять преторианских когорт по 1 000 человек. Пешие и конные преторианцы стали ядром императорской армии. Привилегиями преторианцев были: почетное положение, усиленное жалованье [и 16-летний срок службы]. Во главе преторианцев стоял особый префект. В эпоху империи преторианцы играли большую политическую роль, ибо они были той реальной силой, которая свергала одних императоров и возводила на престол других. Константин Великий уничтожил преторианскую гвардию, заменив ее другой, и разрушил в Риме преторианский лагерь.

Принципат — образ государственного правления, установившийся в древнем Риме при Августе. Его основной чертой является двоевластие аристократического сената и его наиболее мощного представителя — принцепса, власть которого была ограничена конституционными рамками. В этом сказывается преобладание в ту эпоху в Риме аристократического класса, державшего в своих руках командующие экономические вы-

соты. Главными основами власти принцепса («первого» среди сенаторов и граждан) являлась высшая военная власть и власть народного трибуна, которая делала принцепса неприкосновенным и давала ему право вмешиваться в решения народа, сената и всех чиновников. Наряду с этим принцепс имел право творить суд, издавать законы и управлять провинциями. Постепенно императоры сосредоточили в своих руках всю полноту высшей власти, превратившись из «принцепсов» сената в неограниченных самодержцев.

Проб Марк Аврелий (232—282 н. э.) — главнокомандующий римскими войсками на Востоке, провозглашенный императором в 276 г. В 277 г. оттеснил германцев, вторгшихся в Галлию, и восстановил пограничный вал, а также вел удачные военные действия в 278 г. на Востоке. Заключил выгодный мир с персами и одержал ряд побед над своими соперниками. Принимал ряд мер к улучшению сельского хозяйства и к заселению Мезии и Фракии варварами.

Прокопий Кесарийский — византийский историк VI в. н. э., родившийся в Кесарии Палестинской. Получив юридическое образование, он в качестве юриста и секретаря сопровождал Велизария во время его походов, которые он описал в своей «Истории в 8 книгах» и в «Анекдотах» («Тайны истории»). В трудах Прокопия своеобразно объединились античная и христианская культура.

Клавдий Птолемей — знаменитый астроном и географ древности, родившийся в Египте и живший во II в. н. э. Ему принадлежит «Альмагест», «География», «Оптика» и ряд других научных трудов.

Птолемей — династия греко-македонских царей Египта, основателем которой был Птолемей I, сын Лага, почему Птолемеи называют Лагидами. Птолемей XIII и сестра его Клеопатра были последними представителями династии Птолемеи.

Пути и дороги через болота и леса Германии. — Об их существовании мы находим указания у Цезаря и у

Тацита («Анналы», I, 50, 63; II, 14). О «длинных мостах», ведших через болота, по которым шел Цецина, мы находим указание у Тацита («Анналы», I, 56).

Р

Реккесвинд (652—672 н. э.)—вестготский король, при котором духовенство имело преобладающее влияние на государственное управление.

Реклю Жан Элизе—французский географ; родился в 1830 г., умер в 1905 г. Главные его труды «Земля и люди», «Новая всеобщая география» и «Человек и земля».

С

Саксон Грамматик (1140—1206)—датский летописец, автор «Датской истории», которая является важнейшим источником по средневековой истории Дании вплоть до XIII в. Первые девять книг охватывают эпоху легенд, а последние семь книг—историческую эпоху до 1185 г.

Саксы—древнегерманское племя, упоминаемое в «Географии» Птолемея во II в. н. э. Тацит о них ничего не говорит, но в эпоху переселения народов они выступают уже как очень большое племя. Живя в районе Эльбы, Везера и Ютландского полуострова, они совершали постоянные набеги на северные берега Галлии. В середине V в., после того как римские войска покинули Британию, часть саксов двинулась туда и там обосновалась. Саксы, оставшиеся на материке, расширили свою территорию к югу, заняв Гарц и Тюринген.

Салический закон—одна из древнейших варварских правд, возникшая среди салических франков около VI в. н. э. Источниками этого сборника законов были, главным образом, нормы обычного права, существовавшие в различных частях племени салических франков. К этим нормам были присоединены постановления из других более древних правд, например, из правды вестготов. Салический закон действовал в районе Турнэ, Камбрэ и Мозеля и был признан общегосударственным законом в государстве Хлодвига. Явившись в результате социально-экономических отноше-

ний, характерных для эпохи распада родовой общины, Салическая правда носит на себе явные следы смешения римской культуры с германской. Впоследствии Салическая правда оказала сильное влияние на другие варварские правды (Рипуарскую и Баварскую). В XI в. Салическая правда приобрела значение франкского закона по преимуществу, существуя наряду с римским и лангобардским. Салическое и римское право легли в основу развития германского права.

Севы («самостоятельные, свободные») — в древнейшее время название группы древнегерманских племен, которые по своему кочующему образу жизни противопоставлялись оседлым племенам. Впоследствии же под севами стали понимать лишь одно племя. Родиной севов была область рр. Шпрее и Хавель, т. е. нынешний Бранденбург. Цезарь называет севами древнегерманское племя, жившее за убиями и сугамбрами. После перехода Цезаря через Рейн севы удалились в Гарц, отделявший их от херусков. До начала н. э. они заняли область нынешнего Тюрингена и Саксонии, а затем район рр. Майн и Неккар. Страна севов граничила с большой пустынной областью между Майном и Дунаем. Севы вошли в маркоманский союз племен, во главе которого стоял Марбод. В эпоху великого переселения народов севами называются только семноны, которые в 406 г. вторглись в Галлию, а в 409 г. вместе с вандалами и аланами прошли в Испанию, где получили от императора Гонория земли в Галиции. В Германии название севов сохранилось в имени севов или швабов, соседей алеманнов.

Светоний (около 75—160 н. э.)—древнеримский писатель, живший в Риме, занимавшийся риторикой и грамматикой и занимавший пост императорского секретаря при императоре Адриане.

Из дошедших до нас его сочинений особенное значение имеют его «Жизнеописания 12 императоров», написанные около 120 г.

Сегест—вождь херусков, враг Арминия, увезшего его дочь Туснельду; на-

ходил в дружбе с римлянами. В 9 г., накануне Тевтобургского сражения, он предостерегал Вара о той опасности, которая грозила его войску, а после поражения легионов Вара Сегест продолжал борьбу с Арминием. Осажденный Арминием, Сегест призвал на помощь Германика, который его выручил в 15 г., и дал ему именование в Галлии.

Седузии, или эйдозии, от слова «*iudaei*» (потомок) — древнегерманское племя, жившее в Ютландии и переселившееся вместе с англами и саксами в Британию. Впоследствии они появляются под названием «этингов, эйтов».

Секуляризация — переход лица или имущества из духовного состояния или церковного владения в светское. По каноническому праву это может совершаться лишь с согласия церковных властей, но на самом деле крупнейшие секуляризации производились по инициативе светской власти против желания церкви или при ее вынужденном согласии. В VIII в. н. э. в Западной Европе много церковных земель было секуляризовано и передано светским людям в виде вознаграждения за службу.

Сенека Люций Анней (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — древнеримский философ и писатель, воспитатель Нерона, имевший на него в первый период его правления большое влияние. Его перу принадлежит большое количество речей, трагедий, писем и диалогов.

Септимий Север (193—211 н. э.) — древнеримский император, родился в Африке, был сенатором при императоре М. Аврелии, а после убийства императора Пертинакса в 193 г. был провозглашен императором придунайскими легионами, которыми он командовал, будучи наместником Паннонии. Распустил преторианцев и организовал вместо них гвардию из отборных солдат всех легионов. Вел успешную войну против парфян и присоединил к Риму всю Месопотамию. В конце своей жизни воевал с каледонцами в Британии и восстановил Адрианов вал.

Сестерций — древнеримская серебряная монета. В эпоху Пунических войн

сестерций состоял из 4 ассов. В конце 1 в. до н. э. чеканился из меди и бронзы и, согласно постановлению сената от 15 г., весил 1 унцию (27,288 г.).

Сигизмунд Бургундский — бургундский король, живший в VI в. н. э., сын арианина Гундобада. Для того чтобы сблизиться с бургундским народом и духовенством, он принял католичество, покровительствовал духовенству и вытеснил арианство. Вдова и сыновья Хлодвига начали с ним войну и одержали над ним окончательную победу.

Сидоний Аполлинарий (ок. 430—480 н. э.) — галло-римский писатель и политический деятель V в., происходивший из знатного галльского рода. Ему принадлежит ряд длинных хвалебных стихотворений, брачных гимнов, писем к друзьям и родственникам. Все творчество Сидония Аполлинария отражает эпоху сплетения античной культуры с феодальной.

Синезий (379—412 н. э.) — неоплатоник, философ, оратор и поэт, изучавший философию в Александрии и принявший христианство в 410 г. Его философские идеи выражены им в его речах, письмах, гимнах и других сочинениях.

Стаций (40—95 н. э.) — древнеримский поэт, написавший большое количество стихотворений, главным образом, по заказу знатных иностранцев на разные случаи из их жизни. Его стихотворения собраны в сборнике «Леса»; ему же принадлежат две большие эпические поэмы «Фиваида» и «Ахиллеида».

Стэнли — знаменитый английский путешественник, совершивший ряд путешествий по Африке и обследовавший Центральную Африку. Его путешествия им описаны в ряде книг.

Сулла Люций Корнелий (138—78 до н. э.) — древнеримский диктатор, участвовал в Югуртинской войне и в походе против кимвров и тевтонов; вел удачную войну с Митридатом. Назначенный диктатором в 82 г., Сулла провел ряд реформ, которые закрепили господствующее положение сената и аристократии, и в 79 г. сложил с себя диктатуру.

Т

Талия — по верованиям древних греков и римлян, муза (т. е. божественная покровительница) комедии, изображавшаяся в виде молодой девушки с жезлом в руке.

Тацит Публий Корнелий (55—120 н. э.) — знаменитый римский историк, занимавший ряд государственных должностей при императорах Веспасиане, Домициане, Нерве, Траяне и Адриане. Из его сочинений до нас дошли: «Жизнеописание Агриколы», «Диалог об ораторах», «Германия», «Истории» и «Анналы». Последний труд, описывающий эпоху Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона, представляет особенно крупный исторический интерес. Труды Тацита ценны не только по высокой художественности литературного стиля, но также и потому, что, основываясь на глубоком изучении множества письменных источников, они содержат в себе громадное количество интереснейших исторических фактов.

Тейдеберт (595—612 н. э.) — франкский король, сын Хильдеберта.

Тенктеры — древнегерманское племя, жившее на правом берегу Рейна, упоминаются у Цезаря (4, 15) как превосходные наездники. В 59 г. до н. э. они соединились с усипетами и поселились по нижнему течению Рейна, зимой 50—55 г. перешли через Рейн, но близ Нимвегена были почти совсем уничтожены Цезарем. После этого они поселились севернее р. Липпе. В 69—70 гг. н. э. принимали участие в восстании Клавдия Цивилия.

Теодорих Великий (454—526 н. э.) — король остготов, объединивший весь народ остготов под своей властью. В 488 г. повел остготов в Италию, где одержал победу над Одоакром, что отдало в руки остготов всю Италию. При нем остготское государство стало великой державой, заняв часть нынешних Прованса, Швейцарии, Тироля, Австрии и Далмации. Теодорих Великий вошел в древнегерманский эпос, в поэму о Нибелунгах, под именем Дитриха Веронского, который выступает здесь в качестве современника Аттилы. В 38 гл.

«Песни о Нибелунгах» описывается жестокий бой между Амелунгами, дружиной Дитриха Веронского, и Нибелунгами и борьба Дитриха с Гагеном и Гунтером (гл. 39).

Тертуллиан — раннехристианский богослов; родился в 160 г. н. э. и оставил большое количество догматических, апологетических и полемических произведений.

Тейя — остготский полководец, выбранный остготами королем после смерти Тотилы в 552 г. и разбитый Нарсесом в сражении при Молочной (Лактарской) горе близ Везувия в 553 г.

Тиберий (43 до н. э.—37 г. н. э.) — римский император, сын Тиберия Клавдия Нерона, усыновленный Августом. Прославился как один из самых выдающихся римских военачальников, одержав ряд крупных побед над альпийскими горцами и германцами, покорив альпийские племена и распространив римское владычество до Эльбы и Нижнего Дуная. В своей внутренней государственной деятельности он продолжал дело укрепления принципата, дав силу закона постановлениям сената и эдиктам императора. Вместе с тем он опирался на преторианскую гвардию, сосредоточив в Риме в укрепленном лагере 10 когорт преторианцев.

Тиссаферн — персидский сатрап Малой Азии, игравший видную роль в последний период Пелопоннесской войны и в начале IV в. до н. э. После губительной для афинян сицилийской экспедиции Персия выступает в качестве как бы решающей силы. И афиняне и пелопоннесцы домогаются союза с ней и денежных от нее субсидий. Тиссаферн заключает союз с пелопоннесцами. Далее, он покорил Персии греческие города, лежавшие в глубине Малой Азии, и пытался покорить прибрежные греческие города. В 395 г. до н. э. был разбит Агезилаем, смещен и казнен по приказу персидского царя.

Тога — древнейшая одежда римлян, состоявшая первоначально из плотного шерстяного покрова, которым, как передником, покрывали тело от пояса до нижней части ног. Позднее тогу

стали употреблять как верхнюю одежду, свободно набрасываемую вокруг тела, которая постепенно превратилась в выходную официальную одежду. В III в. до н. э. тога была знаком отличия римских граждан и чиновников.

Тотила (VI в. н. э.)—остготский король, ведший в Италии длительную войну с византийскими войсками, находившимся под начальством Велизария и Нарсеса, одержавший над ними ряд побед, но побежденный Нарсесом при Тагинэ в 552 г.

Траян (53—117 н. э.)—римский император, усыновленный Нервой. В молодости участвовал в иудейской и в парфянской войнах, а впоследствии в двух дакийских войнах, которые окончились покорением Дакии. В 113 г. предпринял поход на Восток, покорил Армению и Месопотамию и, перейдя через Тигр, проник в Парфию до Ктесифона. Его правление ознаменовано крупной строительной деятельностью и широкой колонизацией (в частности Балканского полуострова).

Треbellий Поллион—один из шести авторов истории Августов, писавший во времена Диоклетиана. Составленные им биографии императоров не имеют большой исторической ценности, так как отличаются преувеличенной риторичностью и наполнены лестью императорам, особенно Клавдию II.

Трейчке Г. Ф. (1834—1896)—известный немецкий историк и публицист. Принимал участие в политической борьбе; в 1871 г. был избран в рейхстаг и примкнул к партии национал-либералов. В своих речах и статьях проводил идеи необходимости единой Германии и конституционного строя. Его крупнейшим историческим трудом является «История Германии в XIX в.», которую он успел довести лишь до 1848 г. В этой работе он проводит идеи прусско-немецкого патриотизма, доходящего до шовинизма.

Трибоки («живущие в трех округах») — древнегерманское племя, жившее в бельгийской Галлии, между Вогезами и Рейном, в области теперешнего Страсбурга. Принадлежали к этнической

группе свевов. Принимали участие в походе Ариовиста в Галлию.

Тубанты («живущие в двух округах», от герм. «бант» — округ)—древнегерманское племя, бывшее в союзе с херусками. Сначала тубанты жили между Рейном и Исселем, во время Германика—на южном берегу р. Липпе, в прежней области сугамбров. Позднее они двинулись дальше на юго-восток и поселились между Фульдой и Веррой.

У

Убии — древнегерманское племя, принадлежавшее к этнической группе истевонов и жившее на правом берегу Рейна. Часто упоминаются в «Истории галльских войн» Цезаря, как верный союзник римлян, к которым они примкнули, живя к югу от сугамбров и будучи теснены свемами. В 38 г. до н. э. Агриппа переселил их на левый берег Рейна, в область, находившуюся между Бонном и Крефельдом. Здесь они вошли в состав нижнегерманской провинции, а главный город их Oppidum Ubiorum в 51 г. н. э. получил значение колонии и в честь Агриппины Младшей был назван Colonia Agrippina (теперь Кельн). Убии должны были охранять Рейн от германцев, а Кельн, привлекая многочисленное римско-германское население и ставший центром гражданского управления страны и ставкой нижнерейнской армии, получил такое же культурное значение, как в Галлии Лион. Из других городов убиев следует отметить Юлих, Нейс и Бонн. Живя на Рейне, который был крупнейшим торговым путем, убии достигли более высокой степени развития, чем остальные германские племена. Соседство Галлии и близость кельтских племен оказали влияние на убиев, которые восприняли некоторые галльские обычаи и находились под кельтским влиянием, на что мы находим указания у Цезаря, подтверждаемые раскопками.

Усипеты — западный древнегерманский народ, который на своем пути в бельгийскую Галлию был застигнут и разбит Юлием Цезарем на левом берегу Нижнего Рейна в 55 г. до н. э. Вернувшись снова на правый берег Рейна,

они вместе со своими союзниками и соседями тонктерами нашли приют у сугамбров, среди которых и поселились на р. Нижняя Липпе, ведя постоянную борьбу с римлянами. Изгнанные с берегов р. Липпе при Веспасиане, они поселились по р. Фульде и в III в. н. э. слились с алеманнами.

Уэллингтон (Веллингтон) (1769 — 1832) — английский полководец; участвовал в походе в Голландию, командовал португальскими, испанскими и английскими силами в Испании во время войны с Наполеоном. Вместе с Блюхером одержал победу над Наполеоном при Ватерлоо 18 июня 1815 г.

Ф

Фаланга — тесно сомкнутая боевая линия, характерное построение древнегреческого войска, которое встречается во всех древнегреческих войсках и государствах. Существенными ее признаками являлись плотное построение рядов и длинные копья. Строго выдержанный тип фаланги встречался у дорян, у спартанцев, у которых вся сила войска заключалась в тяжеловооруженной пехоте (гоплиты). Построение фаланги было усовершенствовано Филиппом II Македонским, который выстраивал войско по 8—16 человек в глубину. У римлян построением по фаланге пользовались до введения манипулярного строя при Камилле, а также при императорах в войнах с варварами.

Иосиф Флавий — еврейский историк I в. н. э., участвовавший в борьбе иудеев против римлян, но перешедший на сторону римлян, придерживавшийся римской ориентации и написавший ряд трудов по истории иудеев.

Фемида — древнегреческая богиня правопорядка, охранительница нравственных устоев и всего строя жизни.

Фемистокл (около 525—460 до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель эпохи греко-персидских войн.

Флор — древнеримский писатель, живший в конце I в. и начале II в. н. э. Ему принадлежит исторический трактат, озаглавленный «Две книги войн римлян».

Сочинение это является извлечением преимущественно из Ливия, а также из других историков, как, например, Саллюстия и Сенеки Старшего, и даже из поэтов (Лукан).

Фризы — древнегерманское племя из группы ингевонов, которое жило по соседству с саксами и занимало «Буртангово болото», т. е. местность между Зюдерзее и Эмсом, где и теперь еще живут фризы. До фризов здесь жили кельты. Фризы сюда пришли с востока, из северофризландских и дитмаршенских болот Шлезвиг-Голштинии. Друз подчинил их римскому владычеству, но впоследствии, после ряда войн с римлянами, фризы добились самостоятельности. В эпоху переселения народов фризы оттеснили салических франков от устьев Рейна и Шельды и расширили свою территорию при помощи широкой колонизации.

Фронтин Секст Юлий (40—103 н. э.) — римский землемер, гидротехник и военный писатель. Римский патриций по происхождению, он занимал самые разнообразные должности на государственной службе. Оставил сочинение по военному делу под заглавием «Stratagematum».

Х

Хавки («высокие») — один из важнейших древних северогерманских народов ингевоновской группы. Жили между нижним течением Эмса и Эльбы по берегу Немецкого моря и по берегам р. Везера. Хавки образовывали целую группу племен. Они делились на «больших» и «малых», границей между которыми был Везер. Тацит указывает на их многочисленность и силу, но также и на их миролюбие, хотя сам пишет об их военных набегах в Нижнюю Германию («Анналы», 11,13). К тому же они, очевидно, вместе с хаттами отняли часть территории у херусков. Хавки со времен Августа в течение долгого времени воевали с римлянами, временами подчиняясь их власти. Впоследствии они перешли Эмс, вытеснили бруктеров и заняли их места, лежавшие к югу от их родины. Они, вероятно, теснили франков, что и заставляло последних уси-

ленно стремиться на запад. В конце концов хавки вошли в состав саксонской группы племен, а северная их часть смешалась с фризами. Согласно Плинию (4, 101) они жили также на о-вах между устьем Мааса и Зюдерзее, а согласно Птолемию (2, 28)—на восточном берегу Ирландии.

Хатты — древнегерманское племя из группы гермионов, жившее на Эдере и Фульде, по соседству с херусками, гермундурами, усипетами и тенктерами. Их главным поселением было Маттиум, очевидно, находившееся близ деревни Меце, севернее Эдера. Хатты расширили свою территорию благодаря победе над херусками, но затем принуждены были отдать часть своих земель римлянам, гермундурам и саксам.

Херуски — крупное древнегерманское племя, относимое Плинием к германской группе. Тацит помещает их восточнее хавков и хаттов. Они обитали по берегам Среднего Везера, по его притокам и около Гарца; границы их поселений достигали Эльбы. Друз и Тиберий покорили херусков силой римского оружия. Но под предводительством Арминия они восстали против Рима и разбили Вара в Тевтобургском лесу. Германик нанес херускам тяжелое поражение, но был отозван в Рим и не окончил войну с германцами. Внутренние смуты ослабили силу херусков и дали возможность римлянам снова вмешаться в их внутренние дела. Впоследствии херуски вступили в союз с франками и алеманнами и, наконец, вошли в группу саксонских племен.

Хлодвиг I — сын Хильдериха I; франкский король, организовавший государство франков и расширивший его пределы, создавший королевскую власть и принявший христианство.

Ц

Юлий Цезарь (100—44 до н. э.) — римский государственный деятель и писатель, проводивший в своей деятельности идею централизации власти и разрушения престижа и авторитета аристо-

кратического сената. Как полководец прославился своей галльской войной, которая окончилась покорением Галлии. Как писатель получил известность своими двумя литературными произведениями: «Комментарии о гражданской войне» и «Комментарии о галльской войне».

Центурион — низший чин римской военной иерархии, начальник центурии как военной части. В эпоху республики состав центурионов пополнялся из среды наиболее опытных и выслужившихся солдат. Но впоследствии, особенно во время империи, всадники обычно начинали свою военную карьеру с должности центуриона. Так как в древности не все должности центурионов имели одинаковый ранг, то центурионы должны были последовательно проходить через все эти должности. Введение когорт несколько упростило эту сложную систему. Сверхкомплектные центурионы не имели своих центурий, а несли вспомогательную службу, исполняя разные поручения.

Центурия (сотня) — в военном отношении призывная единица, первоначально выставлявшая одну центурию, т. е. сотню пехотинцев или всадников. Очень рано, однако, центурия стала функционировать исключительно как призывное деление, не связанное определенным числом выставляемых солдат. В то же самое время под словом «центурия» понималась воинская часть, насчитывавшая 100 пехотинцев или всадников.

Цецина Авл Север — в 6 г. н. э., будучи наместником в Мезии, воевал с паннонцами. В 14—15 гг., когда Германик воевал с хаттами, Цецина совершил набег на херусков и затем вернулся со своими четырьмя легионами на Рейн.

Цицерон (106—43 до н. э.) — древнеримский оратор, философ и государственный деятель, проникнутый идеями староримской республиканской традиции. Ему принадлежит ряд дошедших до нас сочинений по теории слова, речей, философских трактатов и писем.

Э

Эврих — вестготский король (466—484), при котором вестготское государство достигло высшей степени своего могущества, обнимая всю среднюю и южную Галлию и почти всю Испанию.

Элиан — древнегреческий военный писатель, родом грек, жил в Риме при императорах Траяне и Адриане около 98—138 гг. н. э. Ему принадлежит трактат «О военном строе греков».

Эпаминонд — один из величайших греческих полководцев IV в. до н. э., живший в эпоху расцвета бэотийского союза и Фив. С 371 по 362 г. вел длительную войну со Спартой и ее союзниками.

Эрвиг — вестготский король (680—687), при котором епископат имел решающее влияние на государственное управление.

Ю

Югурта (II в. до н. э.) — царь нумидийский, ведший с 111 по 104 г. войну с Римом, потерпевший ряд поражений от римских войск под командой Метелла и Мариа и казненный в Риме в 104 г. до н. э.

Юлиан (331—363 н. э.) — древнеримский император, получивший от христиан прозвище «Отступник» за его попытку восстановления древних языческих культов и за его ожесточенную борьбу с христианством. Поставленный императором Констанцием во главе управления Галлией, одержал ряд побед над германцами, главным образом, над алеманнами, которых он разбил под Страсбургом в 357 г. Объявленный в 361 г., после смерти Констанция, императором, он умер в 363 г. во время похода против персов.

Юлий Цивилий — вождь батавов в борьбе с Римом во время восстания 68—70 гг. н. э. При Нероне вместе

с Юлием Павлом был обвинен в заговоре и в цепях отправлен к Нерону. Гальба освободил его, но при Вителлии Цивилий снова поднял против него восстание среди батавов и привлек на их сторону канинефатов и фризов, поддерживая в свою очередь Веспасиана. Когда же Веспасиан был объявлен императором, Цивилий поднял восстание против римлян и одержал ряд успехов, заняв Ветера и Новезий. Осенью 70 г. восстание батавов было окончательно подавлено, и Цивилий сдался римлянам в Ветера.

Юнона — древнеиталийская богиня, женское божество, параллельное Юпитеру, носившее царский титул и олицетворявшее воинскую отвагу и победу. Впоследствии культ Юноны приобрел характерные черты культа богини-покровительницы женщин и женской жизни.

Юпитер — древнеиталийский бог небесного света или светлого неба с его атмосферическими явлениями, податель плодородия, победы, охранитель правопорядка, «всеблагий царь богов и людей».

Юстиниан (527—565 н. э.) — император Восточной римской (Византийской) империи. В своей деятельности он пытался провести в жизнь идею создания всемирной римской и христианской монархии с самодержавным и неограниченным императором во главе. В результате длительных войн одержал ряд успехов над персами и вернул империи Италию и Африку, разбив остготов и вандалов. Памятником его законодательной деятельности является Кодекс Юстиниана, изданный в 529 г. и включающий императорские указы от Адриана до Юстиниана. Наконец, замечательным памятником искусства его эпохи является храм св. Софии, построенный им в Константинополе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие автора к третьему изданию	17
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
БОРЬБА РИМЛЯН С ГЕРМАНЦАМИ	
Глава I. Древнейший общественный строй германцев	19
Плотность населения в Германии	27
Князья и хунны	29
Смена поселений и пашен	30
Величина деревень	31
Тунгин	32
Новейшая литература	34
Глава II. Военное искусство древних германцев	40
Кли	50
Профессиональные воины	52
Фрама	—
Глава III. Покорение Германии римлянами	55
Источники	59
Римский пост у устья Везера	63
Глава IV. Сражение в Тевтобургском лесу	64
Место летнего лагеря	73
Дэрское ущелье	76
Клостермейер и Витерсхейм	78
Дни переходов и сражений	—
Заключительная катастрофа	80
Гипотезы Моммсена и Кноке	82
Буквальный перевод свидетельств источников	83
Глава V. Германик и Арминий	88
Весенний поход 15 г.	91
Главный поход 15 г.	92
Глава VI. Кульминационная точка и окончание войны	98
Конец войны	105
К походу 16 г.	108
Limites (границы)	114
Специальное исследование о местонахождении Ализо	116

	<i>Стр.</i>
Глава VII. Римляне и германцы в состоянии равновесия	133
Описание римской границы	140
Палисадные укрепления	—
Пограничные сооружения Домициана	141
Глава VIII. Внутренняя жизнь римской императорской армии	142
Набор	168
Общая численность всего войска	169
Глава IX. Теория	170
Глава X. Упадок и разложение римского военного искусства	174
Изменение численности населения	187
Запас благородного металла	191
Изменение системы снабжения при Септимии Севере	193
Численность войска и наборы солдат в IV столетии	194
Относительно Вегеция	197

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Глава I. Римская империя с германскими солдатами	207
Падение императора Грациана	215
Наследственная обязанность военной службы	217
Сражение при Фригиде	—
Глава II. Сражение при Страсбурге	218
Глава III. Сражение при Адрианополе	224
Глава IV. Цифры	238
«Расписание должностей» и цифровые данные о численности войск	248
Вандалы	—
Глава V. Народные армии и их миграции	250
Сотня в эпоху переселения народов	259
Аристократия вождей	261
Тиуфад	262
Глава VI. Расселение германцев в Римской империи	263
Литература	276
Mancipia	—
Раздел крупного поместья	277
Раздел дома и двора	—
Оба hospites	278
Бургунды, которые пришли позднее	279
Королевское дарение и «гостеприимство»	—

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН И ГОТЫ

Глава I. Военное дело при Юстиниане	281
Герулы	289
Глава II. Сражение при Тагинэ	290

	<i>Стр.</i>
Глава III. Сражение при Везувии	298
Глава IV. Сражение при Казилине	301
Глава V. Стратегия	306

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРЕХОД К СРЕДНИМ ВЕКАМ

Глава I. Организация военного дела в романо-германских государствах	313
Буккеларии	321
Всеобщая воинская повинность	322
Военная служба литов	324
Блаженный Авит	—
Из закона вестготов	325
Глава II. Эволюция тактики	328
Глава III. Упадок первоначальной германо-романской военной организации	335
Текст законов	338
Глава IV. Происхождение ленной системы	343
Епископ Претекстат	357
Майское поле	—
Вассалитет у вестготов	—
Секуляризация	358
Снабжение и обоз	359
Литература	365
Справочный алфавитный указатель некоторых имен и названий, встречающихся в тексте II тома труда Дельбрюка	371

Сдано в набор 16.4.36. Подписано к печати 13.5.37.

Формат бумаги 72 × 110/16
34,85 авт. л. 25,5 печ. л.
55 120 зн. в 1 печ. л.

Цена книги 7 р. Переплет 1 р. 50 к.
Г—100154

Издательский № 105. Заказ 1483

Адрес издательства: Москва, Орликов пер., 3

3-я тип. Гос. военного издательства НКО СССР
им. К. Ворошилова (Ленинград, ул. Герцена, 1)



